

ЗОЛОТОЙ ВЕК
ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Питер
ЛАВСИ

ИЩЕЙКИ

Питер
ЛАВСИ

Питер
ЛАВСИ

ИЩЕЙКИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Л13

Серия «Золотой век продолжается»

Peter Lovesey
BLOODHOUNDS

Перевод с английского В. Соколова

Серийное оформление В. Половцева

Печатается с разрешения автора
и литературного агентства Vanessa Holt Ltd.

Лавси, Питер.

Л13 Ищейки : [роман] / Питер Лавси ; [пер. с англ. В. Соколова]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 352 с. — (Золотой век продолжается).

ISBN 978-5-17-982459-6

Члены литературного детективного клуба «Ищейки» привыкли разгадывать книжные преступления. Но на этот раз им пришлось стать свидетелями настоящих преступлений! Сначала у эксцентричного пожилого Майло Моциона обнаруживается похищенная из музея бесценная старинная марка. А потом происходит загадочное убийство...

Но кто и зачем избавился от самого тихого и неприметного из «литературных детективов» ночного сторожа Сида Тауэrsa? Как его труп попал на яхту все того же Моциона? Почему таинственный анонимный осведомитель пытается обвинить в этом преступлении еще одного члена клуба — преуспевающую галеристку Джессику Шоу?

Пока у Питера Даймонда больше вопросом, чем ответов. А навязчивые попытки дилетантов «Ищейек» помочь запутывают расследование все сильнее...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Peter Lovesey, 1996
© Перевод В. Соколов, 2017
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-982459-6

Первая загадка

ВЫЗОВ

Глава 1

Детектив-суперинтендант Питер Даймонд скорчился на заднем сиденье патрульной машины, которая, включив мигалку и ревя сиреной, мчалась на полной скорости по Кейншэм-байпас в сторону Бата.

— Берегись придурков за рулем! — крикнул он водителю.

— Нас видно за милю, сэр.

— Да, но кто знает, что придет им в голову?

Даймонд чувствовал, что каблуки его ботинок вот-вот продавят пол. В машине он оказался только потому, что выступал свидетелем в Бристольском суде и попросил патрульного подкинуть его до Бата. Вызов поступил почти сразу же, как они отъехали от города. Дьявольское невезение.

— Ты говоришь — звонили из банка?

— Да, сэр.

— У тебя есть счет в банке, сынок?

— Да, сэр.

— В этом отделении?

— Нет, сэр.

— А, тогда хорошо.

— Похоже, там что-то серьезное.

— Такое случается сплошь и рядом, — ответил Даймонд, пытаясь перекричать рев сирены. — Как только какой-нибудь бедняга уходит в минус, банк съедает его заживо. Это настоящие акулы. Они присылают тебе уведомление, что ты превысил кредит на пару фунтов, и берут с тебя десять фунтов за то, что его отправили.

Разговор заглушил рев сирены. Даймонд старался не смотреть на придорожную зелень, сливавшуюся за окном в мутную полосу. Еще этим утром, сидя в суде, он всерьез думал, что работать полицейским в Бате — пара пустяков. Когда они подлетели к кольцевой развязке между Бат-роуд и Бродмид-лейн, он закрыл глаза.

Взвизгнув тормозами, машина остановилась у банковского отделения на шоссе А4 в Солтфорде.

— Кажется, мы первые, — без особой радости заметил Даймонд. — Интересно, этот клоун у двери — один из них или один из наших?

Мужчина в серой «тройке» помахал им рукой — явный признак «своего». Он подскочил к машине раньше, чем Даймонд успел вытащить из салона свое грузное тело.

— Раутледж, — представился господин в «тройке». Голос у него был сладким, как фруктовое желе. — Старший клерк. — Он протянул руку Даймонду с деловым видом, словно перед ним был новый клиент, желавший открыть счет. — Быстро вы приехали.

— Что тут стряслось?

— Наш управляющий, мистер Беллини, мертв.

— Мертв?

— Да, убит выстрелом в голову, — подтвердил клерк сухим тоном британского актера, демонстрирующего мужество на поле боя.

— Вот как? Стрелок еще в здании?

— Э... нет.

— Есть свидетели?

— Свидетели? Нет, все произошло в кабинете мистера Беллини.

— Но люди должны были слышать выстрел.

— Тут вы правы.

— И видеть, как убийца вышел из кабинета.

Раутледж задумался.

— Боюсь, что нет. Спросите их сами. По-моему, все прятались за столами.

Даймонд старался быстро усвоить полученную информацию.

— Если никто не видел, как стрелявший вышел из кабинета, откуда вы знаете, что его там нет — у мистера Беллини?

Ратуледж пожал плечами и скромно улыбнулся.

— Дело в том, что это я его застрелил. Простите, что говорю так прямо, офицер. Но мистер Беллини был тот еще засранец.

Глава 2

Церковь Святых Михаила и Павла, возведенная в тот год, когда королева Виктория взошла на трон, расположена на перекрестке Брод-стрит и Уэлкот-стрит, недалеко от «Подiums» и здания почтамта. Писатель Джон Хэддон в своем «Описании Бата» назвал это место «ловушкой для глаз» — лучше, действительно, не скажешь. Ее шпиль величаво возвышается над городом. Южный фасад, сильно усеченный из-за нехватки места, был вдохновлен собором в Солсбери. Правда, в центре Бата он смотрится не очень. Узкие окна, острые шпицы и стрельчатые арки плохо сочетаются с георгианскими фронтонами и портиками. Самое приятное, что случилось с этим зданием за последние десятилетия, — очистка стен. После того, как с камней сняли столетнюю копоть, церковь стала куда лучше вписываться в окружающую архитектурную среду — если не по форме, то по цвету.

В этот пасмурный октябрьский день, около восьми вечера, на перекрестке со стороны Брод-стрит появилась женщина в желтом плаще и с большим зонтом, которым она старалась заслониться от окрестных зданий. Гро-

мада собора действовала на нее угнетающе: Ширли-Энн Миллер не любила ходить в церковь. Она была в храме единственный раз — много лет назад, во время фестиваля, на концерте Найджела Кеннеди. Ее увлечение этим панк-скрипачом началось лет в пятнадцать и продлилось чуть ли не до тридцати. Но сегодня она шла сюда совсем по другой причине, и причина эта, судя по всему, была очень веской, поскольку встречу назначили не где-нибудь, а в церковном склепе.

Дверь в храм оказалась закрыта. Ширли-Энн искала другой вход, начиная сомневаться в том, что ее правильно проинформировали. Со стороны Уэлкот-стрит обнаружились невысокие перила, за ними — спускавшиеся вниз ступеньки. Она сняла очки и протерла стекла, пытаясь понять, что делать дальше. Лестница заканчивалась дверью с аркой и явно вела в подвальный этаж. Женщина закрыла зонтик, как следует его встряхнула и, глубоко вздохнув, спустилась вниз.

Она боялась увидеть могильные плиты и надгробия, затянутые паутиной, но вход в крипту оказался светлым и просторным. В коротком коридорчике имелось несколько дверей, и за одной из них слышались чьи-то голоса.

Ширли-Энн всегда нервничала перед встречей с новыми людьми, но тут уж ничего нельзя было поделать. Она толкнула стеклянную дверь и вошла в комнату. Помещение напоминало палату в частной клинике: теплое, уютное, с большим ковром и ярким светом, без малейших намеков на гробы. На желто-кремовых стенах висели туристические постеры. Все выглядело таким чистым и стерильным, что она испугалась, как бы не запачкать ковер мокрой обувью.

Находившаяся в комнате пара оборвала разговор и уставилась на Ширли-Энн. Сидевшая ближе к ней женщина — немолодая, с широким напудренным лицом и изумрудными тенями вокруг глаз, в переливчато-синем платье с высоким воротником, — показалась ей похожей

на восточную царицу. Нефритовые серьги, ярко окрашенные ногти... Все остальное выглядело скорее по-европейски: светлые завитые волосы и сочные оранжевые губы, сжатые в надменной гримасе.

Мужчина был не менее внушителен в своем роде. Свою пышную черную бороду он, похоже, приобрел в ма-скарадной лавке: она никак не вязалась с его седыми волосами. Ширли-Энн невольно пришло в голову, не при-клеена ли его борода к очкам и не продавались ли они одним комплектом.

Поскольку те продолжали хранить молчание, она представилась.

Двое все так же молча смотрели на нее, и она торо-пливо добавила:

— Надеюсь, я не ошиблась адресом? Это вы — «Ищейки Бата»?

Вопрос прозвучал как-то глупо. Мужчина, не отвечая прямо, поинтересовался:

— А вы что, хотите присоединиться?

— Да, мне сказали, что меня могут принять. Я обожаю детективные истории.

— На вашем месте я бы так не говорил, — предупре-дил мужчина тоном адвоката, дающего квалифициро-ванный совет. — Некоторых людей может покоробить подобное признание. Надо осторожнее говорить о своих пристрастиях. Лучше сказать: я поклонник криминаль-ного жанра. Не так ли, мисс Чилмарк?

Восточная царица скривила губы и не произнесла ни слова.

Мужчина продолжал:

— Термин «криминальный жанр» гораздо более ши-рок, чем старомодные «детективные романы». — Он рас-сеянно взглянул на каменные своды церкви. — Скажем так, мы — свободолюбивая община.

Ширли-Энн догадалась, что последняя фраза была шуткой, и, хихикнув, пробормотала:

— Ну, я имела в виду не только детективные истории.

— А что вы имели в виду? — спросил мужчина.

Ширли-Энн уже стало казаться, что, придя сюда, она совершила большую ошибку.

— Просто сказала первое, что пришло в голову.

— Это не всегда срабатывает. Как нам вас называть — мисс или миссис?

— Называйте просто по имени, если это вас устроит.

— О, вполне устроит, — более дружелюбно ответил мужчина. — Меня все зовут Майло. От своей фамилии я не в восторге. Она звучит как Моцион, и в школе меня дразнили всякими глупыми прозвищами. А к мисс Чилмарк всегда можно обращаться как к... мисс Чилмарк.

Мисс Чилмарк заговорила голосом диктора в старых телепередачах:

— Чилмарки жили в западных графствах более семисот лет. Я не стыжусь своей фамилии.

— Сколько еще человек в группе? — спросила Ширли-Энн.

Это был важный вопрос. Если больше никого нет, она здесь не останется.

— В «Ищейках»? Сейчас шесть, — ответил Майло. — Семь, если вы запишетесь. Раньше было больше, но многие выбыли. Кто-то умер, кто-то уехал, а кто-то не оправдал ожиданий. Вы хорошо разбираетесь в теме?

— В какой теме?

— В криминальном жанре. Что вы читаете?

— О, да почти все, — ответила Ширли-Энн, не желая, чтобы ее тоже сочли «не оправдавшей ожиданий». Тот факт, что в группе были и другие члены, кроме этой парочки, ее немного успокоил. — Я глотаю все подряд. Прочесала все библиотеки, а потом перешла на букинистов. Всегда ищу что-то новенькое.

— Но что именно вы предпочитаете? Классические детективы? Полицейские боевики? Психологические триллеры?

— И то, и другое, и третье. Плюс судебные драмы, нуар, истории о частных сыщиках, рассказы про шпионов...

— И вам все это нравится? — с сомнением спросил Майло.

— Я читаю любые книги, даже самые плохие. Наверно, у меня просто мания. Конечно, если книга хорошо написана, она нравится мне больше.

— Полагаю, вы сможете внести свой вклад в наш кружок, — заметил Майло.

— Почему бы нет? — широко улыбнулась Ширли-Энн. — У меня сотни лишних книг.

Майло пощупал бороду, словно проверяя, на месте ли она.

— Под «вкладом» я имел в виду не книги, а суждения. Мы, знаете ли, не всеядны. У нас есть свои ограничения.

Мисс Чилмарк резко подалась вперед.

— Я, например, ищу в книгах интеллектуальный смысл. Разумеется, речь идет не о тех нелепых и невероятных историях, которые автор помещает в какой-нибудь загородный дом. Вы читали «Имя розы» Умберто Эко?

Ширли-Энн кивнула, но не успела ничего ответить.

— Великолепная книга! — отчеканила мисс Чилмарк. — Превосходный сюжет. Какая атмосфера! Какая эрудиция! Какой смелый замысел — убийство в средневековом монастыре! Интрига, которая не отпускает вас до самого конца! Карта, лабиринт, искажающее зеркало, блестящая дедукция... Неудивительно, что у него нашлось столько подражателей. Все эти рассказы про монаха из Шрусбери...

— Брата Кадфаеля? — вставила Ширли-Энн.

— Ну да, я про него. Их явно вдохновил великий роман Эко.

— Возможно, вы ошибаетесь, — мягко возразила Ширли-Энн. — Первая книга про Кадфаеля вышла на несколько лет раньше, чем «Имя розы». Я хорошо это помню, потому что прочла ее в 1977 году, после того, как мне вырезали аппендицит. А «Имя розы» вышла в 1983-м, когда я вывихнула плечо.

— Наверно, было ужасно больно, — вставил Майло.

— Но она могла выйти раньше на итальянском языке, — с победоносной улыбкой парировала мисс Чилмарк.

— Полагаю, нам нужны более точные сведения, — покачал головой Майло.

Ширли-Энн промолчала, но про себя решила при первой же возможности выяснить правду.

В эту минуту их прервали. В комнату вошла новая участница группы и, стянув с головы шелковую косынку, тряхнула волосами. У нее была короткая стрижка — шапка светлых пружинистых кудряшек, одна из тех шевелюр, которые всегда выглядят отлично и почти не требуют укладки.

Рука Ширли-Энн невольно потянулась к голове, чтобы пригладить непослушные пряди. С прической у нее всегда были проблемы.

Майло представил вошедшую:

— Это Джессика, наш эксперт по женщинам-детективам. Дайте ей шанс, и она засыплет вас их именами.

— Как интересно! — Ширли-Энн была очень рада, что не всем участникам «Ищеек» стукнуло за шестьдесят. — Дайте я тоже попробую. В.И. Варшавски, Кинси Милхоун, Шэрон Маккоун, Дженни Кейн.

— Лучше ограничимся британками, — с широкой улыбкой предложила Джессика. — Корделия Грей, Джимайма Шор, Анна Ли, Пенни Ванавэйк, Кейт... Кейт... персонаж Вэл Макдермид... вылетело из головы...

— Кейт Брэнниган, — деликатно напомнила Ширли-Энн.

— Вы читали Макдермид?

— Она читала все, — без улыбки вставил Майло. — Похоже, мы узнаем от нее много интересного. Что касается моих личных пристрастий, то я предпочитаю их скрывать.

По вескому тону, каким были произнесены эти слова, Ширли-Энн решила, что он гей.

Джессика сняла мокрый плащ и бросила на столик в углу. На ней был эффектный черный топ и черные леггинсы с белым поясом.

— А где стул? — спросила она.

Майло посмотрел на нее с удивлением: в центре комнаты стояло несколько свободных стульев, расставленных в форме круга.

— Я имею в виду — стул председателя, — объяснила Джессика. — Где Полли?

— Она опаздывает, — ответил Майло. — Как и Руперт.

— Руперт всегда опаздывает, — заметила мисс Чилмарк. — Предлагаю всем сесть и начать без них, — с этими словами она прошла в центр и заняла один из стульев.

— Бьюсь об заклад, она бы с удовольствием заняла место председателя, — шепнул Майло Ширли-Энн. — Это ее давняя мечта.

Джессика вмешалась:

— Полагаю, нам лучше подождать Полли. Она очень расстроится, если узнает, что мы задержались из-за нее.

— Именно поэтому нам и надо начинать, — парировала мисс Чилмарк со своего места.

Однако к ней больше никто не присоединился, и вопрос решил сам собой.

Джессика обвела взглядом комнату.

— Сид здесь? Ах, да, вижу.

К удивлению Ширли-Энн, откуда-то из-за колонны вышел мужчина в коричневом плаще и вскинул руку в быстром жесте, который, пожалуй, можно было бы принять за дружеское приветствие, если бы его испуганный вид и широко открытые глаза не говорили о том, что он скорее отмахивается от привидений. Судя по всему, когда она приехала, он уже был в крипте. Сид не сказал ни слова, и никто не обратил на него ни малейшего внимания. Ширли-Энн стало за него неловко.

— Вы местная, не так ли? — спросила Джессика с той милой уверенностью в своих словах, которую современные англичанки практикуют для самоутверждения.

— У нас квартира на Рассел-стрит, — ответила Ширли-Энн. — То есть, квартира у Берта — моего бойфренда.

Мы вместе почти полгода. Он местный, родился и вырос в Бате. А я, увы, нет. Приехала в прошлом году.

— Вам не за что извиняться, милая, — улыбнулась Джессика.

— Знаете, мне всегда немного неловко перед людьми, которые всю жизнь прожили в Бате. Я работаю в местной турфирме — вожу туристов на автобусе.

— Приехали год назад и уже стали гидом! — рассмеялась Джессика. — Вам везет. Откуда вы? Из Лондона?

— Да, из Ислингтона.

— А ваш бойфренд из Бата? Что ж, значит, вы в курсе всех местных новостей. Чем он занимается?

Она откровенно вытягивала из нее информацию, но делала это так мягко и ненавязчиво, что придрататься было не к чему.

— Берт? Он работает в спортивно-культурном центре. Вечерами его часто не бывает дома, так что меня вполне устроят ваши поздние собрания — если, конечно, вы меня примете. Какие у вас правила?

Майло вмешался в разговор.

— Мы обходимся без церемоний, — заявил он, хотя все происходившее скорее противоречило его словам. — Несколько лет назад два-три человека из нашей компании — я имею в виду Полли Уайчирли, Тома Пэрри-Моргана (бедняга уже умер) и себя — встретились за ужином в курортном павильоне, — помнится, тогда с лекцией выступала Ф.Д. Джеймс, — и обнаружили, что имеем общую склонность к детективной литературе. Мы случайно оказались за одним столиком. А поскольку Полли обожает все организовывать — скоро вы сами в этом убедитесь, — она настояла, чтобы мы встретились снова. Время от времени путь в наше логово находят новые «Ищейки».

— Например, вы, — вставила Джессика.

— Теперь я понимаю, почему вы так назвались, — кивнула Ширли-Энн. — У вас есть членские взносы?

— Ровно столько, чтобы хватило на аренду помещения, — ответил Майло. — Раньше мы встречались в па-

бах, но потом наши дамы решили, что снимать комнату будет более культурно.

— Ничего подобного, — возразила со своего стула мисс Чилмарк. — Нас попросили удалиться, когда Руперт устроил безобразную сцену в Римском баре у Фрэнсиса.

— Но мы могли бы перебраться в другой паб, — показывал головой Майло.

— Вы прекрасно знаете, что там было бы то же самое.

По крайней мере, теперь информация поступала в обе стороны. Ширли-Энн мысленно подытожила то, что узнала об «Ищейках». По словам Майло, их было шесть. Три женщины: Полли, председатель клуба, которая любит все организовывать, но расстраивается, если ей случается опоздать; амбициозная мисс Чилмарк, поклонница Умберто Эко; и Джессика, эксперт по женщинам-детективам. Джессика ей понравилась. А также трое мужчин: Майло, скорее всего, бывший чиновник, судя по его педантичным манерам, и, вероятно, гей; незаметный Сид; Руперт, устраивающий сцены в пабах. Слава богу, что она пришла сюда не для романтического знакомства.

— Руперт не так уж плох, — заверила ее Джессика. — Просто любит пускать пыль в глаза. Уверяет, что знаком со всеми знаменитостями. Зато его выходки хоть как-то расшевеливают наше болото. Руперт увлекается нуаром — авторами вроде Джеймса Элроя и Джонатана Келлермана.

— Он будет сегодня вечером?

— Да, но не раньше, чем мы начнем. Он любит появляться с помпой.

Ширли-Энн сразу усомнилась, что сможет относиться к Руперту так же благодушно и терпимо, как Джессика.

Из открытой двери послышался голос:

— Ради бога, извините. Даже не знаю, что вы теперь обо мне подумаете. Я уронила ключи в сточную канаву и минут двадцать пыталась их оттуда выудить!

Судя по всему, это была Полли Уайчирли — густо покрасневшая то ли от смущения, то ли от недавних приключений. Она дышала шумно, как астматик. С ее появлением средний возраст группы приблизился к шестидесяти, но в ее походке чувствовалась бодрость, а в лице было что-то мягкое и успокаивающее. Невысокая, плотная, с серебряными волосами, в широком габардиновом пальто, — именно так, по мнению Ширли-Энн, должна выглядеть классическая добрая тетушка.

— Так вы их достали? — спросил Майло.

— Да, благодаря добросердечному таксисту, который увидел, как я торчу на коленях возле обочины. Такие вещи случаются сплошь и рядом. Но, конечно, не со мной. — От улыбки на ее щеках появились ямочки. — Я могла бы рассказать, что нужно делать, если с вами произойдет нечто подобное, но мы и так потеряли много времени. Послушайте, мне нужно помыть руки. Почему вы не начали без меня?

— Хороший вопрос, — отозвалась мисс Чилмарк. — Садитесь, леди и джентльмены.

— Мы можем подождать еще несколько минут, — вставила Джессика.

— Да, давайте подождем, — поддержал Майло.

Мисс Чилмарк прищурила глаза, но промолчала.

— Что сегодня в программе? — спросила Ширли-Энн у Майло.

— Не знаю. Это обычно решает Полли. У нас неформальное общение. Есть только одно правило — мы по очереди рассказываем о книгах, которые прочли недавно и которые нам понравились.

— Только, ради бога, не упоминайте «Имя розы», — пробормотала Джессика.

— Надеюсь, мне не придется проходить какой-нибудь вступительный обряд?

Глаза Майло блеснули.

— Тайная церемония?

Джессика улыбнулась.

— Черные свечи и череп? Как называется это общество писателей? «Детективный клуб»?

Полли вернулась в комнату, и все дружно направились к свободным стульям. О тайной церемонии больше никто не вспоминал.

Глава 3

— Входите, Питер, мы давно вас ждем, — произнес помощник начальника полиции.

— Зачем, сэр?

— А вы не знаете?

Даймонд настороженно обвел взглядом лица сотрудников, сидевших за овальным столом. В этот вечер на втором этаже «орлиного гнезда», как называли полицейскую штаб-квартиру в Бате, проходило ежемесячное совещание высших полицейских чинов под руководством помощника начальника полиции — ПНП.

— Чтобы обсудить недавний арест. Тот самый, когда вы взяли парня из банка.

— Хотите меня повесить?

— Господи, при чем тут это. Просто порадоваться за вас. С тех пор, как вас снова поставили во главе отряда, вам не попадалось ни одного приличного убийства. И вот, наконец, удача.

— Я бы не назвал это «приличным убийством», — возразил Даймонд. — Два заурядных клерка в банке. Один что-то не поделил с другим и пустил в него пулю. Не стоит бумажной работы.

— Он уже признался?

— Да, на семнадцати страницах — пока.

ПНП прокомментировал:

— Вот это, я понимаю, бумажная работа. И вряд ли дело такое уж простое.

— В последние полгода бедняге сильно не везло.

На него внимательно уставились несколько пар глаз. Никто ничего не сказал, но Даймонд знал, о чем они

думают: в последнее время ему тоже не везло. Унылая канцелярщина, которой он теперь занимался по долгу службы, была не худшей из его проблем.

— А как насчет оружия? — спросил чей-то голос.

— Он выстрелил ему между глаз.

— Я имел в виду, где он взял...

— Это мы еще не выяснили. Наверно, узнаем, когда доберемся до двадцать пятой страницы.

— Не отчаивайтесь, Питер, — произнес ПНП, хотя его послужной список вряд ли давал ему право обращаться к подчиненным по имени. — Продолжайте выбивать показания. Возможно, ваш клерк окажется серийным убийцей.

На лицах сотрудников появились вежливые улыбки.

Даймонд покачал головой.

— Меня устроит старое доброе убийство. Мне ни к чему трупы на каждом углу. Одного вполне достаточно, если есть над чем поработать. Неужели в Бате не осталось нормальных преступников?

— Блажен, кто верует... — пробормотал Джон Уигфул, возглавлявший убойный отдел до прихода Даймонда. Теперь он стал начальником отдела информации розыска и тоже не особо радовался жизни.

ПНП понял, что пора переходить к делу, и в следующие полчаса отдуваться пришлось Уигфулу. Речь зашла об операции «Шмель», пиар-кампании против квартирных ограблений. Эта работа была ему в новинку, но он хорошо подготовился и довольно убедительно рассказал начальству о снижении уровня преступности.

— Мы добились впечатляющего успеха, сэр, — заверил он. — Само собой, информация о всех ограблениях теперь сразу поступает в «Улей».

— Куда?

— В «Улей». Это компьютерная система, созданная командой «Шмеля». Мы анализируем данные и разрабатываем оптимальную тактику по борьбе со взломщиками.

— Значит, главную роль играют компьютерные технологии? — спросил ПНП, явно стараясь отвязаться от «шмелиной» темы.

Даймонд подавил желание зевнуть. Компьютеры нравились ему не больше, чем пиар и пресса. Он предпочитал думать о поэзии. Странно, особенно если вспомнить, что в последние годы он не прочитал ни строчки. Но теперь в голове у него вертелся обрывок старого стиха, который он выучил для экзамена в школе. Как там, бишь, называлась эта штука? Иллюстрация к какой-то стилистической фигуре?

Разговор об операции «Шмель» продолжался еще добрых двадцать минут. Остальные сотрудники решили воспользоваться случаем, чтобы произвести впечатление на нового шефа, и вскоре вся комната гудела и жужжала, как пчелиный улей.

Ускользавшая строчка вдруг ясно и четко всплыла в его памяти. Он произнес ее вслух:

— Жужжит и жалит разозленный рой.

За столом воцарилась тишина.

— Ономатопея, — пояснил он.

— Думаю, нам пора сделать перерыв, — пробормотал ПНП, бросив озадаченный взгляд на Даймонда.

Глава 4

Заседание «Ищеек» было в разгаре.

— Загадки — вот что главное! — горячился Майло Моцион. — Это вызов нашему интеллекту! Без них книга ничего не стоит.

— Ну да, как же, — насмешливо возразила Джессика. — Знаю я эти романы, где автор забрасывает тебя загадками, а в конце ты чувствуешь себя полным дураком. Так называемый классический детектив — почти всегда просто надувательство. Агата Кристи бесконечно тянет резину и запутывает читателя, чтобы создать впечатление, что она умнее всех. Возьмите хоть сюжет «Мышеловки».

— Осторожней, — мягко вставила Полли Уайчирли. — Возможно, кто-то еще не видел пьесу.

Джессика раздраженно мотнула головой, и взмах ее пляшущих кудряшек вызвал завистливый вздох у Ширли-Энн.

— Перестаньте, Полли, — ответила Джессика. — Как мы можем вести серьезный разговор, если нам нельзя обсуждать сюжеты?

Но Полли тут же доказала, что ее не зря выбрали председателем, ответив сдержанным, но авторитетным тоном:

— Джессика, дорогая, мы все любим обсуждать детективные истории, поэтому и приходим сюда, но у наших собраний есть и другая цель: получить рекомендации от других членов клуба по поводу тех книг, которые нам бы хотелось прочитать. Давайте не будем раскрывать их содержание.

— Я специально упомянула «Мышеловку», потому что это пьеса, а не книга, — заметила Джессика.

— Ценю вашу осторожность, но все-таки на тот случай, если кто-то еще не видел постановку...

— Это что, новое правило?

— У нас нет никаких правил, — парировала ее выпад Полли. — Вы можете сколько угодно критиковать классический детектив, дорогуша, но я уверена, что это можно сделать и не вдаваясь в сюжетные детали.

— Ладно, — пожала плечами Джессика. — Все, что я могу сказать, не упоминая каких-то конкретных книг...

— Спасибо, милая, — кивнула Полли.

— ... это то, что авторы, желая заинтриговать, или, точнее, мистифицировать читателя, сочиняют абсолютно надуманные истории, как, например, в одном хорошо известном произведении, где рассказчик, ведущий повествование, в последней главе оказывается убийцей.

— Точнее, в третьей главе с конца, если я правильно помню, — вставила Ширли-Энн.

Джессика сделала большие глаза.

— Эй, поосторожней с деталями.

Ширли-Энн почувствовала, что краснеет, и с облегчением вдохнула, когда Джессика смягчила свое замечание улыбкой.

Но Майло и не думал улыбаться.

— Ну и что с того, что убийцей оказался рассказчик? Почему это плохо?

— Потому что это трюк, — ответила Джессика. — Литературное жульничество. И чтобы он сработал, ей приходится до абсурда затягивать развязку. В смысле — автору. Простите, Полли.

— А меня это вполне устраивает, — возразил Майло. — И не только меня, но и миллионы других людей, судя по тому, насколько популярна эта книга. Ее печатают уже семьдесят лет.

— Господи, неужели она написана так давно? — спросила Полли, опасно приблизившись к той черте, которую сама призывала не переступить.

Впрочем, ее намерение было понятно — направить беседу в более спокойное русло. Она безукоризненно вела собрание.

Подала голос мисс Чилмарк — восточная царица.

— По-моему, у классического детектива может быть много и других достоинств, — заявила она. — Представьте себе книгу, в которой великолепно придуманная интрига сочетается с интеллектуальной силой и даже теологическими изысками. Книгу со своим лицом, с глубоким уважением к истории...

— Попробуйте догадаться, о чем речь. Я не смогла продвинуться дальше сорок второй страницы, — вполголоса пробормотала Джессика.

Мисс Чилмарк продолжала воспевать достоинства «Имени розы», пока ее не прервал собачий лай.

— А вот и Руперт, — пояснила Джессика Ширли-Энн.

— С собакой?

— Собака вполне безобидна, — буркнул Майло.

Но он ошибся: собака была небезобидна. Едва все взгляды обратились к двери, огромный коричневый пес — скорее всего, помесь сеттера и немецкой овчарки — появился на пороге и понюхал воздух. Его длинная густая шерсть блестела от дождя. Не успели они опомниться, как мокрая псина прыгнула прямо в центр круга и резко отряхнулась от воды. Брызги полетели во все стороны. Женщины взвизгнули, в комнате начался переполох. Кто-то уронил стул, сумка Полли опрокинулась вверх дном. Собака поддалась всеобщему возбуждению и завертелась на месте, огласив собрание громким лаем.

Мисс Чилмарк крикнула:

— Кто-нибудь, уберите ее отсюда! Мое платье!

Через мгновение в комнате появился владелец пса — высокий худой жилистый мужчина в черной кожаной куртке, черном берете и темно-синих бриджах — и скомандовал:

— Марлоу, к ноге!

Пес помахал хвостом, радостно твякнул и обдал собравшихся новой порцией воды.

— Он вас не слушает! — раздраженно прокомментировала мисс Чилмарк. — Вы должны держать его на поводке. А еще лучше — оставлять дома.

— Это весьма жестокосердно с вашей стороны, мадам, — возразил Руперт с безупречным выговором выпускника одной из лучших британских школ. — Марлоу всю неделю ждал этого собрания. Он сделал только то, что обычно делают собаки, отряхивая шерсть.

Майло возразил:

— А что еще обычно делают собаки? Может, он и это нам продемонстрирует? Честное слово, мне не терпится взглянуть.

— Господи, да что вы так взъелись на несчастное животное? — возмущенно спросил Руперт. — А вам бы понравилось сидеть в мокрой одежде?

— А вам понравится, если я выставлю вам счет из химчистки? — съязвила мисс Чилмарк.

— Называете себя «Ищейками», а сами боитесь живой собаки, — заметил Руперт с улыбкой, обнажившей больше провалов во рту, чем зубов.

Полли Уайчирли решила, что пора восстановить порядок:

— Почему бы нам снова не занять свои места? Тогда и Марлоу успокоится. Обычно он ведет себя очень мирно.

— Но стулья мокрые, — возразила мисс Чилмарк. — Я не хочу сидеть на мокром стуле.

На сцене появилась сухая тряпка, сиденья быстро вытерли, и собрание продолжилось без участия Марлоу, которого заставили выйти из круга и привязали к стулу его хозяина.

Ширли-Энн отметила, что Руперт с виду остался совершенно безучастен к тому переполоху, который вызвали он и его собака. Он сидел между Полли и Майло с расслабленным видом, скрестив ноги и обхватив ладонью подбородок. У него было узкое худощавое лицо, на котором резче всего выделялись крупный нос и темные, живые, глубоко посаженные глаза, остро смотревшие из-под черного берета.

Полли сообщила:

— У нас шла чрезвычайно полезная дискуссия о роли тайны в классическом детективе.

— Скучотища, правда? — Руперт сразу принял вызов. — Никакой связи с реальным миром. Все эти эксцентричные детективы-любители: высокомерные лорды, старые дамы, бельгийские беженцы в поисках каких-то незамеченных улик... Полная чушь. Бьюсь об заклад, что в реальном мире вы не найдете ни одного убийства, раскрытого частным детективом. — Он обвел глазами публику. — Ни одного.

— Вот и замечательно, — беспечно отозвался Майло. — Не хочу, чтобы книги имели отношение к реальной жизни.

— Или к реальной смерти, — добавила Джессика.

— Вот именно.

Но Майло не понял, в чем подвох.

Руперт громко рассмеялся, снова продемонстрировав голые десны. Он выглядел, как живописная руина — мрачно, но привлекательно.

— Короче, это сказочки для взрослых.

— Почему бы нет? — возразил Майло. — Я люблю немного волшебства, даже если в конце оказывается, что это просто трюк.

— Я тоже, — вставила Ширли-Энн.

Руперт бросил на нее страдальческий взгляд:

— Ну вот, еще одна жертва позднего развития. Проклятье, я снова в меньшинстве!

Полли поспешила разрядить атмосферу.

— Помнится, когда выступала Ф. Д. Джеймс, — некоторые из нас слышали ее лекцию, — она сказала, что, вероятно, у нее с детства была склонность к детективам, потому что когда няня в первый раз прочитала ей про Шалтая-Болтая, она подумала: «Он упал сам или его толкнули?»

Руперт не удержался от улыбки, но тут же снова бросился в атаку.

— А потом они жили долго и счастливо? — ехидно спросил он. — Этого вы хотите от чтения?

— Скорее, чувства восстановленной справедливости, — ответила Ширли-Энн. — Или это одно и то же?

Майло заметил:

— Я люблю, когда автор увязывает все концы.

— Значит, вам хочется спать спокойно, зная, что все в порядке. — Руперт с мрачной иронией оглядел публику. — А вы когда-нибудь видели криминальную статистику? Вы знаете, что происходит в мире? Вас когда-нибудь грабили?

— Да.

Все резко повернули головы, потому что последнюю фразу произнес Сид. Он держался так незаметно, что одно-единственное оброненное им слово произвело эффект разорвавшейся бомбы. Выдав свою реплику, он

снова опустил глаза, словно лежавшая на коленях кепка интересовала его гораздо больше, чем все происходившее в комнате.

Ширли-Энн не могла понять, зачем Сид Тауэрс присутствовал на этих обсуждениях, если не собирался в них участвовать. У него явно не было желания продолжать беседу. Он избегал чужих взглядов. Его поза, весь его внешний вид словно молили о том, чтобы присутствующие не обращали на него внимания, что они, собственно, и делали. Ширли-Энн всегда считала себя очень наблюдательной, но у Сиды, похоже, был особый дар оставаться в тени. Не желая с этим мириться, она рассмотрела его более внимательно. На вид лет сорок с небольшим, фигура сильная и крепкая, несмотря на сгорбленные плечи. Глаза — она видела их только мельком — серо-голубые, чуть прищуренные (все-таки в наблюдательности ей не откажешь). Ровный ряд мелких зубов. Ничто в его внешности не оправдывало такой зажатости. Возможно, он чувствовал себя не в своей тарелке. По одежде трудно было сказать что-то определенное, кроме того, что она больше подошла бы человеку лет на двадцать старше. Плащ, белая рубашка, черный галстук. Какой-нибудь чиновник? Или — избави, боже, — полицейский? Темно-синие брюки, возможно, от костюма. Черные, хорошо начищенные туфли на шнурках. Плащ вечного трудяги, который он не снял даже в теплом помещении. И кепка на коленях. Скромный, унылый бедолага, решила Ширли-Энн. Эта встреча не доставляет ему никакого удовольствия. Так зачем же он тут сидит?

Замечание Сиды заставило Руперта нахмуриться:

— В общем, я только хотел сказать, что те книги, которые вам так нравятся, не заслуживают звания детектива. Боюсь, настоящие мастера криминального жанра вам совершенно неизвестны, и вы никогда их не читали. Эллой, Вакс, Рэймонд — вот те, кому хватает смелости заглянуть прямо на дно общества и увидеть, что там происходит. Вместо загородных особняков — городские

трусобы, где даже у мальчишек есть оружие и где вас запросто могут убить за дозу крэка. Продажные копы берут взятки с проституток и выбивают показания из угрюмых ирландцев. Жертв изнасилований заражают СПИДом. Под окнами гниют мусор и старое тряпье, кишущее вшами, а в подворотнях валяются использованные шприцы и на следах рвоты копошатся тараканы.

— Но у меня нет ни малейшего желания читать о рвоте и шприцах, — заметила мисс Чилмарк. — Этого мне хватает и по телевизору.

— Вот именно, — подхватил Руперт. — Вы переключаете каналы и смотрите сладкую историю про какую-нибудь старую милую леди, которая между делом ведет любительское расследование, выставляя дураками полицейских. И так каждый раз, в разных вариациях.

— Вообще-то я уже давно перестала смотреть телевизор, — высокомерно ответила мисс Чилмарк. — Даже не знаю, зачем я его еще держу в своей гостиной.

При упоминании гостиной мисс Чилмарк глаза Руперта блеснули.

Полли откашлялась и спросила:

— Кто-нибудь еще хочет высказать мнение о классическом детективе?

— Разве мы обсуждаем эту тему? — возразил Майло, презрительно посмотрев на Руперта. — Что-то я не заметил. Но вы правы, кто-то должен замолвить словечко за старый добрый детектив, и, разумеется, это снова буду я. Я хочу отметить, что авторы «золотого века» довели искусство интриги до совершенства. Несмотря на то, что вы здесь наговорили, я могу привести, по меньшей мере, с десяток книг, написанных с таким блеском, что они с легкостью выдержат сравнение с любым произведением, созданным за последние полвека. Можно сколько угодно твердить о лихо закрученном сюжете у Ле Карре или о ваших сногшибательных американцах, но для меня и для многих других главный признак смелости и мастерства детективного писателя — его способность

выложить перед читателем головоломку, дать ему все нужные ключи и сказать: реши ее, если сможешь. А потом поразить серией головокружительных сюрпризов и закончить потрясающим финалом.

— И все это за счет многих других важных вещей, которые должны присутствовать в хорошем детективе, — холодно заключила Джессика.

— Каких, например?

— Яркие характеры, ритм, острые диалоги, но, прежде всего, правдоподобие. Книги, о которых вы говорите, Майло, в свое время были превосходны, но они никогда не выходили за рамки простого развлечения.

— Или забавы, — вставила Ширли-Энн, удостоившись одобрительного кивка от Джессики.

— В последнее время редко услышишь это слово, — рассеянно заметила Полли. — Забава. Милое словечко.

Но Майло не собирался сдаваться:

— Разумеется, самая лучшая и изысканная форма интеллектуального детектива — жанр «запертой комнаты».

Руперт застонал и сполз по спинке кресла, вытянув свои длинные ноги. Майло не обратил на него внимания.

— Лучший представитель этого жанра — Джон Диксон Карр. «Герметически запертое помещение», как он это называл, лежит в основе многих его произведений. Не знаю, читал ли кто-нибудь из вас «Человека-призрака».

Ширли-Энн весело подняла руку. Как ни странно, второе подтверждение последовало от Сиды: он молча кивнул, продолжая смотреть на свою кепку.

Майло продолжал:

— В таком случае, на следующей неделе я прихвачу свой экземпляр. Не говоря о том, что «Человек-призрак» является наиболее увлекательным романом за всю историю детектива, в нем имеется знаменитая глава, целиком посвященная «тайне запертой комнаты». Доктор Фелл, герой Диксона Карра, специально прерывает повествование, чтобы прочесть лекцию на эту тему, и делает это превосходно. Не правда ли?

Он посмотрел на Сиду, и тот снова кивнул.

— Кстати, хорошая идея, — добавил Майло. — Я прочту ее вам в следующий раз и бьюсь об заклад, что доктор Фелл заставит многих из вас изменить свое мнение, даже если это не удалось мне.

Руперт громко обратился к Ширли-Энн:

— Бедняга прочно сел на своего конька. Его теперь не заткнешь. Он совсем помешанный. Входит во все тайные общества вроде «Ку-Клукс-Кристи», «Детки Дороти Л.» и «Боже, храни Холмса». Эти люди считают себя посвященными. Поверьте, дорогая, единственный фанклуб, в который имеет смысл вступать, — Общество Шерлока Холмса в Австралии. Они встречаются раз в год, напиваются до смерти, палят в воздух из ружей и поют: «С днем рождения, Мориарти, чертов ублюдок, с днем рождения тебя!»

Но Ширли-Энн больше посочувствовала Майло. Ему и до прихода Руперта приходилось отбиваться в одиночку.

Полли снова взяла штурвал в свои руки. Она предположила, что они смогут лучше раскрыть тему, если перейдут к следующей части программы и каждый из участников расскажет о прочитанной им книге. Мисс Чилмарк вызвалась начать, но предусмотрительная Полли вспомнила, что Майло в прошлый раз пропустил свою очередь, и передала слово ему. Тот объявил, что будет говорить о «Собаке Баскервилей», после чего в зале послышался громкий и абсолютно неприличный зевок. Все подозрительно уставились друг на друга, но тут лежавший на боку Марлоу зевнул еще раз, и по комнате пронесся приглушенный смешок.

Майло, ничуть не смутившись, объявил, что достоинства «Собаки Баскервилей» легко сокрушают все аргументы, выдвинутые здесь против классического детектива. Великолепная атмосфера и драматичное повествование играют в ней куда большую роль, чем простой ответ на вопрос «кто убийца?», который становится ясен уже за несколько глав до финала.

Следующим выступил Руперт. Он признал, что также восхищается работой Конан Дойла, хотя именно это его произведение находит наименее удачным. Затем он перешел к книге Эндрю Вэчса «Буто́н», основанной на реальной истории о снайпере, который убивал подростков ради сексуального удовлетворения. Вэчс, объяснил он «Ищейкам», был нью-йоркским адвокатом по делам несовершеннолетних и создавал свои романы по следам подлинных событий, откровенно защищая интересы юных жертв. Он писал их в ярости и гневе, охваченный миссионерским рвением.

Собрание продолжалось. Марлоу, перестав зевать, начал тихонько поскуливать, и слово взяла мисс Чилмарк. Майло попытался возразить, что они уже не раз слышали про «Имя розы», но Руперт с едкой ухмылкой заметил, что это очень многоплановая книга. Одновременно он дал Марлоу легкого пинка, и тот, покрутившись на месте, на время затих. Мисс Чилмарк заверила, что будет говорить исключительно о тех аспектах книги, которые не затрагивала раньше. У нее есть кое-какие свежие идеи насчет того, как Умберто Эко использовал монастырскую библиотеку и какую роль она играет в символическом и повествовательном плане. На раскрытие этих вопросов у нее ушло много времени, поэтому остальные выступления получились скомканными, а до Ширли-Энн дело так и не дошло.

Когда собрание закончилось, Джессика повернулась к новенькой:

— Хотите выпить? «Луна и шесть пенсов» как раз напротив.

Ширли-Энн честно призналась, что редко бывает в пабах. Про «Луну и шесть пенсов» она слышала только то, что на ее стене у входа висит мемориальная табличка, посвященная первой в мире почтовой марке, которую отравили с письмом именно оттуда. Правда, чуть дальше по улице на здании музея почты имелась точно такая же

табличка, так что вопрос о том, где произошло это историческое событие, остался открытым. Кроме того, она слышала, что в пабе регулярно проходила выставка редких марок, организованная его владельцем. Ширли-Энн мало разбиралась в почтовых марках, но в свое время ее позабавила эта история с табличками. Она всегда любила такие вещи.

Джессика заметила, что дождь еще идет, так что им лучше укрыться в пабе и подождать, пока он закончится.

— Конечно, если ваш бойфренд не ждет вас дома или что-то вроде этого.

Ширли-Энн польстило это предложение. Она считала, что Джессика занимала более высокое общественное положение, чем она сама. Было совершенно ясно, что эта шикарная дама никогда не обновляет свой гардероб на распродажах. Скорее всего, ее новая знакомая одевается исключительно в дорогих бутиках, где покупателей первым делом почтительно сажают в кресло и угощают кофе в чашечках из английского фарфора. На собрании она успела заметить, что Джессика держится очень уверенно и прекрасно умеет вести себя с людьми. Ширли-Энн ответила, что Берт вернется с работы не раньше чем через час.

Обогнув церковь, они вышли на Брод-стрит и направились по мощеной мостовой в сторону «Луны и шести пенсов».

— Публика там, на мой вкус, грубоватая, — сообщила Джессика. — Я предпочитаю бывать в «Голове сарацина», но у нее есть один недостаток.

— Какой?

— Это любимая забегаловка Руперта. После встреч «Ищеек» он направляется напрямик туда. Руперт может быть забавным, но только в малых дозах, что подтвердят все его жены.

— Жены?

Джессика показала все пять пальцев на правой руке.

В пабе оказалось многолюдно. Им пришлось подождать, пока их обслужат.

— Не знаю, что меня бесит больше, — раздраженно бросила Джессика. — Эта толкотня в зале или барменши, которые смотрят на кого угодно, только не на нас.

Наконец им подали по полпинте пива. Джессика заметила в углу уютный столик, который только что покинула пожилая пара.

— Я пару раз водила сюда Сиды, — призналась она Ширли-Энн.

— Того тихоню?

— Да, безмолвного Сиды. С глаза на глаз он немного разговорчивей. Бедняга жутко застенчив.

Ширли-Энн встала:

— Я заметила, что Полли ведет себя с ним очень мягко.

— Она всех нас опекает. Господи, ну и давка!

— Зачем Сид ходит на собрания, если ему это так тяжело?

— Потому что кто-то сказал ему, что надо бывать на людях, иначе у него поедет крыша. Он любит детективы, вот и пришел к нам. Представляю, чего ему стоило явиться туда в первый раз.

— Что он читает?

— Как и вы — самые разные вещи, от Уилки Коллинза до Кинки Фридмана. Но у него есть свои пристрастия. Он считается спецом по Джону Диксону Карру, о котором говорил Майло.

— Сид рассказывал вам что-нибудь о себе?

Джессика рассмеялась:

— Вы думаете, он вообще хоть что-нибудь рассказывает? Наверно, я могла бы его расколоть — лет через тридцать. По-моему, он работает в сфере безопасности. Только не в МИ-6. Кажется, ночным сторожем. Там и читает свои книжки, я так думаю.

— Он женат?

— Сомневаюсь. Я не спрашивала. — Джессика глотнула пива и внимательно взглянула на собеседницу. — А вы, как я понимаю, — нет?

— Не замужем? — Ширли-Энн покачала головой. — Мы с Бертом живем вместе, и пока нас обоих это устраивает.

— Как вы познакомились?

— Я ходила в клуб самообороны, где он работал тренером.

— И он сломил вашу оборону?

Ширли-Энн улыбнулась.

— Вроде того. А вы?

Джессика вздохнула.

— Я, как говорится, встала на учет. Уже девять лет назад. Барнаби занимается керамикой. Так он, по крайней мере, говорит, и это хорошо звучит. По сути дела, он лепит миниатюрные дома. Вот такого размера. Знаете, они хорошо продаются. Люди коллекционируют все подряд. Не успокоятся, пока не построят целый городок на крышке телевизора.

Ширли-Энн отметила, что Джессика говорит о муже без особого тепла. В отличие от любой другой темы, которую они затрагивали в разговоре.

— А вы тоже работаете?

Джессика скромно ответила:

— Да, у меня есть картинная галерея на Нортумберленд-плейс. Называется «Вальсингам», но на самом деле она моя.

— Надо же. Я сто раз проходила мимо.

— В следующий раз попробуйте зайти. Обещаю, что не буду ничего вам продавать. Я угощу вас шерри.

— Наверно, вы многое знаете о живописи.

— Только о том направлении, по которому специализируюсь.

— Современное искусство?

— Скорее, актуальное. Надо быть аккуратнее в терминах. Я не занимаюсь абстракционизмом, который обычно ассоциируется с современным искусством. Моя галерея — это витрина для молодых художников, которые все еще ухитряются рисовать пейзажи, не разрезая

их пополам застежкой-«молнией» и не обклеивая обрывками газет.

— Местные художники?

— Нет, со всей страны.

— А сами пишете картины?

— Господи, нет.

— Но зато можете отличить плохие от хороших.

— Милая моя, в девяноста процентах случаев это просто блеф. — Джессика поднесла руку к глазам и стала рассматривать свои длинные ногти. — Ну, что вы скажете об «Ищейках»? Забавные чудаки, правда?

— Мне понравилась ваша дискуссия, — деликатно ответила Ширли-Энн.

— Боюсь, вам это быстро надоест. Мы каждую неделю спорим о том, что лучше — эскапизм или реализм. Головоломки или полицейская рутина. Загородные дома или трущобы. И никогда ни к чему не приходим. Это невозможно. Майло и Руперт стоят на разных полюсах. Я болтаюсь где-то между ними, но не поддерживаю ни того ни другого.

— Думаю, все происходит довольно дружелюбно?

Джессика фыркнула:

— Я бы не сказала. Они готовы убить друг друга.

Ширли-Энн рассмеялась:

— Я серьезно.

— Да ладно вам. — Джессика взяла Ширли-Энн за руку. — Дорогая моя, если вы хотите познакомиться с потенциальными убийцами, вам прямая дорога в клуб «Ищейек». Это самое подходящее место. Они все время читают об убийствах, говорят о них, прокручивают их в уме. Вы можете читать детектив, не принимая в нем мысленного участия?

— Даже не знаю, — ответила Ширли-Энн. — Никогда об этом не думала.

— Мы — эксперты по убийствам, потому что постоянно имеем с ними дело. Мы знаем все уловки и ходы, все кровавые детали. Мы знаем, что и как должна искать по-

лиция. Если на свете существует человек, который может совершить убийство и остаться безнаказанным, то это кто-то из «Ищеек».

В дальнем конце зала раздался взрыв смеха: очевидно, рассказали удачный анекдот. Ширли-Энн посмотрела, не улыбается ли Джессика, но ее лицо было абсолютно серьезным.

Глава 5

В четверг в полицейской штаб-квартире на Манверс-стрит созвали срочное совещание. Новый помощник начальника полиции нацепил очки и, взяв в руки бумаги, произнес:

— Джентльмены, прошу извинить за спешку, но дело не терпит отлагательств. Думаю, все вы помните, что в прошлый понедельник мистер Уигфул представил нам обнадеживающие данные о профилактике преступности в Эйвоне и Сомерсете. — Он кивнул в сторону Уигфула.

— Сэр. — Просиявший Уигфул наклонил голову.

Сидевший напротив Питер Даймонд вспомнил еще одну строчку из школьных лет: «Как дорожит любым деньком малюточка-пчела», но благоразумно промолчал.

Однако оказалось, что ПНП мыслил в том же направлении.

— Конечно, всем этим мы обязаны «Шмелю». Вчера мы получили наводку о серьезном преступлении, готовящемся в Бате. Речь идет об ограблении. Хочу спросить: можете ли вы назвать наиболее ценный предмет, имеющийся в нашем городе?

— Какое-нибудь здание? — предположил Том Рэй, сотрудник администрации.

— Нет, это не недвижимость.

— Что-нибудь из римских терм, сэр? — предположил Уигфул, энергично шевеля усами. — Золотое ожерелье?

— Не настолько древнее.

— Что-то из драгоценного метала?

— Нет.

— Предмет старины?

— Можно и так сказать, хотя ценность вещи вызвана не этим.

— Произведение искусства?

ПНП одарил Уигфула улыбкой.

— Почти в точку. У других есть какие-нибудь соображения?

На лицах всех сидевших за столом было красноречиво написано, что никто не собирается переходить дорогу Уигфилу.

— К сожалению, я мало знаю об искусстве, сэр. Где она находится — в Курортном павильоне?

— В галерее Виктории. — ПНП, видимо, почувствовал, что викторина затянулась, и выложил правильный ответ: — Это картина Тернера, пейзаж с аббатством. Акварель. Кто-нибудь ее видел?

Глубокое молчание.

Он добавил:

— Она стоит больше миллиона.

— Что, одна картина? — округлил глаза Том Рэй.

— Д.М.У. Тернера считают едва ли не величайшим художником Англии. Это одна из самых ранних его работ, написанная им в двадцать один год.

— Надеюсь, она застрахована, — заметил Даймонд.

ПНП бросил на него возмущенный взгляд.

— Мы не позволим ее украсть!

— Кто охраняет галерею — «Неуязвимые»?

«Неуязвимыми» назвали частную службу безопасности, которая занималась охраной мэра, представителей администрации и всех общественных зданий в городе. В полиции насчет «Неуязвимых» ходило много шуток.

— Да, но это не значит, что мы должны снять с себя ответственность.

— Разумеется, нет, — поддакнул Уигфул. — Если украдут Тернера, газеты будут пинать нас, а не «Неуязвимых».

— И кто Глубокая глотка? — спросил Даймонд.

— Глубокая что?

— Ваш источник, сэр.

— Точно неизвестно, — вздохнул ПНП. — Наводка поступила к нам из вторых рук. Один бристольский агент — сержант Клевер — искал информацию по другому делу и узнал об этом от своего осведомителя.

— Здорово, — Даймонд почувствовал, что его разбавляет смех.

— Что?

— Что полицейского агента зовут Клевер. А кто тогда его «крот» — мистер Лютик?

ПНП густо покраснел.

— Прошу вас относиться к делу серьезно, суперинтендант. Сержант Клевер — очень перспективный молодой офицер.

Даймонд постарался погасить приступ веселости, вспомнив о списке работ, которые ему предстояло сделать в своем новом доме в Уэстоне. Если повестка дня ограничится Тернером, совещание закончится быстро.

— Суть дела в том, — продолжал ПНП, — что у нас есть возможность предотвратить крупное преступление. Я хочу, чтобы мы проверили охрану галереи. Мистер Уигфул, основная нагрузка ляжет на команду «Шмеля». Вы можете сотрудничать с «Неуязвимыми». Главное — добиться результата. Картина находится в постоянной экспозиции на верхнем этаже. Проверьте окна, крышу, всеходы и выходы. Убедитесь, что сигнализация работает, а охрана знает о возможной краже. Грабители, специализирующиеся на произведениях искусства, относятся к наиболее профессиональным представителям своего дела.

— Вы правы, сэр, — подтвердил Уигфул. — Если я правильно понял, сэр, наша цель — их отпугнуть?

ПНП помедлил с ответом.

— Мы занимаемся предотвращением преступлений, не так ли?

— Абсолютно верно, но...

— Вас что-то смущает, Джон?

Уигфул постарался как можно осторожнее выбирать слова:

— Быть может, я ошибаюсь, сэр, но мне кажется, что у нас есть возможность установить слежку и схватить этих негодяев с поличным.

— Вот как? — в голосе ПНП не прозвучало ни одобрения, ни порицания.

— А если так, может, нам не стоит демонстративно усиливать охрану?

— Вы так думаете?

— Да, если мы не хотим, чтобы они что-то заподозрили.

— Собираетесь устроить им ловушку?

— Уверен, что с помощью команды «Шмеля» и при поддержке других отделов я смогу поймать их с поличным, сэр.

— Хорошая идея.

План Уигфула был немедленно одобрен.

— Мне нужны сотрудники, на которых я могу положиться, сэр, и с которыми я хорошо знаком. Отдел убийств сейчас не особенно загружен, поэтому...

При упоминании его отдела Даймонд подскочил на месте.

— Нет, постойте. Сколько продлится эта канитель? Я не хочу, чтобы мои люди до конца света торчали в галерее.

— Возможно, там они чему-то научатся, — ввернул Том Рэй.

— Вы сейчас не сильно заняты, — возразил Уигфилд. — Может, в ближайший месяц вообще не будет никаких убийств.

— Я сам могу его устроить, — пробормотал Даймонд. Но он знал, что у него мало шансов защитить свою епархию.

ПНП решил, что четверо из убойного отдела должны присоединиться к операции «Шмель». Уигфул отберет их

сам. Тот имел наглость потребовать инспектора Джули Харгривз, лучшего детектива Даймонда.

— Я не могу отпустить Джули.

— Но мне нужна женщина, — настаивал Уигфул.

— Это мы и так знаем, — сострил Том Рэй.

Уигфул раздраженно покосился в его сторону.

— Она как раз то, что нам нужно. Мы посадим ее за столик продавать открытки.

— Превосходно, — сказал Даймонд. — Может, пусть еще смахивает пыль с картин?

Глава 6

В пятничном номере «Гардиан» в рубрике «Происшествия» появилось сообщение об убийстве менеджера в Солтфордском банке и о суде над старшим клерком. Стефани Даймонд случайно наткнулась на заметку, когда искала прогноз погоды. Расположение материалов в газете всегда ставило ее в тупик. Фамилия Питера там не упоминалась, но она сразу поняла, почему он в последнее время так долго задерживался по вечерам. Вернувшись домой за полночь, забирался в постель не с той стороны кровати и что-то бормотал о срочном совещании. С недавних пор у него все время проходило в совещаниях и составлении отчетов.

Завтрак она подавала минута в минуту, водрузив два поджаренных яйца на ломтик хрустящего тоста и положив их на тарелку вместе с помидорами и куском бекона. Плотная еда давала Питеру заряд энергии на целый день. Стефани считала, что это справедливая плата за чашку чая, которую он приносил ей в постель по утрам. Без горячего чая она не могла бы шевельнуть и пальцем. Кроме того, он готовил обед, когда был дома.

Питер взял газету и просмотрел результаты футбольных матчей. Пропустив заметку на второй странице, широко зевнул.

— Есть шансы на спокойный день? — спросила Стефани.

— Сто процентов, — ответил он холодно.

Ее кольнуло беспокойство.

— Надеюсь, ты не сделал какой-нибудь глупости?

— Например?

— Например, опять подал в отставку.

Он криво усмехнулся:

— Нет, просто немного сели батарейки.

— А чего ты ждал от Эйвона и Сомерсета? Думал, это Гималаи?

Питер воткнул вилку в яичницу.

— Я не так уже привередлив. Меня устраивали и холмы Мендип-Хиллз, но здесь я вижу только сомерсетские болота. Взять хоть то убийство в понедельник. Парень просто вышел на улицу, пожал мне руку и во всем признался.

— Это повысит процент раскрываемости в твоём отделе.

Даймонд не ответил. Его всегда мало волновала статистика.

— Нельзя хотеть всего и сразу, — продолжала Стефани. — Мы живём в прекрасном старом городе. Здесь спокойное место. А если тебе хочется чего-то посерьёзней, надо искать работу в Манчестере или Глазго. Только не думай, что я с тобой туда поеду.

— Спасибо. — Он отправил в рот кусок бекона. — Но ты ошибаешься, Стеф. В Эйвоне и Сомерсете полно негодяев.

— Ты имеешь в виду полицию?

Он ухмыльнулся:

— Тогда о ком ты говоришь? О местных фермерах, протестующих против налогов?

— О профессионалах. Самых ловких жуликах и пройдохах, которых я когда-либо встречал.

— Здесь, в Бате?

— В Бристолe. Я тебе не говорил? Они обчистили один из тех роскошных модных магазинов — как их там...

— Бутиков?

— Да. В Саусмиде. Ночное ограбление. Не знаю, сколько стоили эти брендовые шмотки, но они их взяли. Все замки на месте, ничего не сломано, никаких следов, даже отпечатков ног. Мы их так и не поймали. У нас ушла уйма времени, чтобы понять, как они это провернули.

— Если дверь не взломали, значит, у них был ключ, — предположила Стефани.

— Нет.

— Тогда кто-то помогал им изнутри.

— Тоже мимо.

— Ты говоришь, они даже не входили в здание?

— В этом не было необходимости.

— Ладно, сдаюсь. Как это произошло?

— Они вооружились длинным багром и работали через щель в почтовом ящике. Подтягивали к себе вешали с помощью крюка и вытаскивали платья по одному. Даже владелец магазина признался, что восхищен их наглостью.

На плите закипел чайник, и Стефани стала заваривать растворимый кофе, а Даймонд погрузился в размышления о предстоящем дне. Три или четыре часа сплошных отчетов для прокуратуры. Рутинa, которую он не мог переложить на других. Потому что все его лучшие сотрудники теперь работали в «Шмеле».

Стефани прибавила звук у радио. Даймонд молча закончил свой завтрак.

Какой-то балагур на «Радио Бристоль» без умолку трещал о пробках на дорогах. Стеф в начале дня всегда слушала местные каналы. Даймонд не выносил радио по утрам, но если уж ему приходилось что-то слушать, предпочитал менее болтливый «Четвертый».

Короткий промежуток времени, когда Питер заканчивал есть и поднимался из-за стола, Стеф считала самым удобным моментом, чтобы поделиться своими планами. На этот раз на языке у нее вертелось одно признание.

— Кажется, я тебе не говорила, — начала она, прекрасно зная, что никогда не затрагивала эту тему. — Пару недель назад, когда мы сюда переехали, ты ушел на работу, а я пыталась распаковать одну из наших коробок, как вдруг слышу — за спиной кто-то копошится. Я чуть не подскочила от страха. Это был котенок, совсем крошечный, он играл с куском газеты, в которую мы заворачивали тарелки. Знаешь, как будто он всегда жил в этом доме. — Стеф заметила в глазах мужа опасный огонек и торопливо добавила: — Понятия не имею, откуда он взялся. Само собой, я расспросила соседей. Пит, ты не представляешь, что это за очаровательное существо: сам маленький, а уши и лапы большие, как у взрослого, и три полоски на спине. Я пыталась выяснить, кто здесь жил до нас, но никто ничего не знал. В конце концов, я решила отвезти его в Клавертон.

— Приют для бездомных животных? — уточнил Даймонд. — Хорошая идея, Стеф.

Она кивнула:

— Да, к ним часто обращаются за помощью. По правде говоря, мне не хотелось его там оставлять — он еще совсем малыш.

— Тем труднее о нем заботиться.

— Наверно. В общем, их сотрудница сказала, что сообщит мне, если кто-то его заберет.

— Его забрали? — с надеждой спросил Даймонд.

— Э... нет.

— И где он теперь? Все еще там?

— Я вчера к нему ездила.

— В Клавертон? Что там болтают эти идиоты?

Стеф с вызовом вскинула голову. На этот раз Питер зашел слишком далеко.

Но его последняя фраза относилась вовсе не к приюту. Он встал и подошел к радио. Ведущий продолжал возбужденно тараторить: «... так что если нас сейчас вдруг слушает пара гениев, которые могут в этом разобрататься, пусть обратятся к нам. Я назову номер, по ко-

тому можно позвонить. Что означает это сообщение? Может, это просто «валентинка»? Или какой-то тайный код? Или зашифрованное послание? Одно скажу вам точно: если какой-то умник попытался втوخать на наш канал коммерческую рекламу, у нас будут серьезные проблемы! Нет, я ставлю на старую добрую шараду. Тут мне говорят, что то же самое сообщение прислали и на другие каналы. И в газеты тоже. Теперь все графство будет ломать головы над этой загадкой. Докажем, что у «Радио Бристоль» самая умная аудитория! Решим ее вместе!»

— Ну, так озвучьте ее еще раз, — пробормотал Даймонд.

Похоже, его услышали, потому что тут же последовал ответ:

«Я прочту вам ее еще раз, а потом мы перейдем к спортивным новостям. Возьмите карандаш и бумагу. Готовы? Итак:

Джей-Эм-У-Ти.
Я окружен секьюрити.
Виктория перечит мне.
Но скоро я приду к тебе.

Записали? Теперь пораскиньте мозгами. А мы идем дальше. На очереди спортивные новости. Но поверьте, друзья, я не шучу, все по правде: мы получили это сообщение сегодня утром, буквально ни свет ни заря, и без понятия, кто и зачем его послал. Что это еще за Джей-Эм-У-Ти? И какая такая Виктория? Решайте сами».

Даймонд взял со стола карандаш и номер «Гардиан», который Стефания приготовила для решения кроссворда, и сделал пометку на полях.

Стефания хмыкнула:

— Ты всегда говорил, что разгадывать головоломки — пустая трата времени.

— Да, если это кроссворд, — ответил он, оторвав клочок газеты и сунув его в карман.

Она неуверенно добавила:

— Насчет того котенка. Уверена, как только ты его увидишь, сразу влюбишься.

Он рассеянно буркнул:

— Да, конечно.

— Значит, ты не против, если...

— Как скажешь, дорогая. Мне пора идти.

В полицейском участке он встретил встревоженного Джона Уигфула. Тот сидел в диспетчерской, и его большие черные усы свисали вниз.

— Уже слышал? — спросил Уигфул.

— Смотря что.

— Сообщение про Тернера. Его разослали по всему городу. На радио. В газеты. Нам звонят люди.

— Поймал кое-что по радио, пока завтракал. Думаешь, это как-то связано?

— Джей-Эм-У-Ти, — ответил Уигфул. — Инициалы Тернера. Плюс галерея Виктории. «Скоро я приду к тебе». По-моему, все ясно. Сомневаюсь, что это какой-то псих.

— Скорее, поэт.

— Вот именно.

— Может, специалист по рекламе, — добавил Даймонд. — Обращение к местным СМИ всегда довольно эффективно.

— По-твоему, он пудрит нам мозги? — спросил Уигфул с таким видом, словно Питер и впрямь мог ответить на этот вопрос. — Когда человек собирается украсть картину, он не рассказывает об этом на каждом перекрестке.

— Картина на месте?

— Слава богу, да. Я только что говорил с Джули Харгривз. Она сейчас в галерее. Мы все время держим связь. Пока все в порядке.

— Тогда в чем проблема?

— Ни в чем. Просто меня это бесит. Я получаю наводку о возможном ограблении, набираю команду, и вдруг по всему городу расходится этот стишок. Кто-то явно хочет меня «подсидеть».

Даймонд подавил улыбку.

— Не одолжишь мне на пару часов Джули? Я собираю показания по Солтфордскому делу. Нужно допросить всех клерков в банке. Джули отлично с этим справится.

— Извини, — ответил Уигфул. — Она работает со мной.

— И потом, если у меня будет время заглянуть в галерею, я могу посмотреть, как там дела с охраной. Знаю, что у тебя все под контролем, но свежий взгляд никогда не помешает.

— Ты думаешь? — В глазах Уигфула мелькнула неуверенность.

Грубо нарушив правила, Даймонд припарковался на Бридж-стрит прямо под статуей королевы Виктории, которая возвышалась в глубокой нише на фасаде галереи. Для городка в георгианском стиле Бат очень щедро чтит память Виктории, присвоив ее имя мосту, парку, нескольким улицам, пабу и закусочной, — все это не считая галереи. Если учесть, что за все время своего долгого правления королева ни разу не посетила Бат, вряд ли такая щедрость была оправданна. Исключение составил короткий визит в ранней юности, когда она еще не стала королевой. Говорили, что однажды Виктория вышла на балкон отеля и услышала что-то нелицеприятное насчет толщины своих лодыжек. С тех пор она исключила Бат из списка своих визитов.

Выйдя из машины, он посмотрел снизу вверх на царственную даму. В голове у него все еще крутилась фраза, услышанная за завтраком: «Виктория перечит мне. Но скоро я приду к тебе». Что она значит на самом деле? То, о чем подумал Уигфул: угрозу ограбить галерею, несмотря на усиленную охрану? Или ее можно интерпретировать иначе?

Вполне возможно, что послание относилось не к обладательнице толстых лодыжек, а к какой-нибудь современной Викки, так или иначе связанной с Тернером. Скажем, сотруднице галереи. Или куратору выставки.

«Какого черта, — осадил себя Даймонд, — делом занимается Уигфул, а не ты».

На углу Бридж-стрит в ожидании последних новостей стоял местный журналист. Даймонд узнал паренька из «Бат кроникл». Слабовато для скандальной головоломки, над которой якобы ломал голову весь город.

— Скажите, вам поручили вести это дело, супер?

— Какое дело? — Даймонд постучал в дверь, раздраженный тем, что его назвали «супером». Галерея еще не открылась для публики, но служба охраны уже должна была находиться внутри.

— О картине Тернера. Ее украли?

— Не понимаю, о чем вы.

— Бросьте, мистер Даймонд. Я делаю свою работу, как и вы свою.

— Насколько мне известно, ничего не украдено.

— Картина все еще на месте?

— Думаю, да.

— Но вы должны относиться к этому серьезно, верно? Вас должно беспокоить, что они провернут это дело.

— Я что, выгляжу обеспокоенным?

Внутри раздался звук отодвигаемого засова. Одна из тяжелых дверей приоткрылась, и за ней промелькнуло чье-то лицо и послышалось потрескивание рации. Наконец щель увеличилась настолько, чтобы он смог войти. Репортер успел сказать что-то про сотрудничество, но Даймонд уже шагнул внутрь, и дверь с грохотом захлопнулась прямо перед носом представителя прессы.

В последний раз Даймонд бывал в этом мраморном черно-белом вестибюле еще в то время, когда внизу располагалась библиотека. Теперь оба этажа занимала галерея, а постоянная выставка находилась наверху. Его проводили по широкой лестнице мимо каких-то сельских пейзажей, изображавших пасущихся овец или что-то в этом роде, — ему они больше напоминали белых броненосцев или гигантских крыс. Наверно, у пейзажистов всегда были проблемы с овцами, подумал он.

Даймонд редко посещал музеи, и то, что он увидел наверху, произвело на него сильное впечатление. Сразу за лестницей открывался просторный атриум, окруженный колоннами и увенчанный легким позолоченным куполом со знаками зодиака. Галерея удивила его своими размерами. Это был один из лучших образцов викторианского стиля — длинное помещение размером с бальный зал, с прозрачной закругленной крышей и копией фриза Парфенона в натуральную величину. Окон здесь не было. Полотна в позолоченных рамах висели на темно-бордовых стенах и размещались на специальных подставках в центре зала.

— Надежно, как в Английском банке, — заметил он Джули Харгривз, которая поднялась к нему из-за столика. — Возможно, он попробует забраться через крышу, как в «Мужских разборках».

Джули уставилась на него непонимающим взглядом, и он вспомнил, что она появилась на свет позже, чем сняли этот фильм. Ему уже не в первый раз приходилось напоминать себе, что он работает с женщиной, которой чуть больше тридцати. Что совсем не мешало ей быть его первой помощницей и отличным детективом. Блестящим, как новенькая монетка. Собственный профессиональный подход к работе заставлял его забывать, что она к тому же еще и симпатична. А может, он просто постарел.

— Я про фильм, — объяснил он. — Может, видели «Топкапи»? Там такой же способ взлома... Нет? Не важно.

— На крыше всю ночь сидели двое, — заметила Джули.

— Двое наших?

Она рассмеялась:

— Надеюсь. И еще пара дежурит сейчас.

— Значит, картина пока на месте?

— Должно быть, вы хотите на нее взглянуть. — Джули повела его по галерее к одной из стоек в центре зала. — Она не такая большая, как я думала.

Прежде, чем посмотреть на полотно, он тщательно изучил крепления на стойке. Тернер был прибит к деревянной подставке с помощью гвоздей, пропущенных через

металлические пластинки на обратной стороне рамы. Любой грабитель с фомкой мог запросто оторвать картину от держателя, но галереи обычно не предусматривают защиту от такого взлома. Они больше полагаются на охранные системы и надежные замки.

Что касается самой картины, она оставила его равнодушным. Какая-то мутная акварель с видом на аббатство, к тому же нарисованная под таким причудливым углом, что западный фасад казался намного выше, чем на самом деле. Даймонд часто сжививал в церковном дворе и смотрел на здание с этой стороны. Батское аббатство — живописное сооружение, но особо крупным его не назовешь. Никаких других достоинств в этом произведении он не обнаружил. Бледно-голубые и желтые цвета, широкие мазки — ничего примечательного. Все тускло и блекло, как осенний день. В нижней части картины виднелся пустой паланкин, возле которого маячили двое слуг, и еще в двух-трех местах, тщетно пытаясь оживить унылый пейзаж, темнели женские фигуры в юбках.

— Вы бы повесили такое у себя в гостиной? — спросил он Джули.

Она улыбнулась:

— Думаю, ей лучше висеть здесь, где все могут ею наслаждаться.

— Давайте начистоту. Тернер наверняка написал много прекрасных картин, но эта акварель к ним точно не относится.

Джули покачала головой:

— Я видела и похуже. Вон там висит «Мост смерти» — у меня от нее мурашки по коже. Жутко подавляет.

Даймонд сообщил девушке, что на время забрал ее у Джона Уигфула, и она просияла от удовольствия. Джули предпочитала работать с реальными людьми — даже если это означало просто допрашивать свидетелей, — а не смотреть на депрессивные полотна викторианских мастеров. Она подозвала одного из дежуривших на лестнице сержантов и попросила его присмотреть за галереей, пока не пришлют кого-нибудь ей на смену.

Глава 7

Полли Уайчирли взяла в руки чашку и спросила:

— Надеюсь, вы не против, что мы встретились здесь? Это мое любимое место. Я часто представляю, как тут сидел милый инспектор Мегрэ.

Она позвонила неожиданно, в половине девятого утра, когда Ширли-Энн была в душе, а Берт собирался на работу. Протянув ей телефон и полотенце, он начал так ее тискать и щекотать, что она взвизгнула в знак протеста. Страшно представить, что о ней подумала мисс Уайчирли. Как бы там ни было, Полли пригласила ее на встречу в «Ле Паризьен» на Шайрс-Ярд.

Утро выдалось пасмурным, и Ширли-Энн надела свой розовый брючный костюм с узором из ягод ежевики. Он достался ей почти даром на благотворительной распродаже вместе с белым свитером из овечьей шерсти, который она носила под куртку. Полли была одета менее броско, в длинное темно-лиловое пальто. Ближе к полудню неожиданно выглянуло солнце, и они устроились под одним из полосатых зонтиков на открытой веранде. Из глубины кафе еле слышно доносилась песня «J'attendrai».

Полли была права. Этот солнечный пятачок между Милсом-стрит и Брод-стрит напоминал уголок Латинского квартала. «Ля Паризьен» и «Кафе Рене» стояли почти рядом, и официанты здесь были настоящими французами.

— Но гораздо чаще я вспоминаю Руперта Дэвиса с трубкой в зубах. Вы его, конечно, не помните, дорогуша. Вы еще слишком молоды. Это было черно-белое кино, его показывали каждый понедельник.

— Телесериал?

— Да. Там блистал жутко элегантный Ивен Солон, игравший Лукаса, его приятеля. Красавчик в белой шляпе. Просто сказка. — Полли мечтательно взглянула на дворик. — Иногда я представляла, что мы с ним же-

наты. — Она потрянула головой. — Но я хотела поговорить с вами о том вечере понедельника.

— О встрече «Ищеек»?

— Да. Вам не понравилось? Мы были не в лучшей форме, и я бы не хотела, чтобы вы ушли от нас с неприятным чувством.

— Нет, что вы, я была в восторге, — заверила ее Ширли-Энн.

Но Полли пропустила ее слова мимо ушей.

— Конечно, хуже всего был Руперт со своей собакой. На самом деле он довольно милый человек, но его воротит от так называемых условностей. По его мнению, мы просто дремучие обыватели, которых надо шокировать. Само собой, это не оправдывает поведения его собаки. — Она дрожащей рукой поднесла ко рту чашку.

— Но меня это совсем не огорчило. Честное слово.

Видимо, Полли так близко к сердцу принимала дела «Ищеек», что этот инцидент задел ее лично. Но по мере того, как шла беседа и они обсуждали все новые подробности недавнего вечера, становилось ясно, что на самом деле ее беспокоило нечто большее, чем собака Руперта. Она не сразу подступила к главной теме, погрузившись в воспоминания о создании клуба в октябре 1989-го и обронив уже слышанную Ширли-Энн фразу о его покойном основателе, Томе Пэрри-Моргане: «Бедняга уже умер». Потом она стала перечислять фамилии всех участников клуба и причины, по которым они из него ушли, словно хотела доказать, что во всех их бедах виноват не только Руперт.

— У нас была Энни Аллен, пожилая дама, она перестала приходить из-за холодных вечеров. Молодой человек, которому больше нравились фильмы, а не книги. Как бишь его звали? Алан Джеллико. Гилберт Джонс, тот протянул всего три недели, потому что мало что читал. Сестры Пирс, обе вышли из клуба, как только узнали, что в те же самые часы рядом с нами работают курсы макраме.

Список получился длинным. Полковник Твигг, который заглянул к ним по ошибке, решив, что они всерьез

борются с преступностью. Мэрилин Слэд-Бейкер, девушка, вскоре получившая условный срок и запрет на посещение их клуба. Семья Бентин, туристы из Оклахомы. Еще несколько имен.

Ширли-Энн не стала считать всех участников, но в целом выходило, что всего в клубе побывало человек пятнадцать — не так уж мало. Из оставшихся шести Полли и Майло состояли в нем с самого начала. Чуть позже присоединилась несносная мисс Чилмарк, достававшая всех «Именем розы»; потом в один прекрасный вечер появился Руперт, похожий на беглого каторжника, которого преследовали несколько недель; застенчивого Сида привел его собственный врач; а Джессика вступила в группу только год назад.

— Я могу написать целую работу о мотивах, по которым каждый из них оказался в клубе.

— А какие у вас были мотивы? — спросила Ширли-Энн.

Этот вопрос слегка озадачил Полли.

— Честно говоря, никогда об этом не думала. Меня больше волнует, почему приходят другие. Наверно, мне просто нравится быть в центре общества. Остальные смотрят на меня как на нерушимую опору. К тому же я люблю детективы.

— А Майло? Зачем он ходит в клуб?

— Скорее всего, за компанию, хотя мне кажется, что это один из тех людей, которые готовы вступить куда угодно. Он является членом «Общества Шерлока Холмса» и еще бог знает каких. Фанат Агаты Кристи, Дороти Сэйерс, Эдгара Уоллеса — все это про него.

— Кто он по профессии?

— Чиновник на пенсии.

— Я так и думала.

— Майло — одиночка. Женщины его не привлекают, хотя он с нами очень любезен, как все мужчины такого сорта. Живет на собственной речной яхте на канале. Она называется «Миссис Хадсон», в честь квартирной хозяйки

Холмса. Красивый кораблик, весь в цветочных горшках. Мы проводили у него пару встреч. Как-то даже устроили вечеринку на Рождество.

— Он и зимой там живет? — удивленно спросила Ширли-Энн.

— Да, в холодное время это уютное гнездышко. По крайней мере, так мне показалось, когда я там была.

— Ни за что бы не стала жить на яхте. А вдруг кто-нибудь заберется с берега?

— Всегда приходится чем-то рисковать. Вам понравилось, как вас встретили? — спросила Полли с невинным видом.

— Джессика отнеслась ко мне дружелюбно.

Полли сдержанно кивнула.

— Я видела, что вы пошли с ней в кафе после собрания.

— Да, чтобы переждать дождь.

— Она очень ценный член клуба, — неохотно признала Полли.

Ее обычная благожелательность вдруг исчезла, и Ширли-Энн показалось, что как раз эта тема была главной причиной ее недовольства. Вероятно, по каким-то неизвестным причинам ей не следовало уходить с собрания вместе с Джессикой.

— Джессика в курсе всех новинок, — заметила Ширли-Энн, стараясь говорить как можно более нейтральным тоном.

— О да. — Полли отхлебнула кофе, не спуская с нее глаз поверх чашки. — К тому же она умеет снять накал, если дискуссия становится слишком напряженной. Мне нравятся ее едкие остроты. И вообще, она очень умна, это сразу видно.

«Тогда в чем дело, — подумала про себя Ширли-Энн. — Чем она тебе так насолила?»

Полли добавила:

— Кстати, у нее есть картинная галерея на Нортумберленд-плейс.

— Да, я слышала. «Вальсингам».

— Судя по всему, это ее частная собственность.

— Мне тоже так показалось.

— Она постоянно приглашает нас туда на чашку чая.

Похоже, Полли все еще прощупывала почву.

— Меня она тоже пригласила.

— Конечно, я не хочу вмешиваться, — продолжала Полли, — и, возможно, это совсем не мое дело, но я считаю, вам надо быть с ней поосторожней. Джессика не так проста, как кажется.

— Не так проста? Что вы имеете в виду?

— Я сказала достаточно. — Ее взгляд скользнул куда-то за плечо Ширли-Энн. — Как вы думаете, что там происходит?

Ширли-Энн обернулась. В переулке, уходящем в сторону Брод-стрит, появились полицейский в форме и еще двое мужчин. Они стояли на тротуаре, внимательно разглядывая не то крышу, не то верхний этаж в одном из зданий.

— Это Музей почты, — заметила Полли.

— Да. Вы сказали, что Джессика не так проста. Это значит, что у нее есть какие-то секреты или что-то в этом роде?

Но Полли уже забыла про Джессику.

— Надеюсь, его не ограбили. Там много ценных марок. Вы были в музее?

— Сто лет назад.

— Жаль, если его обокрали. Очень милое местечко, к тому же создано исключительно на частные пожертвования, насколько мне известно.

— Возможно, ничего страшного не случилось. Просто проверяют безопасность.

— Надеюсь, что так. — Полли взглянула на часы. — Спасибо за приятную беседу. Вы придете на следующей неделе, не правда ли? Свежие люди всегда вдохновляют, тем более такие начитанные, как вы.

— Приду, если смогу.

— Чудесно. Я оплачу счет. Я настаиваю, дорогуша. Нет, не могу удержаться — хочу спросить у полисмена, что там стряслось.

— Наверно, новое дело для инспектора Мегрэ, — попыталась пошутить Ширли-Энн, но ее уже не услышали.

Полли бросила на блюдечко со счетом пятифунтовую банкноту и поспешила через двор.

К концу этой встречи Полли нравилась Ширли-Энн меньше, чем во время первого знакомства.

Глава 8

Когда Питер Даймонд и Джули Харгривз вернулись из Солтфорда, в полицейском участке на Манверс-стрит царил суматоха. Констебли и гражданские носились по коридорам с папками, файлами и факсами. Телефоны во всех кабинетах трещали, как цикады. Даймонд остановил старшего инспектора.

— Что у вас стряслось? Можно подумать, на город напал Кинг-Конг.

— Все из-за чертовых газет, — буркнул инспектор. — Они готовы нас живьем сожрать.

— Каких газет? «Бат кроникл»?

— Всех британских. Особенно таблоидов. А также радио и телевидения. Джон Уигфул в бешенстве.

— Почему? Что им от нас нужно?

— Заявление по факту ограбления. Мы его вот-вот сделаем, но им не терпится.

— Какого ограбления?

— Вас что, не было в городе? Кто-то грабанул Музей почты и украл самую старую марку в мире.

— В Бате? Я не знал, что у нас есть такая марка.

Старший инспектор криво усмехнулся:

— Уже нет.

Как вскоре выяснилось, марка обычно не хранилась в музее, но накануне ее одолжили у владельца (чье имя держалось в секрете) на время выставки. Второго мая 1840 года сотрудница почты по ошибке проштемпелевала несколько конвертов с новенькими марками «Черный пенни» за четыре дня до официального открытия

почтовой службы. Один из них чудом сохранился и спустя полторы сотни лет был выставлен в музее.

— Сколько стоит марка?

— Во всем мире существует только две такие марки. Специалисты называют их «каверами», когда речь идет о конверте в целом. В 1991-м одна была продана на аукционе японскому коллекционеру за миллион триста пятьдесят тысяч фунтов стерлингов. Она попала в Книгу Гиннеса как самая дорогая марка в мире.

— Ее застраховали?

— Люди из агентства уже здесь.

— Что с охраной?

— Видеонаблюдение и крепкие замки. Марка хранилась на верхнем этаже в специальном шкафчике, привинченном к стене. Вор забрался внутрь через верхнее окно.

— Где это было?

— Знаете переулок между Брод-стрит и Шайрс-Ярд? Парень прихватил с собой режущий инструмент, чтобы вскрыть шкафчик. Оперативники говорят, что он вылез назад тем же путем — через подъемное окно. Наверное, у него была лестница.

— И никто ничего не видел? — удивился Даймонд.

— Есть версия, что он переоделся мойщиком окон и проделал все это на глазах у прохожих, где-то между семью и девятью утра. Всем известно, что в это время, пока еще не открылись магазины, на улицы выходит целая армия чистильщиков. Он мог свободно пройти по Брод-стрит с лестницей и ведерком, и никто не обратил бы на него внимания. В ведерке, кстати, удобно носить инструмент.

— Неплохо.

— Джон Уигфул так не думает. Пресса уже палит по нам из всех орудий, а завтра из нас сделают решето. Самое смешное, что мы послали кучу людей охранять галерею Виктории, а о марке никто даже не подумал.

Оставшись наедине с Джули, Даймонд предупредил, что с этой минуты она целиком и полностью занята убийством в Солтфордском банке.

— Вам нельзя отвлекаться даже на минуту, ясно? На вас десятки показаний, которые могут совершить прорыв в расследовании дела.

— Разве?

— Ну, если вы хотите провести весь день, утирая слезы Уигфулу...

Даймонд нащупал в кармане клочок бумаги, который вырвал сегодня утром из газеты. Перечитав содержание записки, он отправился искать Уигфула. Герой дня сидел в одном из кабинетов на первом этаже. Вокруг него кипела бурная деятельность. Факсы и файлы летали по всей комнате. Старший инспектор торчал за большим столом, заваленном бумагами. Выглядел он примерно так, как и ожидал Даймонд: застывший взгляд и телефонная трубка в руке. Одну руку он держал на затылке. Длинные усы смотрели строго вниз, воспаленные глаза налились кровью. Печальное зрелище.

Сержант, которого Даймонд почти не знал, подал из угла реплику:

— Он очень занят, сэр. Скоро начнется пресс-конференция.

— Я как раз по этому вопросу.

Уигфул положил трубку, и телефон тут же зазвонил снова. Даймонд прижал его рукой.

— На минутку, Джон.

— У меня вот-вот начнется встреча с прессой.

— Я знаю. Ты все продумал?

— Продумал что?

— Заявление от имени полиции.

— Разумеется. Я тебе не какой-то новичок.

— Можно почитать?

— Его сейчас копируют. Можешь взять себе один экземпляр, если хочешь.

— Что ты собираешься говорить о «Шмеле»?

Уигфул уставился в пространство с видом упрямого верблюда, не желавшего сдвинуться с места.

— Ничего. Тернер тут ни при чем. Я не сомневаюсь, что мы предотвратили ограбление в галерее, но это не имеет никого отношения к марке.

— Боюсь, что имеет, Джон, и репортеры быстро это раскопают. Они не такие дураки. Тебе начнут задавать вопросы, и ты должен знать, как на них ответить.

— О Тернере? — безразлично спросил Уигфул.

— О сообщении, отправленном на радио сегодня утром. — Он снова сунул руку в карман и прочитал стишок Уигфулу:

Джей-Эм-У-Ти.
Я окружен секьюрити.
Виктория перечит мне.
Но скоро я приду к тебе.

В глазах Уигфула забрезжило что-то похожее на понимание.

— И?

— Разве не ясно? — ответил Даймонд, стараясь перекричать звон телефонов. — Нас обвели вокруг пальца, Джон. Тернер был отвлекающим маневром. Виктория — это не название галереи. Это марка. «Черный пенни» с изображением королевы Виктории.

— Ты думаешь? — пробормотал Уигфул. Его измученный взгляд на секунду остановился на Даймонде, скользнул в сторону и вернулся к нему снова, но уже острый как бритва. — «Виктория перечит мне». Вот черт. Почему это не пришло мне в голову?

— Тебе не за что себя корить, — великодушно заметил Даймонд. — Такое с каждым может случиться. В начале дела всегда легко запутаться.

— Когда ты об этом догадался?

— Несколько минут назад, как только услышал про ограбление.

— Этот ублюдок выставил меня на посмешище. Он дал понять, что намерен делать, а я ни черта не понял.

— Поэтому тебе нужно держаться начеку, когда будешь говорить с прессой, Джон. Они сразу тебя прищучат.

Уигфул нервно взлохматил волосы.

— Что посоветуешь?

— Скажи им, что это необычное ограбление. Хорошо спланированное, дерзкое. Мы имеем дело с хитрецом, любителем загадок, которому нравится говорить о своих планах, но в завуалированной форме. Разложи все это по полочкам, объясни, как двусмысленно его послание. Слово «Виктория» может означать десятки разных мест в городе. А потом намекни, что этот умник не так уж умен, потому что он не сможет продать марку. Это то же самое, что попытаться сбыть «Джоконду».

— Хороший ход, — кивнул Уигфул. — Кстати, что, по-твоему, он собирается с ней делать — потребует выкуп?

— Возможно. Но я не стал бы говорить об этом прессе, даже если они сами выскажут такую мысль. Поверь моему богатому опыту — нельзя строить никаких домыслов о том, что будет дальше. Только факты. Скажи, что мы начали полномасштабное расследование, и точка.

— Питер, я тебе очень благодарен.

— Да брось.

— Нет, правда.

— Ладно. Не забудь об этом, пока не угостишь меня выпивкой.

Глава 9

В витрине галереи «Вальсингам» стояли две большие картины: обе изображали клоунов в легком гриме, наполовину скрывавшем черты лица. Художник пожертвовал долей реализма, чтобы лучше выявить характеры участников пантомимы, и ему это блестяще удалось. Присмотревшись сквозь слой краски, можно было заметить, что один клоун смеется под намалеванной улыбкой, а другой скорбно поджимает губы; мужчина бросал на женщину хищный взгляд, но та смотрела в сторону, очевидно, чувствуя его интерес и отвечая на него презрением. Идея была неоригинальна, зато исполнение великолепно.

Прежде чем войти внутрь, Ширли-Энн несколько минут рассматривала эти картины.

Вместо Джессики из-за стола, украшенного букетом желтых и синих ирисов, поднялся молодой мужчина.

— Привет. Просто зашли посмотреть или хотите что-то конкретное?

Для работы он был одет довольно небрежно: в клетчатую рубашку и черные джинсы. Его зубы были идеально ровными и поэтому казались не очень натуральными. Какой-то актер? Ширли-Энн не помнила, чтобы видела его по телевизору, но его вьющиеся волосы и карие глаза подошли бы какому-нибудь ловеласу из «мыльной оперы».

— Вообще-то я к Джессике.

— Она пошла в магазин, — объяснил мужчина. — Скоро вернется, если вы согласны подождать.

Что-то в его манерах говорило о том, что перед ней не простой зритель галереи. Может быть, это Барнаби, ее муж? Ширли-Энн ответила, что у нее нет ничего срочного и она заглянет к ним попозже.

Мужчина бросил на нее пристальный взгляд.

— Вы случайно не Ширли-Энн Миллер?

К ее щекам прихлынула кровь.

— Как вы догадались?

— Джессика о вас говорила. Вы недавно присоединились к тому сборищу, которое она посещает. Читателей, помешанных на детективах. Как же оно называется — Баскервилли?

— «Ищейки». Но я бы не назвала их «сборищем», хотя... как вы меня узнали?

— Джесс сказала, что вы можете зайти.

— Но в Бате полно людей...

Ее кольнула неприятная мысль. Может быть, Джессика описала ему, как она одевается? Неужели всем так очевидно, что она покупает вещи на распродажах?

— Далеко не каждый человек в Бате заходит сюда и спрашивает Джессику. Я знаю практически всех местных клиентов. — Он вышел из-за столика и протянул ей

руку. — Меня зовут Эй Джей, и не спрашивайте, что это значит, потому что мне плевать на имя, которое мне дали при рождении. — Его рука была прохладной, а рукопожатие твердым. — Я поставлю чайник, если только вы не хотите попробовать дешевый шерри, который она держит для гостей.

— Нет, спасибо, — ответила Ширли-Энн, решив, что вряд ли это ее муж: Джессика не стала бы называть его именем, на которое «ему наплевать».

— «Нет, спасибо» что? — спросил Эй Джей. — Нет, спасибо, чай, нет, спасибо, шерри или нет, спасибо, я слишком тороплюсь? О спешке можете забыть, если хотите поболтать с Джессикой. Говорят, что приятные беседы укорачивают дни и ночи, и к Джесс это относится в полной мере. Представьте себе, когда я называю ее баблболкой, она воспринимает это как комплимент!

У нее не осталось никаких сомнений, что этот человек очень близок с Джессикой. Да и она сама, будь у нее галерея, не стала бы доверять ее кому попало.

— Хорошо, — сказала Ширли-Энн. — Если она скоро вернется, я не откажусь от чая.

— Посмотрите пока картины, — предложил он, направляясь к дальней нише, где хранился чайник. — Может быть, найдете что-нибудь интересное за приемлемую цену. Кстати, на следующей неделе у нас откроется новая коллекция. Если захотите что-нибудь купить, мы устроим для вас предпоказ.

Ширли-Энн обычно не обращала внимания на советы, которые давали ей мужчины, поэтому просто выбрала самое удобное кресло с высокой спинкой и с удовольствием в нем устроилась, продолжая размышлять о том, какую роль играет этот человек в бизнесе и в жизни Джессики.

Вернувшись в зал и увидев ее в кресле, Эй Джей улыбнулся: «Будьте осторожны, обычно в это кресло сажают тех, кто подписывает чек». Он подал ей чай. В белой фарфоровой чашке плавали два чайных листа, красноречиво говоривших о том, что заварка была не из пакетика.

— Джесс сейчас примчится. Она за милю чует запах чая.

Эй Джей вел себя как ее муж, но Джессика определенно говорила, что вышла замуж за человека по имени Барнаби. Как из него мог получиться Эй Джей? Ширли-Энн попыталась прощупать почву.

— Вы похожи на художника.

— Разве? — удивился он. — Краска на джинсах? Или я оставил за ухом кисточку? Но вы правы — я рисую людей.

— Клоунов в витрине?

— О господи, нет. Это не в моем стиле. Я пишу ню, но в духе Бата — целомудренные, тонкие, с деликатными тенями. Наверху есть три моих работы. Цена от восьмисот до тысячи фунтов. Пару лет назад у меня не было отбоя от клиентов, но во время кризиса все пошло прахом, включая мои ню. — Он сверкнул белозубой улыбкой. — Шутка.

— Значит, вы совмещаете живопись с работой в галерее?

— Нет. Я здесь не работаю. Просто помогаю иногда Джесс. Бедняжка торчит в галерее с утра до вечера, и если я оказываюсь рядом, то обычно захожу сюда и даю ей возможность прогуляться. А вы, я слышал, тоже поклонница криминала?

— Криминального жанра, — уточнила Ширли-Энн.

— Джесс покупает книги пачками. Само собой, когда целыми днями просиживаешь задницу, приходится себя чем-то развлекать. У нее очень мало посетителей. Причем только один из десяти интересуется искусством. Нет, ошибочка. Один из двадцати! Большинство просто заходят спросить, где тут ближайший туалет. Или, в лучшем случае, пытаются втридорога всучить ей какую-нибудь бледную копию с гравюры «Загнанный олень», купив ее за пару фунтов на местной барахолке. Тоска зеленая. Но хуже всего, когда не приходит никто. Порой она целыми часами сидит тут в полном одиночестве. Поэтому читает Сару Парецки и Сью Графтон. Тупое развлечение, чтобы убить время.

Ширли-Энн немедленно встала на защиту своих любимых авторов:

— Тупое? Совсем наоборот. Это умные книги. В них поднимаются важные вопросы.

— Например, о феминизме, — Эй Джей почти не скрывал насмешки. — Или, лучше сказать, о постфеминизме?

— Я уверена, что вы их не читали. Они гораздо больше — и намного убедительней — говорят о современном обществе, чем большинство так называемых серьезных книг.

Он рассмеялся:

— Не волнуйтесь, я вас просто дразнил. Разумеется, я их не читал. Я художник, и меня больше интересуют графические новеллы, где рассказ ведется с помощью картинок: проще говоря, комиксы для взрослых.

— Тупое развлечение?

— О, вы мстительны. Впрочем, порой они бывают очень артистичны.

— Вам нравится дразнить людей?

— Безумно.

— Особенно женщин?

Его губы дрогнули в улыбке.

— Так-так, сейчас вы обвините меня в сексизме или еще чем-нибудь похуже. На самом деле, для того, чтобы вешать на уши лапшу, женщины подходят не меньше мужчин. Нет, меня вполне устраивают оба пола. Лопух — он и есть лопух.

— Значит, вот какой вы меня считаете?

Он усмехнулся:

— Я просто проверял.

Ширли-Энн бесило почти все, что он говорил, но ей начинала нравиться эта беседа. Конечно, она ни за что на свете не стала бы доверять подобному человеку, но острый обмен репликами действовал на нее бодряще. Она подумала, что таких мужчин надо использовать в качестве тренажеров, чтобы оттачивать на них женскую самоуверенность.

На этом их пикировка прекратилась, потому что в галерею влетела Джессика с пакетами из ближайшего супермаркета. Увидев Ширли-Энн, она вскинула руку и поправила прическу, хотя в этом не было никакой необходимости. Джессика прямо сейчас могла бы выйти на подиум в своем легком светло-голубом костюме.

— Ого, какой сюрприз! — воскликнула она.

— Просто решила заглянуть на минутку, как вы предлагали, — откликнулась Ширли-Энн. Она слишком быстро встала с кресла и пролила чай на блюдце. Нет, никогда у нее не будет таких манер, как у Джессики.

— Я безумно рада вас видеть!

Эй Джей без тени улыбки вставил:

— Мы как раз пришли к мнению, что Микки Спиллейн пишет лучше остальных.

— Ничего подобного! — запротестовала Ширли-Энн.

— Так это был Питер Чейни? «Дамам на все наплевать».

Джессика покачала головой:

— Хватит, Эй Джей. — Она повернулась к Ширли-Энн: — Он всегда несет полную чушь. Садитесь, пожалуйста.

— Он — человек нового типа, — заявил о себе Эй Джей. — Он угостил даму прекрасным чаем! Кстати, чайник еще теплый. Хочешь выпить чашечку?

— Теплый чай? Нет, это не для меня. Лучше завари свежий.

Когда они остались наедине, Джессика сочла нужным извиниться:

— Простите, что пришлось с ним общаться. Хотя в малых дозах он забавен. Я от него избавлюсь, а потом мы осмотрим галерею. Эй Джей не выносит ничьих работ, кроме своих собственных.

— На самом деле мы довольно мило побеседовали. Он действительно разбирается в детективах?

— Очень поверхностно. Но достаточно, чтобы раздражать. Не советую ему ничего о себе рассказывать: он тут же обратит это против вас.

— Я так и подумала.

Эй Джей вернулся с чаем, и Джессика поблагодарила его за помощь, заметив вскользь, что видела на улице полицейского инспектора, проверявшего припаркованные машины.

— Вы это придумали? — спросила Ширли-Энн после того, как Эй Джей пулей вылетел из комнаты.

Джессика улыбнулась:

— Он любит риск. Никогда не платит за парковку. К тому же он не раз проделывал то же самое со мной, только в сто раз хуже и нелепей. Он мог сказать, к примеру, что по улице прошла цирковая процессия и один из слонов сел на мою машину. И мне приходилось ему верить, потому что, как только я усомнюсь в правдивости его слов, наверняка окажется, что чертов слон действительно продавил мне капот.

— Он представился мне художником, — заметила Ширли-Энн, стараясь разузнать как можно больше, но при этом не задавать прямых вопросов.

— Да, поэтому мы с ним и познакомились. Его работы отлично продаются. Рисунки с натуры, довольно оригинальные. Я вам покажу.

— Женские фигуры?

Джессика пожала плечами:

— А чего вы хотели? Чтобы продать мужское ню, нужно, чтобы под ним стояла подпись Микеланджело.

— Правда?

— Подумайте сами. Хотели бы вы повесить в своей гостиной такую штуковину, даже если она отлично выглядит?

В другой ситуации Ширли-Энн, возможно, не удержалась бы от смеха. Но теперь она не была уверена, что Джессика имела в виду то, о чем она подумала, и ограничилась улыбкой. Ее взгляд обратился в дальний конец зала.

— Ваша галерея больше, чем я думала.

Джессика начала показывать ей свои владения. Ее стратегия, объяснила она, заключается в том, чтобы

сосредоточиться на определенной группе художников. Отказываясь вешать на стены все подряд, она следует определенным принципам. Например, она с самого начала приняла решение не выставлять работы абстракционистов — не потому, что они ей не нравятся, а потому, что ее клиенты хотят иметь какую-то опору для сопереживания художнику. В то же время в отобранных ею полотнах не было рабского подражания натуре. Исходный объект словно ставился под увеличительное стекло с помощью нестандартной композиции и смелых красок. Авторы заявляли о себе убедительно и ярко. Возможно, вкусам местных жителей и не хватало остроты, но Джессика не собиралась с ними спорить.

В числе прочих на стенах висели огромные полотна, стоимость которых выражалась в четырехзначных цифрах. Ширли-Энн с усмешкой подумала, как удивился бы Берт, увидев ее в таком месте. Он твердо знал, что она покупает картины только на мелких распродажах, и был абсолютно прав. Репродукции с танцовщицами и слонами, украшавшие их квартиру на Рассел-стрит, стоили не больше фунта. Надо же было чем-то завесить голые стены, и притом быстро. Когда они переехали, в комнатах не было ничего, кроме коллекции постеров Джеймса Бонда, которую Берт собрал, когда еще был студентом колледжа. Он был помешан на Бонде.

Белая спиральная лестница вела наверх, где висело еще несколько картин, включая ню Эй Джея. Они оказались не такими грубыми и безвкусными, как она думала. Фигуры были очерчены тонко и искусно, а источник света находился сзади, погружая большую часть тела в тень и сосредотачивая внимание зрителя на освещенных формах.

— Он действительно хорош, — заметила Джессика. — Приходится признать — дьявольски хорош.

— А кто его модели? — спросила Ширли-Энн и добавила: — Вы ему позировали? — Бестактный вопрос, за которой ей захотелось вlepить себе пощечину.

Джессика сделала большие глаза, но нисколько не смутилась и спокойно ответила:

— Нет. С какой стати? Я думаю, это профессиональные модели.

Они перешли к пейзажу с сельской церковью, которую Ширли-Энн, к своей радости, тут же узнала.

— О, это же деревня Лимпли-Стоук! Верно?

В самом деле, это была она.

Внизу они заварили себе свежий чай. С улицы под дверь просунули вечернюю газету, на главной странице которой красовалась новость о похищенной марке стоимостью в миллион фунтов.

— Я не одобряю кражи, но трудно не восхищаться человеком, которому хватило смелости среди бела дня приставить к окну лестницу, забраться наверх и умыкнуть сокровище, — заявила Джессика, быстро проглядев статью. — Очевидно, так все и случилось. Конечно, полиция будет искать свидетелей, но, похоже, прохожие приняли его за мойщика окон. Эти парни со скребками каждое утро надраивают витрины. У меня, кстати, тоже. Совершенно необходимая вещь. Вы не поверите, в каком они порой бывают состоянии.

— Мойщики?

Джессика улыбнулась:

— Витрины, милая.

— Я видела сегодня утром, как полиция разглядывала окна в Музее почты, — сообщила Ширли-Энн. — Мы как раз сидели во французском кафе с Полли Уайчирли. — Она в очередной раз пожалела, что вовремя не прикусила язык.

Джессика немедленно ухватилась за эту фразу.

— Вы встречались с Полли?

— Да. Просто попили вместе кофе.

— Значит, вы уже были знакомы раньше?

— Нет, — Ширли-Энн хотелось сказать, что они встретились случайно, но она не умела врать. — Она позвонила мне утром, когда я была в душе. Ранняя пташка. Я думаю,

как глава клуба она хотела просто убедиться, что все прошло нормально и я приду на следующее заседание.

— Возможно, — обронила Джессика.

— Мы даже не представляли, что у нас на глазах развивается настоящий детектив.

Но настоящие детективы вдруг перестали интересоваться Джессику.

— Она не давала вам никаких советов как новому члену клуба?

— О, это была всего лишь дружеская встреча, — уклонилась от ответа Ширли-Энн.

— Полли мастер давать советы, — заметила Джессика, и в ее голосе прозвучали неодобрительные нотки.

— Ко мне у вас вообще отнеслись очень дружелюбно. Я практически чувствую себя своей. И, конечно, обязательно приду еще раз.

— Прекрасно, это поможет разрядить атмосферу, — чуть более тепло отозвалась Джессика. — Наша группа раскололась пополам, на любителей классики и поклонников нуара. Сколько разных вещей можно было бы обсудить, но мы почти никогда этого не делаем.

— Не считая Убмерта Эко.

Джессика улыбнулась:

— Не считая Эко. «Ищейки» — очень милые люди, но каждый упрямо держится за свое, а все потому, что они не пытаются расширить свой кругозор. Я уверена, что, если бы Руперт попробовал взяться за Питера Дикинсона, с его буйным воображением и великолепно продуманной фабулой...

— Совершенно верно!

— ... где полно драматичных сцен и персонажей, что не мешает им встраиваться в цепочку классического расследования с уликами и свидетелями, — это сразу выбило бы его из привычной колеи. А еще я очень хотела бы, чтобы Майло почитал американские триллеры. Я даже знаю, с чего начать. С серии о Флетче.

— Грегори Макдональд.

— Да. Он оценит его юмор и логичные сюжеты, потом перейдет к Уэстлейку, Макбейну, Блоку и, наконец, Элрою.

— Можно попробовать женских авторов, — вставила Ширли-Энн.

— Верно, — рассмеялась Джессика. — Но только в теории. Вы не знаете Майло.

Ширли-Энн приподняла брови, и Джессика кивнула.

За этим наверняка последовала бы еще одна порция сплетен, но Ширли-Энн не хотелось выглядеть слишком любопытной. Она снова перевела разговор на живопись и удостоилась приглашения на закрытый просмотр, который должен был состояться в следующую среду.

— Там не будет ничего особенного, — предупредила Джессика. — Просто переставляем стулья на «Титанике», как говорит Эй Джей. Будут те же самые люди, что и всегда, но есть надежда привлечь новых дилеров, а я зарабатываю достаточно, чтобы потратиться на шампанское и пару бутербродов. Приходите. Познакомитесь с новыми людьми и все такое. И, ради бога, не думайте, что обязаны что-то покупать.

Вторая загадка

ЗАПЕРТАЯ КОМНАТА

Глава 10

Когда Джон Уигфул вернулся с пресс-конференции, Даймонд сидел в кабинете и читал стихи — если можно было так назвать четыре строчки, которые сбили с толку всю местную полицию, включая самого Питера.

— Ну как, Джон, пришлось несладко? — спросил он с дружеской усмешкой.

— Я и не ждал легкой прогулки.

— Надеюсь, ты воспользовался моим советом?

— Каким еще советом? — пробурчал Уигфул недовольным тоном занятого человека. — Послушай, Питер, без обид, но мне некогда болтать. У меня срочные дела.

— Например, крепкий кофе? После всех этих вопросов, наверно, здорово першит в горле.

С горлом Уигфула, очевидно, было все в порядке, поскольку оно без труда озвучило его растущее нетерпение:

— Я занимаюсь важным делом. Похищена самая ценная марка в мире. Это куда серьезней, чем твоя стрельба в Солтфорде.

— Только не с точки зрения закона и того парня, которого пристрелили. Тебе нужно подкрепление, верно?

— Если понадобится, я использую каждого сотрудника во всей полиции графства.

Вид Уигфула не оставлял никаких сомнений в его решимости. Он играл желваками, как Черчилль, говоривший про «кровь, тяжелый труд, слёзы и пот».

— Что ты намерен делать?

— Для начала отправлю это дурацкое послание на экспертизу.

— Зачем? Хочешь найти на нем следы копирования? — Прежде чем Уигфул успел ответить, Даймонд добавил: — Если ты надеешься извлечь какую-то информацию из бумажных экземпляров, разосланных в редакции газеты, у тебя ничего не выйдет. Я прихватил с собой одну копию. — Он протянул Уигфулу листок с посланием, но тот даже не взглянул в его сторону. — Раньше можно было взглянуть на любой машинописный текст и по мелким различиям в форме букв определить, на какой машинке он напечатан. «Взгляните, Ватсон, на этот искривленный уголок в букве W! Он ясно доказывает, что записку напечатали на старой «Смит-Короне» профессора Мориарти». Увы, прошли те времена. Сегодня Мориарти набирает текст на компьютере и распечатывает на лазерном принтере, который выдает миллионы идеальных и абсолютно не отличимых друг от друга копий. А потом размножает свою записку на ксероксе. Парни из экспертизы тебе не помогут, Джон.

Это была одна из любимых тем Даймонда, в которой он упражнялся при каждом удобном случае.

Уигфул не смутился:

— Чепуха. С помощью лазерной подсветки мы можем найти любые отпечатки пальцев.

— Кроме отпечатков самого преступника.

— Посмотрим.

— Джон, этот парень не дурак. Он никогда не оставит отпечатков. Ты проверил орфографию?

— Орфографию?

— Я про текст в записке.

— Дайка-ка взглянуть. — Уигфул взял у Даймонда листок бумаги и пробежал его глазами. — По-моему, все правильно.

— Вот именно, — кивнул Даймонд. — Я уже сказал — он не дурак. Мы оба знаем, что он не делает ошибок.

Слово «мы» заставило Уигфула встрепетаться. Он воинственно вскинул голову.

— Слушай, Питер, давай начистоту. Это мое дело. То, что я воспользовался твоим советом насчет пресс-конференции, еще не значит, что ты можешь вторгаться на мою территорию.

— Вторгаться? — вежливо повторил Даймонд. — Мне бы и в голову не пришло. Я ведь по уши занят банковскими клерками.

На самом деле последняя неделя у Даймонда не задалась. Банковские клерки наводили на него уныние. Каждый рассказывал свою историю о том, каким грубым, злым и вредным сукиным сыном был их бывший менеджер. Возможно, не будь у него признания Рутледжа, Даймонд не отказался бы послушать этот жалобный хор: его вполне хватило бы, чтобы набрать дюжину-другую подозреваемых, не говоря уже о рассерженных клиентах. Но, к несчастью, картина была совершенно ясной: управляющего убил Рутледж. Экспертиза подтвердила его показания. В пятницу Даймонд уже умирал от скуки и попросил Джули Харгривз закончить дело без него. Сам он весь день проторчал в офисе, пытаясь разгрести гору бумаг, наваленных на его рабочем столе.

Позже в то же утро ему позвонили из Дорчестера. Джон Кроксли — нахальный молодой инспектор с непомерным самомнением — когда-то работал с ним в «убойном отделе». Его неприкрытые амбиции действовали всем на нервы. Когда его перевели в уголовное управление Дорсета — это произошло уже без Даймонда, — в Эйвоне и Сомерсете вздохнули с облегчением.

— Вот, решил вам позвонить, мистер Даймонд, — деланно небрежно произнес мужской голос. — Слышал, что вы вернулись. Надеюсь, вы не очень заняты?

— Сбиваюсь с ног. Но можешь продолжать.

— Ведь это вы ведете дело о «Черном пенни»?

— Сейчас — нет. Я беседую с тобой, верно? Слушай, давай покороче. Как там дела в Дорсете? Уверен, после твоего появления статистика преступлений резко пошла вниз.

— Если честно, я ожидал немного другого, — признался Крокли. — Не думал, что здесь все так провинциально.

— Провинциально?

— Ну да. По-деревенски.

— В смысле — трахают овец?

В трубке повисла пауза.

— Об этом мне ничего не известно. Я больше не работаю с убийствами — у меня другое поле деятельности.

Даймонд не удержался от смешка:

— И что растет на этом поле — турнепс?

— Скорее рогатый скот, — ответил Крокли без тени улыбки. У него всегда было плохо с чувством юмора. — Я занимаюсь отпечатками носов.

— Чем?

— Отпечатками носов. Мало кто знает, что носы у жвачных так же уникальны, как узор на пальцах. Надо просто помазать нос специальной краской и приложить к нему бумагу.

— Ты меня разыгрываешь, Джон?

— Нет, мистер Даймонд. Так в Ассоциации землевладельцев Дорсета борются с кражей скота. Мы уже взяли отпечатки у семисот коров.

Даймонда начало трясти от смеха:

— Так-так. Значит, ты снимаешь отпечатки носов у коров? Продолжай, Джон.

— Собственно, в этом вся проблема. Меня недавно перебросили в этот отдел. Не знаю, по какой причине. Я вообще-то не деревенский. И потом, мне кажется, это не очень перспективно.

— Ну почему. — По щекам Даймонда потекли слезы. — По-моему, у тебя выгодное положение.

— Вы думаете?

— Ты же занимаешься носами, значит, можно сказать, находишься впереди?

— Наверно.

— Представь, если бы тебе пришлось брать отпечатки с другой стороны.

— Мне это не приходило в голову, мистер Даймонд.

— Вспоминай об этом, когда станет совсем плохо, Джон. В стране появились новые технологии, и именно тебе доверили внедрение одной из них. Перенеси отпечатки носов на компьютер. Создай — как это называется? — базу данных по всем коровам в Дорсете. Ты говоришь — нет перспектив? Да у тебя огромные перспективы. Ты можешь заниматься этим всю жизнь.

— Как раз этого я и боюсь, — уныло ответил Кроксли. — Я вот тут подумал: сейчас столько шумихи вокруг «Черного пенни», может, вам нужны новые люди для следствия?

— Неужели ты хочешь бросить свою прекрасную новую работу?

— Да, если есть хоть малейший шанс.

— Боюсь, шансов нет. Ты знаешь, как урезают наш бюджет. На твоём месте я бы лучше держался за коров. Кто знает, может, ты станешь главным в мире экспертом по коровьим носам.

Повесив трубку, Даймонд откинулся на стул и разразился оглушительным хохотом — в первый раз за последнюю неделю. Ему не терпелось рассказать обо всем Стеф. Но до конца дня произошло еще одно событие, которое стерло этот эпизод из его памяти.

После четырехчасовых новостей на радиоканале «Би-би-си Бристоль» ведущий неожиданно добавил: «Так, есть срочное сообщение. Мне только что положили на стол записку, которая, как считает мой продюсер, может быть связана с тем загадочным стишком, что мы читали вам в прошлый понедельник. Помните? Полиция потом сказала, что речь почти наверняка шла о марке за миллион фунтов, которую украли в почтовом музее в Бате. «Черный пенни», верно? Похоже, у нас еще одно послание от таинственного взломщика. Оно напечатано на ли-

сте формата А4, без всяких пояснений. Наверно, пришло с дневной почтой. Ладно, посмотрим, что это такое. Еще один трюк или настоящий ключ к разгадке? Само собой, мы сразу же передадим его в полицию, но именно слушатели «Радио Бристоль» узнают о нем первыми! Приготовили ручку и бумагу?

Виктория, важная старая дама, где ты?

Доколе тебе скитаться?

В запертой комнате можно найти

леди (подсказка — семнадцать).

Это все. Пожалуй, теперь мы знаем, кто такая или что такое «Виктория», но как насчет запертой комнаты? И при чем тут число семнадцать? Ждем ваших звонков. Если до конца программы вас осенит какая-нибудь блестящая мысль, мы с радостью ее озвучим. Я повторю сообщение еще раз».

Перед тем, как давать новость в эфир, продюсер предусмотрительно позвонил в полицию, поэтому к началу передачи перед радиоприемником собрался весь участок, включая Даймонда, который сразу почувствовал, что происходит что-то важное, и вылез из-за стола. Для полного счета не хватало только Джона Уигфула, который прильнул к собственному приемнику наверху.

— Это больше напоминает игру в кошки-мышки, — мрачно заявил детектив-сержант.

— Думаете, в записке вранье? — спросил кто-то.

— Откуда мне знать? Но после того, что случилось с первой, к ней придется отнестись серьезно.

— Зачем они вообще это делают? Мистер Уигфул ждал, что они потребуют выкупа, а не зададут еще одну загадку.

— Может, им не нужен выкуп. Может, это просто какой-то скандальный трюк, чтобы привлечь к себе внимание. Когда у нас университетская Неделя благотворительности?

— Еще не скоро. Студенты только вернулись после каникул. Если это трюк, то бьюсь об заклад, что в нем замешан какой-нибудь умник из «глиттерати».

— Это еще кто?

— Богатые тусовщики. Элита. Бомонд. Прожигатели жизни. Они обожают выставлять полицейских посмешищем.

Примерно в том же духе обсуждение продолжалось на совещании высшего руководства, которое возглавил помощник начальника полиции.

— Поскольку мы имеем дело с серьезным преступлением, — начал он, — я предлагаю объединить наши усилия. Если новая записка — продолжение предыдущей, возможно, она касается Бата, и тут нам пригодятся любые знания, любой опыт, так или иначе проясняющие ситуацию.

Судя по наступившему молчанию, никто из присутствующих не обладал подобным опытом.

— Джон, это ваше расследование. — ПНП жестом пригласил его выступить. — Расскажите, что вы думаете по этому поводу.

Уигфул откашлялся.

— Что ж, сэр, мне кажется, мы с полным правом можем предположить, что под Викторией подразумевается кавер.

— Подразумевается что?

— Украденная марка, сэр.

— Почему бы не называть марку просто маркой?

— Потому что она приклеена к конверту. На ней представлена дата. Все вместе называется кавер. Это вроде тех «конвертов первого дня», которые продают на почте, когда выходит новая серия почтовых марок.

— Хорошо, теперь ясно, что это за каверы, — кивнул ПНП с таким видом, словно знал обо всем с самого начала. — Продолжайте.

Уигфул вернулся к записке:

— Первые две строчки:

Виктория, важная старая дама, где ты?
Доколе тебе скитаться? —

скорей всего, просто означают, что кавер у него. Поэтому нам надо сфокусировать внимание на третьей и четвертой строчках:

В запертой комнате можно найти
леди (подсказка — семнадцать).

Тут возникает сразу три вопроса: какая леди? Что за запертая комната? И почему «семнадцать»? Под леди, возможно, подразумевается все та же Виктория — то есть кавер, — но мы не можем исключать и другие варианты. Имеет ли эта дама какое-то отношение к последней строчке, то есть числу семнадцать? Знаем ли мы какую-нибудь семнадцатилетнюю леди, которая — сейчас или в прошлом — как-то связана с этим делом?

Снова молчание.

— Нам может помочь запертая комната, — продолжал Уигфул. — Возможно, существует какая-то старая история или легенда о некой молодой женщине, жившей взаперти. Тюрьма. Психиатрическая лечебница. Монастырь. Масса вариантов.

— Есть идеи? — спросил ПНП, оглядев всех сидевших за столом.

Том Рэй буркнул:

— Я бы посмотрел в другую сторону, сэр. Может быть, семнадцать — это часть адреса?

— Неплохо, — одобрил ПНП снисходительным тоном, словно не рассчитывал услышать что-то дельное от кого-нибудь, кроме Уигфула.

— Айзек Питман, изобретатель стенографии, жил в доме номер семнадцать по Роял-Кресент. Там на стене висит табличка.

— А он-то тут при чем? — спросил Питер Даймонд. — Или у него была юная сексуальная рабыня?

— Очень в этом сомневаюсь, — холодно возразил ПНП. — Я читал о Питмане. Это был человек высоких принципов. Как и я, трезвенник, вегетарианец и противник табака.

Повисла неловкая пауза. Даже Даймонд не решился продолжать тему сексуальной жизни Питмана — или ПНП.

— Это всего лишь предположение, — пробормотал Рэй.

Еще одна версия поступила от Кайта Халлиуэлла:

— Возможно, число семнадцать относится ко времени. Например, семнадцать часов, то есть пять вечера.

— Если так, мы опоздали на десять минут, — заметил Даймонд, взглянув на часы. — Лично я сомневаюсь, что этот шутник даст нам много времени на раздумье. Ему это ни к чему, верно? Это как в той книжке, «Тридцать девять ступеней». Бесполезно искать заветные ступени. Не поймешь, что нашел их, пока не окажешься на нужной лестнице. Я хочу сказать: мы можем весь вечер гадать про «семнадцать то» и «семнадцать се». Семнадцать лошадиных сил, семнадцать деревьев на улице, семнадцать дней в месяце, пятнадцать игроков в регби плюс два запасных. Пока мы не знаем, где искать, все это гадание на кофейной гуще.

— То есть, вы предлагаете...

— Игнорировать этот стишок. Сосредоточиться на других зацепках.

— Каких зацепках? — пробурчал Рэй.

Уигфул вставил:

— Мы работаем не покладая рук.

— А где результаты?

— Нельзя торопить следствие.

— Ну почему же, — пожал плечами Рэй. — Питер Даймонд получил признание в убийстве всего через пару минут после того, как приехал на место.

ПНП тяжело вздохнул.

— Джентльмены, давайте сосредоточимся на марке. Думаю, мы не можем просто игнорировать это сообщение. Возможно, Питер прав и преступник морочит нам голову, но, если мы сумеем извлечь из этой записки что-то полезное, у нас появится шанс связать ее с другими уликами.

— А кто-нибудь видел этого парня в понедельник утром? — спросил Даймонд. — Или лестницу у окна?

— К сожалению, нет, — ответил Уигфул. — Но недалеко от места преступления шесть или семь человек заметили мойщиков окон, которые показались им подозрительными.

— Вы когда-нибудь видели мойщика окон, который не казался бы подозрительным? Как насчет криминалистов? Они что-нибудь раскопали?

— Вор работал в перчатках. В комнате найдено много всяких волосков и волокон, но поскольку в музее каждый день бывает полно людей, они могут принадлежать кому угодно. Шкафчик с маркой взломали ржавым гвоздодером.

— А сотрудники музея?

— Это энтузиасты, волонтеры. Местные филателисты. Они работают в музее по очереди, по два человека и больше. Мы допросили всех, кроме двух, которых нет в городе. Никто не запомнил ничего необычного перед кражей, хотя, как кто-то резонно заметил, очень трудно судить задним числом.

Даймонд не стал задавать других вопросов, предоставив заседанию идти своим путем. Это была территория «Шмеля», и он не собирался на нее вторгаться. В начале седьмого все закончилось.

— Приятного уик-энда, джентльмены, — сказал он, выходя из комнаты.

— Завтра не придешь? — спросил Рэй.

— Нет смысла. Мое дело почти закончено.

— Чем будешь заниматься?

— Приучать к лотку кота, если только жена не шутит.

Глава 11

В следующий понедельник, собираясь на вечернее собрание «Ищеек» в церковь Св. Михаила, Ширли-Энн постаралась подготовиться получше. Перед этим она основательно покопалась на полках местных букинистов и раздобыла редкий и сильно потрепанный сборник рассказов Стэнли Эллина, выпущенный издательством «Пингвин». Поскольку на прошлой неделе она пропустила свою очередь, теперь ее наверняка попросят порекомендовать какую-нибудь книгу, и рассказы Эллина казались ей самым подходящим выбором. Она обожала этого американского писателя, особенно его короткие произведения. А если кто-нибудь станет возражать, что рассказы не стоит принимать всерьез, она напомним об Эдгаре По, Конан Дойле и Честертоне, чьи новеллы, как известно, положили начало всей детективной литературе.

День сложился удачно, поскольку по пути с работы она купила почти новый фиолетовый джемпер всего за один фунт. Именно его она надела сегодня с черной вельветовой юбкой от «Уор-он-Уонт»*.

Вечер выдался холодным, но сухим. Как только она спустилась в крипту, на нее повеяло теплым воздухом хорошо протопленного помещения. Мисс Чилмарк — судя по всему, взявшая за правило приходить раньше всех, — заявила, что в комнате жарко как в печке и она хочет поговорить с домовладельцем. Дама с решительным видом прошествовала мимо Ширли-Энн, но, как оказалось, только для того, чтобы удалиться в гардероб. Жалобы на сильную жару никогда не находили сочувствия у Ширли-Энн. При ее худенькой фигуре — «субтильной», как мило говорил Берт, — ей вечно не хватало тепла.

Джессика тоже была на месте, одетая в строгое стильное платье в черно-серой гамме. Ее плечи с небрежной

* Благотворительная организация, устраивающая распродажи в пользу бедных.

элегантностью обвивал винного цвета шарф, скрепленный крупной серебряной застежкой.

— Я рада, что вы пришли, — заметила она с дружеской улыбкой. — С вами будет гораздо веселей.

Полли Уайчирли помахала ей пухлой ручкой с другого конца комнаты. Она уже заняла свое место в центре круга и что-то бодро вытаскивала из сумки, стараясь заглядить свое опоздание в прошлый понедельник.

— Кто отсутствует?

— Только Майло, — ответила Джессика.

— Руперт, — послышался чей-то голос. Стоявший в стороне Сид практически сливался с каменной стеной, словно хамелеон. У него была удивительная способность растворяться в окружающей среде. — Руперт всегда опаздывает. — Это была первая полная фраза от Сида, и к тому же произнесенная по его собственной инициативе. Очевидно, в отсутствии других мужчин он чувствовал себя более комфортно.

Дверь в дамскую комнату отворилась, и оттуда появилась мисс Чилмарк, окутанная облаком мускусных духов. Она больше не жаловалась на чрезмерную жару.

— Я намерена дать бой этому псу, — заявила она.

— Бои без правил? — пробормотала Джессика.

Мисс Чилмарк ее не услышала.

— Если он снова начнет безобразничать, я попрошу Руперта вывести собаку и надеюсь, что вы все меня поддержите.

Джессика покачала головой, показывая, что на нее можно не рассчитывать.

— Бедный пес просто отряхнулся. Он был совсем мокрым. Это совсем не то, что гадить на ковер.

— Попрошу без грубостей. Он меня всю обрызгал. Нам даже пришлось прервать собрание. Помните?

— Сегодня нет дождя, мисс Чилмарк.

— Это еще ничего не гарантирует.

Полли, словно пропустив мимо ушей всю эту пикировку насчет собаки Руперта, спокойно вставила:

— Майло обычно не опаздывает.

— Практически никогда, — подхватила мисс Чилмарк, не заметив, что ее отвлекли от темы. — Я и Майло придаем большое значение пунктуальности. Мы всегда приходим раньше всех.

— Возможно, он заболел, — предположила Полли, копаясь в своей сумочке. — В прошлый раз, когда Майло заболел и не мог прийти, он позвонил мне накануне вечером. У меня где-то есть его телефон. Я могу с ним связаться.

— Хорошая идея, — кивнула мисс Чилмарк. — А я пока начну собрание. Надо заняться делом, прежде чем придет эта псина и все испортит.

— Господи, о чем вы говорите, — вмешалась Джессика. — Не надо никому звонить. Сейчас только пять минут восьмого.

После того, как все заняли свои места, дискуссия продолжилась. В конце концов было решено, что Майло взрослый человек и не нуждается в том, чтобы за ним присматривали. Джессика бросила на Ширли-Энн благодарный взгляд, говоривший, что разум на этот раз восторжествовал, и буквально через минуту в комнате, рассыпаясь в извинениях, появился Майло. На Браснокер-хилл сломался грузовик, и он попал в пробку.

— Ну что, начнем? — спросила мисс Чилмарк, всем своим видом демонстрируя, что может прекрасно вести собрание.

— Пожалуй, — ответила Полли.

— Я сразу хочу сделать заявление, — продолжила мисс Чилмарк. — Не знаю, следит ли кто-нибудь из вас за делом о почтовой марке?

— О «Черном пенни»? — спросила Ширли-Энн. — Это произошло буквально на соседней улице. Увлекательно, правда?

— Я бы не стала употреблять это слово, — заметила мисс Чилмарк, — поскольку оно выставляет наш город не в самом лучшем свете, но, по сути дела, вы абсолютно

правы. Почему бы нам для разнообразия не обсудить настоящее преступление?

— Мы читатели, а не детективы, — возразила Полли, заподозрив ее в попытке переворота. — Мы обсуждаем книги, а не преступления.

— По-моему, мы только и делаем, что обсуждаем преступления, — заявила мисс Чилмарк. — Руперт вечно клеймит нас за незнание того, что творится на улицах. И теперь, когда в двух шагах от нас произошла реальная кража, мы могли бы выяснить, на что годятся наш интеллект и наш читательский опыт.

Джессика саркастически вставила:

— Хотите вызвать дух Вильгельма Баскервильского?

— Кто это? — рассеянно спросила Полли.

— Детектив из «Имени розы».

— Ах, да. — Полли недовольно покачала головой, сходясь на свою забывчивость.

Ширли-Энн хотела сказать, что выяснила дату публикации «Имени розы» — после того, как мисс Чилмарк резко осадила ее на прошлом заседании, — и оказалось, что это было в 1981 году, то есть на четыре года позже, чем появилась первая серия о брате Кадфаеле. Но сейчас было неподходящее время сводить счеты. Лучше она приберет это на потом.

— А по-моему, прекрасная идея. — Майло бросился на помощь мисс Чилмарк. Это был странный союз: пожилой гей и старая дева. Пара, не имевшая ничего общего, если не считать того, что оба приходили на собрания раньше всех. — Интересно, сможем ли мы пролить какой-то свет на кражу марки? Как вы считаете? — обратился он к остальным.

Никто не стал возражать, даже Полли, и Ширли-Энн взволнованно заговорила:

— Это был очень умный ход: переодеться мойщиком окон и забраться внутрь по приставной лестнице, как пишут в газетах.

Джессика возразила:

— И очень банальный. Меня больше волнует, зачем он это сделал.

— Или она, — вставила Ширли-Энн, не собираясь уступить.

— Или она. Это самая ценная марка в мире. Ее нельзя продать.

— Люди все время крадут знаменитые картины, — заметила мисс Чилмарк. — Наверно, на это есть какая-то причина.

— Я слышала теорию, что подобные кражи совершают коллекционеры-фанатики. Не для того, чтобы продать, а чтобы заполнить экспонат в свою коллекцию.

— Разве такие люди существуют? — спросила Ширли-Энн. — Я имею в виду, в реальной жизни.

— Конечно существуют. Каждый год из музеев пропадают десятки картин. Собиратели марок чаще всего люди одинокие. Легко представить какого-нибудь филателиста-отшельника с мозгами набекрень, склонившегося в тиши кабинета над драгоценной маркой.

— Или отшельницу, — подал реплику Сид, вызвав легкую оторопь, а потом улыбки.

— Вообще-то женщины редко занимаются коллекционированием, — отозвалась Джессика. — Это чисто мужская привычка.

— А как же туфли? — не согласилась Ширли-Энн.

— И шляпки, — поддержала Полли. — У меня целый шкафчик битком набит шляпками.

— Вряд ли марку украли коллекционер. Скорей всего, преступник потребует выкуп, — предположила Ширли-Энн. — Я бы так и сделала. У владельцев редкостей всегда полно денег. Я бы попросила пятьдесят тысяч.

— Но как бы вы их забрали? — спросил Майло, задумчиво поглаживая бороду, словно его всерьез увлекла эта идея. — Это всегда проблема.

— О, я не стала бы брать наличными, а попросила бы владельца перевести всю сумму на секретный счет в швейцарском банке.

— У вас есть счет в швейцарском банке? — без улыбки спросила Полли.

— Нет, но я уверена, что при депозите в пятьдесят тысяч любой банк примет меня с распростертыми объятиями. В крайнем случае, я смогла бы слетать в Цюрих и заполнить нужные анкеты.

— Сомневаюсь, что все так просто, — возразила Джессика.

— А вы можете придумать что-нибудь получше?

Мисс Чилмарк вмешалась в разговор:

— Уважаемая председательница, так мы ни к чему не придем. Предлагая эту тему, я имела в виду скорее решение загадок — если мы можем их так назвать, — которые предполагаемый преступник отправил на радиоканалы и в газеты. Может быть, поговорим об этом?

— Почему бы и нет, — кивнула Полли. — Вы помните текст?

— Я их захватила. — Мисс Чилмарк открыла сумочку из крокодиловой кожи и вынула две газетные вырезки.

— Первую обсуждать бессмысленно, — вставила Джессика. — С ней уже все ясно. Как там было... Джей-Эм-У-Ти...

— «Я окружен секьюрити. Виктория перечит мне, Но скоро я приду к тебе», — закончила мисс Чилмарк.

— Полиция все объяснила, — продолжила Джессика. — Им сообщили, что кто-то собирается украсть Тернера в галерее Виктории, и они удвоили охрану. Но это был отвлекающий маневр, а настоящей целью оказалась марка. Давайте разберем второй стишок. Он гораздо интересней. Можете прочесть?

Мисс Чилмарк произнесла вслух:

Виктория, важная старая дама, где ты?
Доколе тебе скитаться?
В запертой комнате можно найти
леди (подсказка — семнадцать).

— Вторую загадку составил тот же, кто и первую? — спросил Майло. — Это первое, с чем нужно разобраться.

— Они чем-то похожи, — заметила Ширли-Энн.

— В обоих текстах есть явное стилистическое сходство, — подтвердила мисс Чилмарк менторским тоном. — И то и другое — маленькие четверостишия с укороченными строчками.

— Да бросьте. Так может писать кто угодно, — покачала головой Джессика. — Стишки из букваря.

— И тем не менее, — стояла на своем мисс Чилмарк.

— Ну, может, вы и правы, — нехотя признала Джессика.

Мисс Чилмарк не терпелось показать, что она хорошо сделала свою домашнюю работу.

— Кроме того, здесь есть определенные аллюзии на другие тексты. «Важная старая дама» — намек на прозвище, данное премьер-министру Гладстону, «Важный старый дед», или сокращенно В.С.Д. Это известная аббревиатура.

— Герцога Йоркского тоже называли «Важный старый дед», — серьезно возразила Полли.

Очевидно, сегодня она была не в духе для шуточных замечаний.

Но мисс Чилмарк проигнорировала ее слова.

— Запертая дама, которую следует найти, напоминает о карточном фокусе с тем же названием. Наконец, само выражение «запертая комната» часто используется для описания типичной ситуации, характерной для классического детектива, о чем Майло говорил нам на прошлой неделе. Как видите, все это четверостишие полно намеков.

— И на что, по-вашему, оно намекает? — спросила Ширли-Энн.

Ответа на этот вопрос они так и не узнали, поскольку в тот самый момент дверь отворилась и в комнату ворвался Марлоу. Пес тут же бросился в круг «Ищеек», подскочил к мисс Чилмарк и в порыве собачьей симпа-

тии поставил лапы ей на грудь. Она откинулась так резко, что опрокинула стул. Руперт, появившийся на пороге следом за собакой, кинулся на помощь. Он подлетел к стулу и подхватил его раньше, чем тот успел рухнуть на пол. Катастрофу удалось предотвратить. Ничего страшного не произошло, если не считать того, что мисс Чилмарк продемонстрировала свои ноги намного выше, чем хотелось бы ей или ее соседям. На ней оказались толстые гетры. Словно извиняясь за устроенный переполох, Марлоу опустился на пол и лизнул ее в левое колено.

Это было уже слишком. Пес и так всю неделю не выходил из головы мисс Чилмарк, и теперь ее просто взорвало.

— Уберите его от меня! — заорала она срывающимся голосом. — Он меня укусит!

Видимо, Руперт не обучил Марлоу голосовым командам, потому что в ответ просто схватил его за ошейник и оттащил в другой конец комнаты. Пес недовольно рычал.

— Вы его расстроили. Он просто хотел проявить симпатию, — обратился Руперт к мисс Чилмарк.

Джессика неожиданно спросила:

— У кого-нибудь есть бумажный пакет?

— Зачем? — откликнулась Полли.

— У нее гипервентиляция.

— О господи!

Мисс Чилмарк быстро и судорожно хватала воздух ртом, постепенно наливаясь кровью. В ее глазах появился нездоровый блеск.

Сид сунул руку под стул и достал оттуда полиэтиленовый мешок. Покопавшись в нем, вытащил пакет из коричневой бумаги, в который был завернут потертый томик Джона Дикинсона Карра. Вынув книгу, он протянул пустой пакет Джессике, и та надела его на рот и нос мисс Чилмарк.

— Она задохнется, — встревожилась Полли.

— Нет, — спокойно ответила Джессика. — Это заставит ее дышать тем воздухом, который она выдыхает. Кислотно-щелочной баланс в ее крови восстановится, и ей станет легче. Руперт, уберите с глаз долой собаку, вы же знаете, что она ее бесит.

Руперт с необычной покладистостью повиновался ее приказу и повел Марлоу к выходу. Ни он, ни собака не издали ни звука.

Все зачарованно смотрели, как пакет раздувался и опадал на лице мисс Чилмарк, придавая ей сходство с гигантской тропической лягушкой. Вскоре ее дыхание замедлилось, и Джессика сказала ей несколько успокаивающих слов, заверив, что собаки в комнате больше нет. Пакет убрали и вернули Сиду. Полли предложила отвезти мисс Чилмарк домой. Та ответила слабым голосом:

— Если вы уверены, что собака больше не вернется, я бы предпочла остаться. У меня немного кружится голова.

Было решено, что мисс Чилмарк не помешает чашка кофе, и в заседании устроили перерыв.

Ширли-Энн восхитилась тем, как ловко Джессика справилась с гипервентиляцией.

— Пустяки. Моя тетка была заиклена на этой теме. Всегда таскала с собой бумажные пакеты.

— Думаете, мисс Чилмарк правильно сделала, что осталась?

Джессика улыбнулась:

— Теперь ее ни за что не выгонишь. Она выиграла битву, понимаете? Собака с позором изгнана. Мисс Чилмарк наслаждается триумфом.

Ширли-Энн показалось, что это замечание немного бессердечно, но она не могла отказать ему в пронизательности.

Руперт вернулся с мрачным видом.

— Я оставил Марлоу с одним парнем в «Голове сарацина», — объявил он во всеуслышание и холодно добавил: — Он где угодно приживется, если дать ему шанс.

Заседание возобновилось. Ширли-Энн предложила рассказать о новеллах Стенли Эллина, и все тепло приняли эту идею. Оказалось, что группа была лучше знакома с творчеством этого автора, чем она думала. Руперт и Джессика читали его знаменитое «Фирменное блюдо», а Полли, которую нельзя было недооценивать, сообщила, что на ее полках есть «Восьмой круг» и «Цитадель». К счастью, никто не читал «Метод Блессингтона».

— Что такое метод Блессингтона? — спросила Джессика.

— Это связано с сюжетом рассказа. Лучше я не буду говорить.

— Он длинный? Может, вы нам читаете? Времени волне достаточно. Мы часто читаем вслух, но обычно только короткие отрывки.

К счастью, Ширли-Энн нравилось читать вслух. В школе она два года подряд получала премию мисс Крэнвелл за чтение библейских текстов. Спустя некоторое время все «Ищейки» уже знали про ужасный метод Блессингтона, который практиковался в Обществе геронтологии.

— Вы прекрасно читаете, но рассказ не в моем вкусе, — заметила Полли, когда Ширли-Энн закончила. — У меня от него мурашки по коже.

Джессика вставила:

— У него все истории такие. В этом и смысл.

— Знаю, милая. Я читала его романы. Но тут совсем другое дело. Боюсь, скоро я сама стану для какого-то старой родственницей.

— Старики здесь ни при чем, — возразила Джессика. — Идею рассказа можно отнести к каждому, кто так или иначе чувствует себя неполноценным: к безработным, психически больным, людям с сексуальными отклонениями, расовым меньшинствам.

Руперт засиял от удовольствия:

— Неужели у меня нашлась союзница? Вы абсолютно правы. Долг писателя — тыкать носом благодушных обывателей во все мерзости, которые творятся в нашем обществе.

— Я этого не говорила.

Руперт широко улыбнулся:

— Зато я сказал это за вас, крошка.

Джессика вспыхнула и возмущенно ткнула в него пальцем.

— Я вам не крошка — и не смейте меня учить, старый пень! Я не нуждаюсь в том, чтобы за меня кто-то говорил. Я сама могу сказать все, что считаю нужным.

Руперт повернулся к Майло:

— Нет, вы только послушайте!

Требовалось срочно разрядить обстановку. Майло посмотрел на Полли.

— Кажется, теперь моя очередь представлять прочитанную книгу? Я захватил «Человека-призрака».

— Хорошая идея, — одобрила Полли.

— А потом мы все вместе споем «Боже, спаси детей», — предложил Руперт.

— С какой стати? — нахмурилась Полли.

— Почему бы нет? Раз уж вы хотите превратить наш кружок в воскресную школу, давайте будем петь церковные гимны.

— Не надо меня учить, — возразила Полли, позаимствовав эту фразу у Джессики.

— Избави бог, мадам, не то меня выгонят за дверь, как мою бедную собаку. Я не хочу провести остаток вечера в «Голове сарацина».

Полли спрятала улыбку:

— Можете начинать, Майло. Мы уже достаточно наслушались Руперта.

Майло сделал глубокий вздох, словно приготовившись к длинной речи. Улыбки на лицах слушателей погасли. Он начал:

— Убийство происходит в запертой комнате. Когда ее открывают, внутри нет никого, кроме жертвы. Роман-загадка в наилучшем виде. Никто не вложил в этот жанр больше блеска и ума, чем Диксон Карр.

Ширли-Энн заметила, что Сид одобрительно кивнул, и вспомнила, что он был одним из трех «Ищеек», читавших «Человека-призрака». Его глаза неотрывно смотрели на Майло, руки мяли на коленях кепку. Никогда раньше она не видела его таким возбужденным.

Майло продолжал:

— Некоторые из вас критикуют классические детективы, обвиняя их в нереалистичности. Помнится, на прошлом заседании кто-то назвал их «надуманными».

— Это была я. Могу сказать то же самое сегодня, — подала голос Джессика.

— Не стоит. Так вот, в «Человеке-призраке» Джон Диксон Карр дерзко утверждает, что «невероятно» еще не значит «невозможно». В детективном жанре нет ничего невозможного. Напротив, как раз в этом и заключается соль криминального сюжета — в том числе в тех книгах, которые нравятся вам. Нас всех неудержимо тянет к невероятному. Кто будет это отрицать? Грязные улицы Руперта и женщины-детективы Джессики никогда не увлекут нас так, как преступление, совершенное в причудливых и странных обстоятельствах. А самый лучший и самый чистый образец преступления, бросающего вызов нашим представлениям о вероятном, — это тайна запертой комнаты.

У Руперта вырвалось:

— Что за чушь!

Майло взглянул на него с вызовом:

— Вы, конечно, хотите возразить, что в реальной жизни убийств в запертой комнате не бывает. Ничего подобного. Еще до того, как на свет появился «Человек-призрак», в Нью-Йорке в китайской прачечной за запертой дверью был найден убитый работник. Бывали и другие случаи. Впрочем, я не хочу уходить в сторону. Возможно, вас не убедят мои слова, но слова Диксона Карра — другое дело.

Он помахал в воздухе «Человеком-призраком», словно проповедник, толкующий библейские изречения, и Шир-

ли-Энн невольно вспомнила замечание Руперта о воскресной школе.

— Глава семнадцать называется «Лекция о запертой комнате». Разумеется, дорогие «Ищейки», я предпочел бы прочесть эту главу совсем в другой обстановке, больше подходящей для романов Диксона Карра: в уютной комнате, после дружеского ужина, с теплым светом настольной лампы, с бокалом хорошего вина или чашкой кофе и с густыми хлопьями снега, мелькающими за окном. Но и крипта в старой церкви тоже подойдет.

Подготовив своих слушателей должным образом, Майло раскрыл книгу и полистал страницы в поисках нужной главы. Найдя требуемое место, он вдруг остановился и нахмурил брови.

— Странно, — пробормотал он. — Не помню, чтобы я использовал его вместо закладки. — Он вынул заложенный между страницами конверт и поднес к глазам.

Наступило молчание. Конверт выглядел очень старым — плотная бумага пожелтела от времени, а адрес, написанный выцветшими чернилами, был едва различим. В правом верхнем углу темнела почтовая марка с головой королевы Виктории на черном фоне и мелкой надписью внизу: «Один пенни». Поперек марки стоял штамп «оплачено». А чуть правее и ниже красовался почтовый штемпель:

БАТ
2 МАЯ
1840

Глава 12

— Это невозможно, — произнес Майло, густо налившись кровью. Он растерянно смотрел на конверт, лежавший поперек книги. — Невозможно!

Сидевшая рядом мисс Чилмарк зажала рот ладонью и отшатнулась от Майло, словно тот был прокаженным. Похоже, ей грозил новый приступ гипервентиляции.

Джессика, сидевшая с другой стороны, внимательно рассмотрела конверт, подняла брови и окинула взглядом всех собравшихся.

— Что это? — спросила Полли. — Что вы нам принесли, Майло?

Руперт привстал с места, чтобы заглянуть за плечо Джессики, и воскликнул:

— Вот это да! Какой поворот!

— Кто-нибудь, скажите мне, — раздраженно потребовала Полли.

— Сдается мне, что это тот самый «Черный пенни», — ответил Руперт. — Майло, дружище, я вас поздравляю. Никогда бы не подумал, что сию бок о бок с самым разыскиваемым человеком в Бате.

— Но я ее не крал, — выпалил Майло. — Я не вор!

— Не бойтесь, вы среди друзей, — продолжал Руперт, словно не слыша его слов. — По правде говоря, мы все вами втайне восхищаемся. Какая блестящая работа! Нет, не надо ничего говорить. Просто захлопните книгу, и мы сделаем вид, что ничего не случилось.

У Майло тряслись руки. Он резко схватил книгу, и конверт с маркой полетел на пол.

— Осторожней! — воскликнула Джессика. — Она стоит целое состояние.

— Но я ее не брал, — настаивал Майло. — Я не понимаю, что все это значит.

— С нами вы можете быть откровенным, — заверила его Джессика. — Руперт прав. Если вы пообещаете ее вернуть, мы будем на вашей стороне и никому ничего не скажем. Мы умеем хранить секреты. Это честное предложение, правда? — обратилась она к собравшимся.

— Да не брал я марку! — завопил Майло. — Я вообще в первый раз вижу этот конверт. Честное слово.

— Тогда как он попал в вашу книгу? — спросила Ширли-Энн.

— Понятия не имею.

— Никто из нас не мог засунуть его между страниц, — заявила Полли, но потом неуверенно добавила: — Разве нет?

— Она все время лежала у меня на коленях, — покачал головой Майло. — Я никого из вас не обвиняю, но кто-то подкинул мне конверт, и я не знаю как.

— Был момент, когда в комнату влетел Марлоу и напугал мисс Чилмарк, — напомнила Ширли-Энн. — Возможно, в возникшей суматохе...

— Нет, — перебил ее Майло, — я крепко держал книгу. И не вставал с места. Скорее, это случилось раньше, чем я сюда пришел, но не представляю как. Наверно, кто-то залез на мою яхту. Господи, это какой-то кошмар.

Ширли-Энн вспомнила, что Майло жил на яхте на берегу канала.

— К вам кто-нибудь недавно приходил? — спросила она. — Может быть, этот человек оставался один в комнате?

— Никого не было уже несколько недель.

— Вы запираете яхту, когда уходите?

— Конечно. У меня огромный амбарный замок. А ключ всегда со мной. — Он достал из кармана связку. — Вот, видите? Я купил его в «Фокстоне». Там гарантируют, что у них нет двух одинаковых замков, которые можно отпереть одним ключом. И в западной Англии больше никто таких не продает. — Он тяжело вздохнул. — Что мне теперь делать?

— Идите в полицию, — посоветовала Полли.

— И что я им скажу? Они мне не поверят.

Все промолчали, хотя было ясно, что Майло прав. К тому же его экстравагантный образ жизни вряд ли понравится полиции.

Ширли-Энн предложила:

— Может, просто отослать конверт обратно в Почтовый музей?

— Именно это мы с Рупертом и предлагали, — заметила Джессика. — Проблема в том, что его уже видели шесть человек. Майло придется положиться на то, что

никто из нас не проболтается. А так ли уж мы твердо уверены, что не обмолвимся никому хоть словом? Вот тогда у него будут крупные проблемы.

Полли вмешалась:

— Я ни за что не соглашусь с тем, что мы должны молчать. Майло обязан отнести конверт в полицию.

— Согласна, — одобрительно кивнула мисс Чилмарк. — Нельзя скрывать правду. А вы как думаете? — обратилась она к Ширли-Энн.

— Пусть решает Майло. Если он не хочет неприятностей, я готова держать язык за зубами.

— А вы? — Мисс Чилмарк повернулась к Сиду.

Тот сидел, сгорбив плечи и глядя в пол. Он ответил, не поднимая глаз:

— Я согласен молчать.

— Вот и отлично, — подытожил Руперт. — Ну что ж, Майло, дружище, как видите, мнения разделились. Четверо готовы держать рот на замке, а двое хотят сдать вас копам.

— Ничего подобного, — запротестовала Полли. — Майло сказал, что он тут ни при чем, и я склонна ему верить. Ему нечего бояться. Чем скорее он расскажет обо всем полиции, тем быстрее они поймут настоящего вора.

— Абсолютно верно, — поддакнула мисс Чилмарк.

Майло кивнул:

— Разумеется, вы правы. Я пойду сейчас же.

— Хотите, кто-нибудь пойдет с вами? — предложила Полли. — Каждый может подтвердить ваш рассказ. Мы целиком и полностью на вашей стороне, Майло.

Майло поблагодарил и ответил, что лучше пойдет один, вложил драгоценный конверт между страниц и плотно закрыл книжку.

— Удивительно, что он лежал как раз на той главе, которую я хотел читать.

— С лекцией о запертой комнате? — спросила Джессика.

— Да.

— А вы отметили ее закладкой?

— Нет. Я и без того знал, что это глава семнадцать.

— Но вы открывали книгу на этом месте?

— Да, несколько раз. Наверно, когда вор открыл книгу, она сама распахнулась на нужной странице. Одного не понимаю — почему я? Зачем он сделал это именно со мной?

Никто не ответил. Если кто-то из присутствующих и знал ответ или имел какие-то соображения на этот счет, он оставил их при себе. Полли предложила закрыть заседание досрочно — было всего без четверти девять, — на что все молча согласились. Майло надел меховую шапку и пальто и первым вышел из комнаты.

Глава 13

Ширли-Энн не терпелось рассказать Берту о том, что произошло на собрании. Вернувшись домой на Рассел-стрит, она немедленно посвятила его во все подробности. Берта трудно было чем-то удивить — он представлял собой современное воплощение того каменного хладнокровия, которое английские лучники проявили в битве при Азенкуре. Весьма похвальное качество, если ты не француз и не идешь навстречу врагу, так сказать, с поднятыми пиками и развернутыми флагами. Он выслушал ее в полном молчании, а когда она закончила, только слегка поднял брови. Единственным его комментарием было:

— Полагаю, теперь к нам явится полиция.

Берт обладал удивительной способностью пробуждать в ней беспокойство. Ширли-Энн живо представила себе двух грузных офицеров в форме, рассеявшихся посреди ее гостиной. Она только что вышла с кухни, где готовила ужин, и на ней огромный уродливый передник, в котором она выглядит, как бесформенный мешок, перетянутый веревками. Бесполезно объяснять, что ее собственный передник в стирке, а этот она позаимствовала у Берта, — глупый приз, выигранный на вечеринке в регби-клубе. Полисмены подозрительно оглядывают полки, битком

набитые криминальными историями, и, наконец, находят завалившийся среди географических атласов и книг по искусству старый альбом для марок, подаренный ей в детстве. «Что, интересуетесь филателией?»

Ширли-Энн так разволновалась, что ей даже расхотелось спать. Она знала, что, пока Берт не закончит свой ужин, новых комментариев ждать не стоит. Он всегда любил плотно поесть перед сном, а потом выпить бокал красного вина: сегодня на столе был пирог с почками и большой стейк от «Маркс-энд-Спенсер», разогретый в микроволновке. В фитнес-центре он весь день сидел на сухофруктах, яблочном соке и мюсли. Этого требовала его диета. Он был прекрасно развит для спортсмена, с сильным мускулистым телом. Ширли-Энн иногда шутила, что из него мог бы выйти второй Шварценеггер. Он регулярно бегал по утрам, и работа помогала ему держаться в хорошей форме, заставляя сжигать много калорий.

Ширли-Энн хотелось получить совет от Берта. У него был исключительно ясный и здравый взгляд на вещи. Она подождала, пока он опустошит тарелку и съест банан.

— Берт.

— М-м-м?

— Ты действительно думаешь, что полиция захочет меня допросить?

— Это очевидно. Ты свидетель. А может, и подозреваемый.

— Да ладно тебе. Я тут ни при чем.

— Но они этого не знают. Если... как там зовут того парня, гея?

— Майло.

— Если Майло не сможет объяснить, откуда у него взялась марка, естественно, возникнут вопросы.

Ширли-Энн стала нервно накручивать на палец прядь волос.

— Наверно, ты прав.

— Не понимаю, зачем ты вообще связалась с этой компанией.

— Из-за тебя.

Он нахмурился:

— Из-за меня?

— Ты с утра до ночи пропадаешь в своем центре. А я все вечера сижу одна дома. Помнишь, ты однажды принес брошюрку «Чем заняться в Бате»? Там я про них и прочитала.

— И что ты теперь намерена делать?

Берт всегда был настроен позитивно и практично. Прекрасные качества в мужчине, хотя иногда довольно утомительные.

— Имеешь в виду — если они станут задавать вопросы?

— «Если» тут неуместно.

— Скажу им правду, а что еще? Я не хочу, чтобы у Майло было больше неприятностей: ему и так несладко.

— По-моему, ты не должна отсиживаться. Почему бы тебе самой не пойти в полицию и не рассказать им обо всем раньше, чем они придут к тебе?

Берт любил действовать прямо и решительно — вот почему ему так подходила его работа в центре. Он называл ее «спортивным менеджментом», хотя Ширли-Энн подозревала, что ему просто больше нравилось показывать упражнения клиентам, чем торчать за офисным столом.

— Это плохая идея, — покачала головой Ширли-Энн. — Я не хочу подставлять Майло. Честно говоря, я даже не уверена, что он сам пошел в полицию. Он сказал, что собирается, но кто знает.

— Подставлять? — повторил Берт. — Ты выражаешься, как уголовница.

— Хватит, Берт. Я сказала, что не пойду, и точка.

Берт немного смягчился. Он даже предложил ей дольку апельсина. На его лице появилось выражение вселенской мудрости, которое он часто практиковал, тренируя новичков и показывая им, как правильно держать теннисную ракетку.

— Признайся хотя бы, что это довольно странная компания. Как там зовут того типа с собакой — Руперт?

— Тип — подходящее для него словцо. Руперт одевается словно актер, изображающий француза. Или лучше сказать — сильно потрепанного француза. Черный берет, джинсы и джерси в полоску. И еще этот жуткий породистый акцент. Я тебе о нем уже рассказывала?

— Вроде да, — ответил Берт.

— Когда его слушаешь, кажется, что он сама деликатность, но стоит ему где-то появиться, как начинается бедлам. Из-за него «Ищек» выгнали из отеля «Фрэнсис».

— Почему?

— Я не знаю деталей. Вообще, он может ляпнуть такое, что хоть уши зажимай, а голос у него — дай бог всякому. Боюсь, он сам не понимает, как это действует на других.

— Тогда держись от него подальше. А женщины? Они более приличные?

— Есть, например, Полли Уайчирли. Она наш председатель. Маленькая блондинка с приклеенной улыбкой — знаешь, такие бывают на благотворительных базарах у продавцов сладостей. Она основала эту группу и неплохо ею управляет. Думаю, это очень важно для ее самооценки.

— С ней можно иметь дело?

— Пожалуй, да, хотя Джессика — та, что управляет галереей, — считает, что ей нельзя доверять.

— Интересно, почему?

— Не знаю, но они друг друга недолжбливают. Полли была недовольна, когда я на прошлой неделе согласилась посидеть с Джессикой в кафе «Луна и шесть пенсов». А Джессика не особенно обрадовалась, узнав, что я встречалась с Полли в «Ле Паризьен». За этим что-то стоит. Но они мне обе нравятся — каждая по-своему. Джессика — умная и яркая. С ней интересно.

— Но у вас есть и третья женщина?

Ширли-Энн улыбнулась:

— Мисс Чилмарк не любит, когда ее называют «женщиной». Леди, вот она кто. «Чилмарки жили в западных графствах более семисот лет». Она не выносит Руперта.

И Полли. Да и всех остальных тоже, кроме Майло. Он хочет быть председателем.

— А ты что думаешь? — спросил Берт. — По-твоему, Майло украл марку?

— Меня бы это очень удивило. Я всегда считала его интеллигентным человеком.

— Но это не какое-то заурядное преступление, — заметил Берт. — Все было обставлено с большим умом. Вспомни тот стишок про Викторию на радио и в газетах.

Она кивнула.

— Да, это был чертовски ловкий блеф. Все на него клюнули, даже полиция.

— Значит, ты согласна, что это дело провернул человек с мозгами?

Она кивнула:

— Не кража, а искусство. Просто блеск. Его стишок всех обманул. Тем глупее было показывать конверт сегодня вечером — если Майло действительно преступник.

— Может, это еще один ход в его комбинации.

Ширли-Энн широко раскрыла глаза. Берт как никто разбирался в закулисных играх и интригах. В спортивном менеджменте всегда много желающих занять твое место.

— И что, по-твоему, он задумал?

Она наклонилась к нему через стол, поставив подбородок на поднятый кверху большой палец. Ее губы были слегка приоткрыты. Она надеялась, что он скажет: «Да плевать на этого Майло», — и нагнется ей навстречу.

Вместо этого Берт спросил:

— Он разбирается в марках?

Ее подбородок перебрался на открытую ладонь, что выглядело уже не так соблазнительно.

— Понятия не имею. Никто не говорил на эту тему. По-моему, если он на чем-то и помешан, то скорее на Шерлоке Холмсе.

Ее бойфренд задумчиво провел пальцем по ободку бокала.

— Думаешь, он воображает себя Холмсом?

Ширли-Энн хмыкнула:

— Почему бы и нет. Он даже носит такую же шляпу с двумя козырьками. Но я не вижу, при чем тут кража почтовой марки. Холмс раскрывал преступления, а не совершал.

Берт пояснил свою мысль:

— Он мог бы блеснуть своими дедуктивными способностями, притворившись, что нашел марку в стиле Холмса.

— Но он этого не сделал, верно? Она оказалась между страниц его книги.

— Просто глупая ошибка, которая доказывает, что он вовсе не Шерлок Холмс, — ответил Берт. — Он мог спрятать конверт в книге, а потом забыть, что собирается читать ее на вечере.

Она задумалась:

— Очень может быть. И что он собирался сделать с маркой?

— Он сделал бы вид, что нашел марку там, где никто не думал ее искать, и получил бы свои пятнадцать минут славы в роли нового Холмса, который переиграл полицию. И вреда от этой выходки не было бы никакого, поскольку марка в целостности и сохранности вернулась бы в музей.

— Ловко придумано. Надеюсь, что так оно и есть, — заметила она. — Мне бы не хотелось думать, что Майло вор.

— Я не говорил, что это не так, — возразил Берт другим тоном. — Воры не всегда ходят в надвинутых на нос кепках и носят сумки с надписью «украдено».

— Ха-ха.

— Он мог бы потребовать выкуп. «Пятьдесят тысяч, или я ее сожгу!»

— Ради бога, он же бывший чиновник.

— Может, ему всю жизнь хотелось сделать что-нибудь экстравагантное.

— Глупости!

Берт нахмурил брови:

— Если тебе не интересно мое мнение, зачем спрашивать?

Она его задела. Берт всегда болезненно воспринимал любые намеки на то, что ему не хватает ума, хотя это было очень далеко от истины. Наверно, на работе в центре ему часто приходилось получать обидные шпильки от клиентов, которые считали его просто тупым качком в спортивной форме.

Они убрали со стола и потом еще час смотрели телевизор, но наутро Ширли-Энн не могла вспомнить, что показывали на экране.

Глава 14

Было уже за полночь, но Питер Даймонд все еще сидел у телевизора, пересматривая старый фильм. Стефани ушла после первой рекламы.

— Где уж мне тягаться с Грейс Келли, — сказала она. — Смотри, если хочешь. А я устала.

Ее забавляло, что котенок сидел на подлокотнике его кресла и бросался на пальцы Питера каждый раз, когда тот шевелил рукой. У малыша еще не было имени. Муж высказал странную идею, что котенок каким-то образом сам поставит их в известность, как его назвать. Она с удовольствием предоставила пушистому проказнику завоевывать сердце Питера. В первый вечер, пережив легкий шок при виде кошачьего туалета, ее грозный супруг, ее тиран с Манверс-стрит, почти всю ночь просидел рядом с котенком на тот случай, если тот расхнычется. Большой добряк.

Потом зазвонил телефон.

Она читала в постели, когда он зашел в спальню и протянул ей котенка.

— Мне надо идти, малышка. Звонил Уигфул.

Стефани подняла брови.

— Не знала, что он твой босс. Что ему нужно в такое время?

- Он нашел труп.
 - Что, собственной персоной?
 - Так он говорит. Убийство — моя специализация.
 - Где это случилось?
 - На яхте на канале.
 - В Бате?
 - В Лимпли-Стоук. В гавани рядом с акведуком. Я должен идти.
 - На улице очень холодно. Там настоящий мороз.
 - Я буду осторожен на дороге, — пообещал он.
 - Речь не об этом. Я околею одна в постели.
- Он улыбнулся:
- Ты как раз согреешь ее к тому времени, как я вернусь.
 - Спасибо, буду ждать с нетерпением. Ты приедешь холодный, как ноги Финнегана в день его похорон.

Днем с Браснокер-Хилл открывался захватывающий вид на долину Лимпли-Стоук. Ночью спуск с Клавертон-Даун выглядел еще более эффектно: путник словно погружался в огромную черную бездну с горсткой тусклых огней. Даймонд всегда вел здесь машину осторожно — не важно, был мороз или нет. Возле паба «Виадук» он свернул направо, выбрался на шоссе А36 и съехал с него на первом же перекрестке.

Въезд на верфи Дандэс представлял собой неровную площадку недалеко от Брэдфорд-роуд. Ворота были открыты, внутри стояло несколько машин, покрытых инеем. Он пару раз подпрыгнул на ухабах и остановился рядом с патрульным автомобилем. Вокруг никого. В дальнем конце стоянки торчал какой-то знак. Даймонд пошарил в бардачке и достал фонарик. На знаке было написано: «Вашу машину могут ограбить».

Идти можно было только в одну сторону — вверх по склону мимо каких-то неказистых зданий, при ближайшем рассмотрении оказавшихся офисами судостроительной компании. Они стояли вдоль притока старого

Сомерсетского угольного канала, который теперь использовался для швартовки. Свет фонаря выхватил из темноты чугунный мостик, а за ним — несколько моторных лодок и других речных судов.

Даймонд направился по дорожке вдоль воды и вскоре обнаружил, что причалов гораздо больше, чем ему казалось раньше, и они расположены по обоим берегам канала. Здесь было пять или шесть десятков речных яхт. Он скользнул по бортам лучом света — на носах замелькали названия судов, выведенные яркими буквами: «Генриетта», «Бритва Оккама», «Шарлин». Похоже, их поставили на зимнюю стоянку: двери были заперты, занавески опущены, все, что можно, убрано с палуб. Ограбить могут не только машину, но и яхту.

Впереди послышались голоса. Ударивший из темноты луч света ослепил его. У воды стояла группа людей: Джон Уигфул, два полисмена и бородатый мужчина в шляпе с двумя козырьками. Рядом покачивалась красная яхта с надписью «Миссис Хадсон». На палубе виднелись горшки с какими-то хвойными растениями, а над крышей торчала телевизионная антенна — красноречивое свидетельство того, что здесь кто-то жил. Горел свет, но разглядеть что-то внутри было невозможно: на окнах висели спущенные жалюзи.

— Это мистер Моцион, — представил Уигфул, кивнув на бородатого мужчину. — Он владелец судна.

— Отличная яхта. — Даймонд повернулся к Моциону. — А внутри, говорите, тело?

Уигфул вставил:

— Мы нашли его вместе.

— *Вы* нашли?

Даймонд мог бы добавить, что Уигфулу полагалось сбиваться с ног в поисках марки, а не гулять по пристаням, но он ограничился тем, что подчеркнул слово «вы».

— Питер, давай все сначала, ладно? Нам все равно надо дождаться оперативников, так что пока я объясню, что произошло. Сегодня вечером мистер Моцион пришел

в участок на Манверс-стрит и сообщил, что пропавшая марка находится у него.

— Значит, вы их нашли. — Даймонд внимательней взглянул на мистера Моциона, но рассмотреть в темноте человека, не включив фонарик и не посветив ему в лицо, было довольно трудно. — И марку, и тело?

Уигфул продолжал:

— Марка лежала в книге. Он не знает, как она туда попала. Книгу он взял с собой, чтобы прочесть отрывок на одном собрании. Есть такой клуб, «Ищейки», члены которого собираются по понедельникам...

— Минутку. Какой клуб?

— «Ищейки».

— Мы являемся группой по интересам — нам нравится детективная литература, — вмешался Моцион.

В его тоне слышалось легкое раздражение: очевидно, ему уже не раз приходилось давать эти объяснения.

Уигфул кивнул:

— Они приносят на собрания книги и читают. Когда мистер Моцион раскрыл принесенный им роман, внутри его оказался конверт — это термин из области филателии, я имею в виду конверт с «Черным пенни». Он лежал между страниц как раз в том месте, которое мистер Моцион собирался прочитать. Я правильно изложил факты, мистер Моцион?

— Да, — устало ответил Моцион.

— Он открыл книгу и обнаружил конверт в присутствии шести других свидетелей. Поняв, что это такое, он немедленно отправился в полицию. Это было сегодня вечером, без пяти девять. Мне позвонили, я приехал и допрашивал его начиная с половины десятого.

— То есть почти три часа, — заметил Моцион.

— Сэр, у нас пропал не какой-нибудь волнистый попугайчик, — в голосе Уигфула тоже звучало раздражение. — Это самая дорогая марка в мире. — Он повернулся к Даймонду: — Мистер Моцион уверен, что ни на секунду не выпускал из руку свою книгу с тех пор, как вышел из дома.

— Неужели? — спросил Даймонд.

Моцион кивнул:

— Я вижу на вас плащ, сэра. На встрече вы тоже сидели в плаще?

— Конечно нет, — ответил Моцион.

— То есть, вы его сняли, но все-таки продолжали держать в руках книгу? Это возможно, но довольно затруднительно.

— Хотите меня подловить? В какой-то момент я положил книгу на стул, но она все равно была при мне.

— Просто хочу убедиться, что мы не должны принимать все, что вы говорите, за абсолютную истину. Продолжай, Джон.

Уигфул буркнул:

— Мы уже много раз обсуждали эту тему.

— Отлично, значит, и про плащ ты тоже спрашивал.

— Я убедился, что никто в клубе не мог подложить конверт в книгу, — ответил Уигфул, уклонившись от вопроса о плаще. — Очевидно, кавер оказался в книге еще до того, как он отправился на встречу, а это значит, что кто-то проник на его яхту, нашел роман и спрятал конверт между страниц. Мистер Моцион утверждает, что яхта всегда заперта. Он закрывает ее на замок с уникальным ключом.

— Уникальным? Большинство замков продаются с двумя ключами, — возразил Даймонд. Самоуверенность Уигфула всегда пробуждала в нем педанта.

— Вначале их действительно было два, — подтвердил Моцион. — Но год назад один упал в канал. У меня остался только второй.

— Кто-нибудь мог купить замок с таким же ключом?

— Нет. По крайней мере, в Англии. Это немецкая модель. Сложный замок, и очень дорогой. Я купил его в магазине на Джордж-стрит. Взгляните сами.

Даймонд осветил фонариком на стальной замок, снятый с двери и перекинутый через железную скобу над входом. При закрытой двери скоба цеплялась за ме-

таллическую планку, приваренную к раздвижному люку в крыше. Конструкция была прочной и надежной. Он не стал ничего трогать до приезда опергруппы. Замок действительно выглядел солидно.

— Вы всегда его запираете?

— Да, кроме тех случаев, когда я нахожусь на борту. Тогда я могу закрыться изнутри.

— И вы это делаете?

— Что?

— Запираетесь изнутри?

— Разумеется. Дома я хочу чувствовать себя в полной безопасности. Как и вы, полагаю, — речь Моциона текла свободно и непринужденно. Он держался с уверенным видом человека, привыкшего говорить много и легко.

Уигфул снова вступил в разговор:

— Само собой, допросив мистера Моциона, я решил отправиться с ним сюда, чтобы проверить его показания. Замок висел на своем месте и был закрыт. Но войдя внутрь, мы увидели тело, лежавшее на полу каюты.

— Появившееся словно ниоткуда?

— Что?

— Прямо как по волшебству?

Уигфул поджал губы:

— Я не вижу в этом ничего смешного.

— И ты понятия не имеешь, как оно могло туда попасть?

— А ты имеешь? Мистер Моцион клянется, что, когда он уходил, в лодке никого не было.

— Как насчет двери в носовой части каюты?

— Там глухо, — буркнул Уигфул.

— Заперта изнутри, — объяснил Моцион.

— А окна? — Даймонд посветил на яхту сбоку и увидел пять маленьких отверстий-окошек. Забраться через них внутрь было невозможно. — Понятно. Есть какие-то другие входы? Люки?

— Есть люк машинного отсека, но он не ведет в каюту.

— Нам нужны ваши объяснения, сэр.

— Мои? — переспросил Моцион. — Я понятия не имею, что тут произошло.

— Забавно, — пробормотал Уигфул. — Марка лежала в той главе книги, которая называлась «Лекция о запертой комнате».

— И что тут забавного? — спросил Даймонд.

— По крайней мере, это странное совпадение. У нас тут как раз запертая комната. Непонятно, как тело попало в каюту, если она была закрыта.

— Сейчас меня больше интересует само тело. Полиция уже знает, кто убит?

— Он лежал лицом вниз.

— Значит, это мужчина?

— Я его бегло осмотрел, чтобы убедиться, что он мертв. Рядом с головой была кровь. Пульса нет. Не знаю, может, можно как-то заглянуть сквозь эти жалюзи...

Уигфул прильнул к ближайшему окну, но планки жалюзи были плотно сдвинуты.

— У вас есть предположения, кто это может быть, сэр? — спросил Даймонд у Моциона.

— Ни малейших. Мне даже не позволили зайти внутрь. Я только открыл дверь, включил свет, увидел на полу тело, воскликнул «О боже!» или что-то в этом роде, а потом этот джентльмен вошел в каюту. Это все, что я могу сказать.

Разговор прервал шум приближавшихся машин. На дороге появились две пары пляшущих фар, быстро двигавшихся в сторону берега. Это были «Лэндроверы» оперативников. Выскочив из автомобилей, они почти мгновенно облачились в белые комбинезоны и перекрыли въезд ограничительной лентой, несмотря на то, что место было абсолютно безлюдно.

— Если вы откроете жалюзи, мы сможем наблюдать за местом преступления, не мешая вам, — предложил Даймонд, но прошло еще двадцать минут, прежде чем его просьба была выполнена. У оперативников хватало своих дел, и они думали только о работе.

Наконец старший опергруппы сообщил:

— Жертва — белый мужчина, лет сорока пяти. На нем светло-коричневый плащ, синий спортивный пиджак, черные брюки, белая рубашка и черный галстук. Единственное повреждение на теле — рана на голове.

— А орудие убийства?

— Неизвестно. На месте его нет.

Даймонд повернулся к Майло Моциону:

— Узнаете кого-нибудь по этому описанию?

— Нет.

— Вы живете один?

— Разве я этого не говорил?

— Мне — нет. — Даймонд помолчал. — Я должен спросить, сэр. У вас есть компаньон?

— Нет, — в голосе Майло прозвучала оскорбленная нотка.

— Сейчас поднимут жалюзи. Вы сможете посмотреть на жертву и сказать, узнаете ли вы его.

— Но он лежит лицом вниз.

— По его одежде и фигуре. Мы не можем передвигать тело, пока его не осмотрит доктор.

Моцион наклонился поближе к окну:

— Он похож на... но нет, это невозможно.

— На кого, сэр?

— На человека по имени Сид. Он тоже член клуба «Ищеек». У него похожий плащ. Но это не может быть Сид. Он весь вечер просидел на нашей встрече. И потом, что ему делать на моей яхте?

Глава 15

На следующее утро Даймонд собрал свой «убойный отряд» в комнате для совещаний на Манверс-стрит. То, что половина его сотрудников теперь работала в команде «Шмеля», не имело значения: явиться приказали всем. Убийство затмило все остальные преступления в городе. Впрочем, найденная марка все-таки порадо-

вала «шмелей». Но Даймонд быстро спустил их с небес на землю:

— Вижу, многим тут сегодня весело, а вот я почти всю ночь провел без сна. Если кто-то знает, что такого веселого произошло за это время, я буду рад послушать.

Молодой инспектор, недавно переведенный из Рэдстока, поспешил рассказать ему про марку.

— Вы думаете, что это хорошая новость? — спросил Даймонд.

— По-моему, хорошая, сэр.

— Ну да, хорошая. Не считая того, что мы по-прежнему не знаем, кто ее украл. И что мы ничего не сделали, чтобы ее найти. Парень просто принес ее нам на блюдечке. Выставил нас дураками. И что тут, скажите на милость, хорошего?

— Это плохая новость, — смиренно согласился инспектор.

— Снова мимо, умник. Это не плохая новость. Плохая новость в том, что вчера ночью убили человека. И что между убийством и кражей марки прослеживается связь. — Он обратился ко всем сидевшим в комнате: — Жертва — сорокашестилетний ночной сторож по имени Сид Тауэрс. В последний раз его видели живым в центре Бата вчера вечером в восемь сорок пять. Тело обнаружили мистер Уигфул и тот человек, который принес марку, — Майло Моцион. Усекли? Майло Моцион. Время — около часа ночи. Место — речная яхта в Дандасе, через дорогу от паба «Виадук». Жертву ударили по голове тяжелым предметом вроде гаечного ключа. Орудие убийства не нашли. Водолазы уже обследуют дно на тот случай, если преступник бросил его в воду, но я в этом сомневаюсь. Убийца — умный парень, не стоит его недооценивать. Майло Моцион, который живет на яхте, примерно без четверти семь запер дверь и отправился на встречу в Бат, а когда вернулся назад с мистером Уигфулом, замок был еще на месте.

— При том, что жертва лежала внутри каюты, — вставил Уигфул.

— А теперь я расскажу вам про «Ищеек». Хватит улыбаться, Кайт. Я сообщаю ключевые факты. Майло Моцион является членом клуба — или литературного общества, как он его называет, — под названием «Ищейки». Каждый понедельник они встречаются в крипте храма Святого Михаила — той большой церкви рядом с «Подиумом» — и обсуждают детективные романы.

Он умолк, увидев, что кто-то шепчется с соседом:

— Может быть, заткнетесь и будете слушать дальше? Сид Тауэрс, жертва, тоже был членом клуба и присутствовал на вчерашнем заседании. Там случилась странная вещь. Майло Моцион, владелец яхты, вызвался прочитать главу из книги, которую принес с собой. Эта книга находилась в его библиотеке. Глава была посвящена «тайне запертой комнаты», одному из детективных жанров, у которого, насколько я понимаю, имеется много поклонников. Он открыл книгу на нужном месте и, вообразите себе, там оказался конверт с «Черным пенни», вложенный между страниц вместо закладки. Все были в шоке, включая мистера Моциона. Встреча закончилась рано, и Моцион отправился напрямик в полицию, где из него весь вечер вытягивали информацию. Как говорится, это был не его день: помимо украденной марки ему подбросили еще и труп. Он утверждает, что катер весь день был заперт и что только у него есть ключ от замка. И тем не менее, когда он вошел в каюту, там лежало тело. Можем ли мы обвинить Моциона в убийстве? Ага, размечтались. У него алиби покрепче, чем у римского папы. Как я уже сказал, в восемь сорок пять Тауэрс был еще жив. Без пяти девять Моцион обратился к дежурному сержанту в нашем участке. Он не мог добраться до яхты и обратно за десять минут. А все остальное время он провел с Донном Уигфулом. Короче, у нас не что иное, как тайна запертой каюты.

Кто-то из команды Уигфула заметил:

— Он мог кого-нибудь нанять.

— Кто, Моцион?

— Разве нет?

— Чтобы совершить убийство на своей собственной яхте? — спросил Даймонд с удивлением в голосе.

— Вы сами сказали, что преступник очень умен. Возможно, он сделал это нарочно, чтобы нас запутать.

— Сильно сомневаюсь, но готов послушать, если вы хотите развить эту гипотезу.

Развития не последовало. Джули Харгривз нарушила повисшую паузу:

— Может быть, сначала поговорим о марке?

Она долго работала с Даймондом, и ее не смущали приступы его дурного настроения.

Джон Уигфул подал голос:

— Я как раз хотел сказать то же самое.

— Может, тогда возьмешь слово? — предложил Даймонд. Он произнес это спокойным тоном и, возможно, совершенно искренне. А может быть, и нет.

Уигфул не ответил.

— Это ведь твое детище, — напомнил Даймонд.

Но Уигфул только молча ерзал на стуле. Детище-то было его, но, похоже, он совсем не гордился своим отпрыском.

Джули снова разрядила напряжение:

— Сэр, для начала мы должны определиться с тем, какую роль в этом деле играет Майло Моцион. Я думаю, его просто использовали. Человек, ограбивший музей, не только провернул это с большим умом, но и пошел на определенный риск, опубликовав свои стишки. Сомневаюсь, что после этого он просто так отдал бы марку. Это выглядело бы жалко и нелепо.

— Продолжайте.

— Вопрос в том, так это или нет? — Джули не любила, когда ее торопили. — Я хотела бы услышать другие мнения.

Даймонд повернулся к Уигфулу:

— Джон?

— Звучит разумно, — нехотя признал Уигфул. — Я долго общался с Моционом и не думаю, что он годится

на роль вора. Хотя человек он умный, это безусловно. Я бы даже сказал — эксцентричный. Одиночка.

— Если хочешь сказать «гомосексуалист», — пробормотал Даймонд, — так и говори.

— Мне это неизвестно, — парировал Уигфул. — Я не спрашивал о его сексуальной ориентации. Она не имеет отношения к делу. Если ты спросишь, что я об этом думаю, я отвечу, что да, по-моему, он гей, но это мое субъективное мнение.

— Да ладно, что там, — вставил Халлиуэлл. — Ясно, что он голубой.

— И что навело тебя на эту мысль? — спросил Даймонд. — Цвет его рубашки?

Но Уигфул не дал сбить себя с толку:

— Короче, я не думаю, что у Моциона хватило бы духу совершить это ограбление, тем более — пойти на такой блеф.

— Ты уверен, что у него нет партнера? — уточнил Даймонд.

— Он живет один, если ты об этом. Я уже сказал — он одиночка. Насчет вашего вопроса, Джули: да, я считаю, что его подставили. Надо искать другого человека.

Джули кивнула.

— В таком случае, мы должны найти мотивы. Зачем красть марку и возвращать ее обратно? Еще вчера мы думали, что он потребует выкупа.

Кайт Халлиуэлл заметил:

— Марка была только пешкой в более масштабной игре.

— Ты связываешь ее с убийством? — спросила Джули.

— Разумеется. Игроки часто жертвуют пешкой, чтобы добиться выгодной позиции.

— Какой позиции? — спросил Даймонд.

— Такой, что Моцион отправится в полицию и его будут допрашивать несколько часов. А яхта останется без присмотра. Вполне хватит времени, чтобы убить Тауэрса и скрыться.

— Вот только мы не знаем, как он попал в запертую каюту и что там делал Тауэрс.

— Тайна запертой комнаты, — пробормотал кто-то из команды Уигфула. — Разве не странно, что «Ищейки» обсуждали эту тему, а потом мы сами получили точно такую же загадку?

— Точнее, две загадки, — вмешался Даймонд. Настроение у него стало более позитивным. — Украденная марка и убийство на яхте. Возможно, Кайт прав, и марка была только тактическим маневром в большой игре. Надо быть начеку. Поскольку все началось с марки, давайте обсудим сначала ее. Майло Моцион не может объяснить, как «Черный пенни» попал в его книгу, — кстати, это был «Человек-призрак» Джона Диксона Карра, если это имя что-то говорит кучке наших оболтусов, не читающих ничего, кроме «Сан». Он хранил ее на полке в своей каюте вместе с другими книгами. В последнюю неделю к нему никто не приходил. Вечером, отправившись на встречу «Ищеек», он снял книгу с полки и с тех пор не выпускал ее из виду. Это он заявляет абсолютно твердо. Что нам остается? Очевидно, когда он взял роман с полки, марка уже была там. Мы с Джоном осмотрели яхту. Она не очень велика. Около шестидесяти пяти футов в длину. Моцион говорит, что всегда запирается изнутри, когда сидит дома, и закрывает замок снаружи, если куда-нибудь уходит. Каюта — практически идеальная «запертая комната». Никаких тебе люков и только крошечные окна, в которые невозможно влезть. Есть две двери — спереди и сзади. Одна все время закрыта изнутри. На ней мощные засовы внизу и наверху. Мы их видели. Вторая заперта снаружи тяжелым амбарным замком, от которого имеется только один ключ — в кармане мистера Моциона.

Кайт Халлиуэлл предположил:

— А вор не мог вывинтить крепежные детали?

— Ты имеешь в виду скобку и задвижку? — спросил Даймонд. — Хорошая мысль. Нам она тоже пришла в го-

лову. Винты заржавели, и нет никаких следов, что их кто-то недавно трогал. Ни одной царапины.

— А петли? — попытал счастья кто-то другой.

— Снаружи они недоступны, и на них тоже никаких следов.

Халлиуэлл пробормотал:

— У замка может быть второй ключ, что бы там ни говорил мистер Моцион.

— Мы проверили у экспертов. Это невозможно. Производитель замков подчеркивает, что каждый из них абсолютно уникален. Ключей действительно было два, но второй Моцион уронил в воду год назад. Трудно поверить, что в это время мимо случайно проходил какой-то бандит, который выудил из воды ключ и потом использовал его, чтобы попасть в каюту.

Но Халлиуэлл не собирался сдаваться:

— Тогда он мог где-нибудь оставить ключ, а преступник снял с него отпечаток и сделал дубликат.

— Мог, — согласился Даймонд. — Но не оставил. Моцион настаивает, что ключ всегда лежал в кармане его брюк.

— Мало ли на чем он настаивает. Мы точно можем ему верить?

— Думаю, да.

— Должно же быть какое-то объяснение.

— Возможно, вам будет интересно, что говорит по этому поводу Джон Диксон Карр. — Даймонд сунул руку в пиджак и эффектным жестом достал карманное издание «Человека-призрака». — Глава семнадцать называется «Лекция о запертой комнате» — именно ее Майло Моцион собирался читать «Ищейкам». В этой главе среди прочего автор замечает, что решение тайны запертой комнаты всегда разочаровывает.

— Все выглядит просто, когда это объяснишь, — пробормотал Уигфул.

— Что?

— Цитата из рассказа о Шерлоке Холмсе.

— Это Джон Диксон Карр, а не Конан Дойл, — настаивательно заметил Даймонд. — Так вот, в своей лекции автор рассказывает о большинстве приемов, которые используют писатели в жанре «запертой комнаты». Я не стану утомлять вас перечислением всего, что там написано. Он отбрасывает тайные ходы, передвижные панели и тому подобные фокусы как не заслуживающие внимания. Немногим больше ему нравятся убийства, совершенные преступником без проникновения в комнату: например, с помощью газов, механических устройств и тому подобных штучек. То же самое относится к самоубийствам, после которых оружие извлекается через дымоход на конце резиновой подвязки.

Подвязка с оружием вызвала смешки.

— Как вариант, его вытаскивают через окно. Далее следуют ледяные пули, которые после убийства тают, не оставляя никаких следов. Также упомянем змей, маскировки, имитации и трюки со временем. Самый интересный для нас раздел — манипуляции с дверными замками. Диксон Карр делит их на три категории. Во-первых, убийца может прибегнуть к металлу или бечевке, чтобы повернуть торчащий в замке ключ с другой стороны двери. Но это не наш случай. Во-вторых, как тут уже говорилось, он может снять дверь с петель: опять же, в данном случае этого не произошло. В третьих, он отодвигает в сторону засов, применив ту же бечевку или металл. Мы помним, что одна из наших дверей была заперта изнутри на засов. Однако засовы теперь не настолько примитивны, как в 1935-м, когда Диксон Карр писал эту книгу. На яхте стоит врезной замок, металлические штыри уходят глубоко в косяк и при этом невидимы снаружи. Попробуйте отпереть такую штуковину с помощью бечевки, железного крючка или еще каких-нибудь приспособлений. Если убийца не Майло Моцион — а я уже объяснил, почему это не так, — значит, он каким-то образом открыл навесной замок.

— Но это невозможно, — вмешался Уигфул. — Это сложное устройство с одним-единственным ключом, который всегда находился у мистера Моциона.

— Вы уверены, что, когда вы поднялись на яхту с мистером Моционом, замок был заперт? — спросила Джули Харгривз.

Уигфул кивнул:

— Я внимательно за ним следил. И все время светил ему фонариком. Я видел, как он вытащил ключ и вставил его в замочную скважину. Когда он повернул ключ, послышался щелчок, и железная скоба отскочила вверх. У меня нет ни малейших сомнений, что он действительно открыл замок.

— А как насчет времени убийства? — спросил Фред Бейкер, один из ветеранов в отделе Даймонда.

— Ты знаешь, как в таких случаях выражаются патологоанатомы, — ответил Даймонд. — Врач сказал — цитирую его слова, — что «внешние симптомы предположительно указывают на наступление смерти в течение четырех часов до обнаружения тела». А мы и так знаем, что за четыре часа до этого бедняга еще был жив.

— Причина смерти?

— Не спеши, Фрэд. У нас еще нет заключения судмедэкспертов. Ясно, что его стукнули по голове чем-то тяжелым, но если я сейчас скажу, что он умер от повреждения мозга, потом окажется, что он подавился рыбной косточкой.

Наступила короткая пауза, и Кайт Халлиуэлл спросил:

— Что мы знаем о жертве? У него были какие-то проблемы с Моционом?

— Похоже, нет. Моцион утверждает, что они прекрасно ладили. По его словам, Тауэрс был интровертом, очень застенчивым. Он почти не участвовал в дискуссиях «Ищеек». Даже в глаза избегал смотреть, если его не вынуждали прямо. Он работал ночным сторожем на мебельном складе. В понедельник у него был выходной.

— Семья есть?

— Нет. Он жил один в квартире на верхнем этаже на Оук-стрит, в самом конце Лоуэр-Бристоль-роуд, под железнодорожным мостом.

— Он водил машину?

— Хороший вопрос. Как он добрался до яхты? У него была старая «Шкода». И да, ее нашли на стоянке рядом с гаванью. Очевидно, Сид Тауэрс приехал туда на машине после того, как закончилось собрание «Ищеек». На пассажирском сиденье мы нашли пакет с книгой — кого бы вы думали? — Джона Диксона Карра.

— «Человек-призрак»?

— Нет. «Три гроба». Я ее еще не читал.

— Надеюсь, у вас найдется на это время, сэр, — не удержался от улыбки Бэйкер.

— Найдется, если кое-кто начнет работать, а не ковыряться в заднице. Первым делом мы должны выяснить, что произошло вчера вечером на заседании «Ищеек». Кроме Моциона у нас есть пять свидетелей: четыре женщины и один мужчина. Позже я назову вам их имена. Я хочу, чтобы вы допросили их сегодня утром — раньше, чем новость об убийстве просочится в прессу. Беседуя со свидетелями, будьте очень осторожны. Говорите, что расследуете дело о «Черном пенни», и больше ничего. Они знают, что стали участниками очень необычного события. Нет ничего удивительного, что полиция хочет получить их показания, поэтому постарайтесь поподробнее расспросить о том моменте, когда Моцион открыл книгу. Заодно выясните полную картину всего, что происходило в тот вечер: кто с кем говорил, не было ли каких-то ссор, которые позже могли привести к насилию. Разузнайте, не общался ли Сид Тауэрс с кем-то перед тем, как отправиться в гавань, и что он при этом говорил. Я уверен, что это убийство связано с «Ищейками», поэтому меня интересует все, что касается этих людей: какие у них привычки, чем они занимаются, как относятся друг к другу, что едят на завтрак и почему не спят по ночам. — Он повернулся к Уигфулу: — Джон, я ничего не забыл?

Уигфул откашлялся.

— Я хочу напомнить, что мы по-прежнему расследуем кражу марки, — произнес он раздраженно. — Это не только предлог для того, чтобы раскрыть убийство. Мы имеем дело с серьезным преступлением, которое может быть связано или не связано со смертью Тауэрса. Будьте внимательны. Не упускайте ни одной детали, касающейся обнаружения «Черного пенни» и того, что произошло потом.

— Все поняли? — спросил Даймонд. — «Черный пенни» — забота Уигфула, а убийство Тауэрса — моя. Если кто-то напортачит, будет отвечать передо мной. А теперь Джули Харгривз распределит группы.

Даймонд не возражал, чтобы допросами свидетелей занялись другие. В его нынешнем настроении это было только к лучшему. Он же решил прогуляться до Черчилль-бридж и дальше по Лоуэр-Бристоль-роуд до Оук-стрит, где находилась квартира Сиды Тауэрса. Даймонд попросил Джули пойти вместе с ним. По дороге он поблагодарил ее за участие в брифинге.

— Похоже, я слишком на всех насел, даже по своим меркам, — заметил он. — А вот вы повернули разговор в нужное русло. Даже не знаю, что на меня нашло. Наверно, не выспался.

— Сегодня вы были не на высоте, — откровенно признала Джули.

— Что, смахивал на людоеда?

— Можно говорить начистоту?

— Разумеется.

— Вы вели себя безобразно.

— Неужели все так плохо?

— С какой стати вы набросились на новичка? Он всего лишь пытался ответить на ваш вопрос. Откуда ему знать, что все должны сидеть и помалкивать, пока вы не дадите слово.

— Зато он усвоит это на будущее.

— И потом, все в курсе, что у вас сложные отношения с Уигфулом, но зачем было унижать его перед собственной командой? Они и так знают, какой он, без ваших указаний.

— У нас не институт благородных девиц.

— Очень жаль. Там бы вас научили хорошим манерам.

Он рассмеялся:

— Возможно, вы правы, Джули. Моя жена была старшиной у девочек-скаутов, она отлично со мной справляется.

Джули улыбнулась и добавила:

— Раз уж я зашла так далеко, добавлю вот что. Вы бы получали больше отдачи от людей, если бы не пытались на них так давить. Они избегают проявлять инициативу.

— Хотите сказать, что они меня боятся? — с искренним удивлением спросил Даймонд.

— Вы даже не представляете, каким порой бываете тираном.

Даймонд уставился на полоску серой воды под мостом.

— Скажу вам правду, Джули: никто из них не испытывает большего страха, чем я сам. Я два года не был в деле. Многих вообще не знаю. Для меня каждый брифинг — минное поле. Я могу давать инструкции. Могу допрашивать свидетелей. Но поставьте меня перед толпой людей, которые сидят и смотрят, как я справлюсь с ролью вожака стаи, и у меня начинается легкая паника.

— Сегодня утром я этого не заметила.

Они вышли на шоссе, и их голоса заглушил рев машин, мчавшихся мимо огромных заводов и складов вдоль Лоуэр-Бристоль-роуд, где теперь располагались крупные строительные компании. Даймонд хорошо знал этот район еще с тех времен, когда жил в Уэллсвэе. Когда у него ломалась машина или просто была хорошая погода, он ходил по этой дороге в город, спускаясь по ступенькам с Уэллс-роуд и проходя под железнодорожным мостом, где по ночам собирались бомжи и алкоголики. Его забавляла мысль, что в свое время здесь располагался полицейский

участок. А еще раньше под опорами виадука помещался морг, куда свозили трупы со всего Эйвона.

Большая часть Лоуэр-Бристоль-роуд представляла собой неприглядное зрелище, которое любой уважающий себя градостроитель предпочел бы немедленно стереть с лица земли, однако гигантские заводские здания с грузовыми лифтами, низко нависавшими над улицей и едва оставлявшими пространство для проезда грузовиков, придавали ей определенную величественность. Это был старейший промышленный район Бата — из тех, что еще сохранились, — и его радовало, что его громоздкие сооружения по-прежнему использовались, хотя заводские причалы вдоль реки давно опустели.

Справа дом Байера — высокое здание из красного кирпича, выглядевшее более нарядно благодаря арочным окнам и отделке из батского камня. Даймонд решил привнести в разговор юмористическую нотку и спросил:

— Спорю, никогда не догадаетесь, что здесь находилось раньше?

Джули бросила взгляд на дом:

— Какой-нибудь производственный комплекс?

— Вроде того.

— Трубопроводы?

— Скорее каркасы.

— То есть?

— Корсеты. Чарльз Байер был корсетным королем. Нашим прабабушкам было за что его благодарить.

— Сомневаюсь, — покачала головой Джули. — По-моему, все они ужасно мучились.

— Возможно, зато он придумал одну вещь, без которой не может обойтись ни одна женщина.

— Какую?

— Английскую булавку.

Прямо напротив дома Байера начиналась улица, где жил Сид Тауэрс. Вероятно, раньше здесь обитали работники корсетной фабрики. Расположенная под виа-

дуком — она буквально проходила под одной из его арок, — Оук-стрит прилегала почти вплотную к главной транспортной артерии города и была явно не самым удачным выбором места жительства.

Дома стояли только с одной стороны улицы — другую половину занимал торговец железным ломом, разместивший свой бизнес между арок виадука. Днем и ночью тишину разрывал скрежет металла. Некоторые дома совсем обезлюдели. Один или два смотрелись довольно прилично, но большинство имели неприглядный вид. Это были небольшие двухэтажные здания из местного известняка, почерневшие сверху от угольной пыли. Несмотря на маленькие размеры, некоторые из них превратили в многоквартирные дома.

Чтобы отыскать квартиру Сида, им пришлось пройти под одной из арок и обогнуть компанию детишек, бросавших палку дворовой псине.

— Мне дали этот номер, — пробормотал Даймонд, указав на кнопку одного из пронумерованных звонков.

— У вас есть ключ? — спросила Джули.

Даймонд достал из кармана ключ и открыл входную дверь.

— Похоже, он жил наверху.

В доме пахло кошками. Когда они вошли, чей-то серый силуэт — возможно, как раз виновника этой вони — метнулся в дальний конец коридора и исчез среди рулонов с линолеумом. Наверх уводила голая лестница, заляпанная розовой краской. Зато квартира Тауэrsa, куда они вошли через верхнюю дверь, выглядела безупречно чистой, словно военный плац перед парадом. Узкий коридор с красным ковриком вел к четырем дверям. За первой оказалась спальня — небольшое помещение, содержащееся в идеальном порядке, с аккуратно убранной одеждой и по-солдатски заправленным одеялом. На дешевой и практичной мебели не было ни одной пылинки.

— В таких местах у меня сразу начинается депрессия, — хмуро заметил Даймонд. — Ни фотографий, ни

картин на стенах. Чем жил этот человек? Не квартира, а гостиничный номер. — Он открыл дверь и взглянул на вешалки с мужскими пиджаками и чистые рубашки, сложенные и собранные стопками, точно в магазине.

— Такое впечатление, что он знал, что умрет, — пробормотала Джули.

Даймонд покачал головой:

— Смотришь на это, и кажется, что жизнь остановилась.

— Когда жизнь хорошо организована, она выглядит проще. Он просто убрал из нее все лишнее.

— В любом случае, тут нет ничего интересного.

Они заглянули на кухню и обнаружили там все ту же аскетическую чистоту. Немногочисленная снедь в холодильнике была строго распределена по полкам. В углу стояли электроплита и микроволновая печь, обе без единого пятнышка.

— Он просто маньяк какой-то, — пробурчал Даймонд.

Гостиная выглядела более многообещающе. Вдоль одной из стен от пола до потолка тянулись полки, на которых стояли ряды книг; большинство из них были не обернуты, на некоторых надеты прозрачные обложки — видимо, их взяли в библиотеке. Даймонда заинтересовал письменный стол. Он выдвинул верхний ящик и с удовлетворением увидел кучку мелких вещей, рассованных по внутренним ячейкам: чековую книжку, пачку квитанций, счета за свет, блокнот, адресную книгу, несколько конвертов и полдюжины почтовых марок.

— Он был без ума от Джона Диксона Карра, — заметила Джули, оглядывая полки. — У него книг сорок, не меньше. И еще другого автора, с похожим именем Картер Диксон. Интересно, они как-то связаны?

— А это важно? — отозвался Даймонд, листая адресную книгу. В ней было полно белых страниц. Ни друзей, ни родственников, которым можно позвонить.

Джули взяла с полки томик Картера Диксона:

— «Читатель предупрежден». Хорошее название. — Она раскрыла книгу. — Опубликовано в 1939-м, до вой-

ны. Кажется, Диксон Карр тоже писал в это время? Когда вышел «Человек-призрак»?

— Очень давно. В тридцатых.

— Как по-вашему, насколько ценны эти книги? Может, он был коллекционером?

— Думаете, мотивом для убийства послужило какое-нибудь редкое издание? Что ж, это идея.

Джули пролистала еще пару книг.

— На одной стоит штампель: «Списанный экземпляр. Публичная библиотека Уорминстера». Другая куплена за семьдесят пять пенсов. Не думаю, что серьезный коллекционер поставил бы это на полку. Он покупал их для чтения.

— По крайней мере, хоть какая-то информация, — хмыкнул Даймонд.

— Я была права, — сообщила Джули, открыв следующую книгу. — Послушайте, это предисловие. «Карр был настолько плодовит, что отправлял свои романы еще одному издательству под псевдонимом Картер Диксон».

Но мысли Даймонда были заняты другим.

— Судя по его любви к порядку, он служил в армии. А может, учился в интернате. Или сидел в тюрьме. Возможно, на него есть досье. Надо будет поискать.

— Его не взяли бы ночным сторожем, будь у него судимость.

— Он мог им не сказать.

— Разве они не наводят справки?

— Да, но он поступал не в МИ-5. Это всего лишь мебельный склад.

— На кого он работал? — спросила Джули.

Даймонд взял стопку квитанций.

— На наших старых друзей — «Неуязвимых».

Глава 16

Ширли-Энн закончила завтрак в одиночестве, густо намазав на тост слой орехового масла: это была ее тайная страсть. Работу она начинала в десять и заканчивала

в четыре. Не слишком обременительный график, но условия труда оставляли желать лучшего: ей поручали раздавать буклеты у входа в аббатство. В теплые летние дни это было довольно сносно. Часть обязанностей заключалась в том, чтобы усиливать действие рекламы, расхваливая преимущества автобусного тура. Общаться с незнакомцами она любила. Большинство туристов вели себя дружелюбно, независимо от того, покупали туры или нет. Но в плохую погоду работа прекращалась, и заработок тоже: ей платили по часам. Хуже всего было в дождливые и ветреные дни, а для западной Англии это — обычное явление. Иногда приходилось часами ждать, пока появится миссис Баттл, ее начальница, и разрешит уйти домой. Скоро сезон вообще закончится. В конце месяца ей придется вернуться в магазин и снова раскладывать товар на полках — если будут вакансии.

Берт часто призывал ее найти постоянную работу. Она отвечала, что хочет дождаться, пока он откроет свой фитнес-центр, — разговоры об этом шли чуть ли не с их первой встречи. Тогда она наденет белый костюм и будет принимать посетителей за стойкой. Берт давно мечтал заключить сделку с каким-нибудь фешенебельным отелем и устроить в нем спортивный клуб с самым современным оборудованием, плавательным бассейном, парными, саунами и лежаками. Главная проблема была в финансировании. Банк наотрез отказывался давать им ссуду.

В это утро Ширли-Энн вышла из дома раньше обычного, и очень кстати: когда она повернула на Рассел-стрит, в конце улицы показалась полицейская машина. То, что полиция приехала по ее душу, подтвердилось позже, когда она встретила Полли Уайчирли. Проницательная Полли, зная, где ее искать, подошла к ней во дворике аббатства и спросила, не могла бы она на минутку отвлечься от работы. По ее встревоженному голосу было ясно, что отказываться нельзя. Они вышли через Черч-стрит на Лиллупут-Курт и направились к «Батской булке», небольшой закусочной возле Эбби-Грин.

Это было тихое и уютное заведение, расположенное в уединенном дворике вдалеке от шумных улиц. Ширли-Энн часто спасалась здесь от повседневной суеты. Розовые стены с зеркалами и желто-бурые ковры в звездах и зигзагах были не в ее вкусе, но в помещении не хватало дневного света, потому хозяева и старались как-то оживить интерьер.

В закускойной в этот час не было ни души, и они заняли столик в углу, единственный, где имелись мягкие кресла. Слева от Ширли-Энн на стене висела репродукция «Венеры» Веласкеса: нагая богиня возлежала спиной к зрителю и с удовлетворением разглядывала себя в зеркале. Берт как-то сострил, что это самые лучшие «булки» в заведении. Вряд ли такая шутка понравилась бы Полли. Сегодня ее маленький рот совсем сжался и стал похож на затянувшуюся рану.

— Вы слышали про Сида?

Ширли-Энн не слышала. Когда ей рассказали, она была глубоко потрясена. Новость сообщили в одиннадцать по местному радио.

— Дело обстоит еще хуже, — добавила Полли. — Его нашли на яхте Майло.

— Майло?

— Вчера вечером после нашей встречи.

— Господи, Полли!

— Но Майло не имеет к этому никакого отношения, — заметила Полли. — В это время он был в участке и рассказывал полиции о пропавшей марке. — Она нашарила в сумочке платок и высморкалась. Руки у нее дрожали.

— Сид убит? — прошептала Ширли-Энн. — Не могу в это поверить. Он был такой... безобидный. Кому он мог помешать?

— Я поражена не меньше вашего, — ответила Полли. — Полиция ничего не говорит. Они к вам не приходили?

— Нет.

Ширли-Энн не стала говорить, что видела их машину у собственного дома. Полли продолжала:

— А ко мне пришли сегодня в девять. Наверно, они обо всем знали и раньше, но не хотели говорить. Его убили накануне ночью. Я сперва подумала, что дело в «Черном пенни», но, похоже, нет. — Ее розовое лицо пошло красными пятнами.

— Можно вас спросить? — обратилась к ней Ширли-Энн. — Что они хотели знать?

— Все, что я могла им рассказать о вчерашнем вечере и об «Ищейках». И, пока я говорила, они ни словом не намекнули мне, что он убит. — Полли теребила пуговицу на плаще. — С их стороны это было некрасиво. Знай я, что произошло, не стала бы говорить многих вещей.

— Каких?

— Например, что он был ужасным тихоней и его никто не замечал. И еще я сказала, что он был как дохлая рыба. Они подумают, что я старая ведьма.

— Уверена, вас никто ни в чем не обвинит, — попыталась успокоить ее Ширли-Энн.

— Почему я? Почему они пришли именно ко мне?

— Наверно, потому что вы председатель. — Ширли-Энн откинулась в кресле, и разговор прервался, пока они делали заказ. Когда официантка вернулась на кухню, она добавила: — Что он делал на яхте Майло? Они были друзьями?

Полли сдвинула брови:

— Насколько я знаю, нет.

— Была же у него какая-то причина. Как он вообще нашел яхту?

— Это как раз понятно. Мы собирались у Майло на Рождество. Сид тоже был там. Яхта называется «Миссис Хадсон». Кажется, я вам об этом уже говорила?

Бесцветные глаза Полли уставились на Ширли-Энн.

— Да-да, я помню. — Она спокойно выдержала взгляд Полли.

Помолчав, та добавила:

— Сид знал, что Майло не будет на яхте. Мы все слышали, что он немедленно отправится в полицию и что ему предстоит долгий допрос.

— Думаете, у Сида было что-то на уме?

— Скорей всего, иначе зачем ему отправляться туда в такое время? Но главное, что он пришел туда не один. Человек, убивший Сида, тоже был на борту.

Ширли-Энн почувствовала, как по ее спине бегут мурашки.

— О том, что Майло собирается пойти в полицию, знали только мы. А это значит, что Сид убил кто-то из «Ищеек». — Полли скрестила руки на груди. Ее губы беззвучно шевельнулись, словно она не могла больше вымолвить ни слова.

Глава 17

К середине дня информация о «лодочном убийстве», как его окрестили на Манверс-стрит, стала поступать в полицию так быстро, что два оператора не успевали набивать ее на компьютере. Детективы, отправившиеся допрашивать «Ищеек», начали присылать свои отчеты, сотрудники опергруппы предоставили полученные сведения, а судмедэксперты определились с датой вскрытия.

— Жаль, — заметил Даймонд, когда ему протянули листок с последним сообщением. — Меня бы устроило любое время, кроме завтрашнего утра. Джули, поедете вместо меня? Кто-то из нас должен присутствовать.

Это прозвучало как вопрос, но Джули Харгривз поняла, что речь идет о приказе, и не стала спрашивать, в чем дело. Глава «убойного отдела» никогда не признался бы в том, что может упасть в обморок при виде анатомического скальпеля, хотя все в участке это знали. На протяжении многих лет он придумывал всевозможные причины, лишь бы не присутствовать на вскрытии.

Даймонд быстро сменил тему:

— Вы проверили досье на Сида Тауэрса? Есть какие-нибудь сведения?

— Никаких, если это его подлинное имя.

— Жаль. Что он вообще делал на этой яхте? Зачем его туда понесло?

Джули не знала, что ответить. Вместо этого она сообщила:

— Я говорила с его работодателями. Его босс из «Неуязвимых» сказал, что Сид был одним из самых надежных сотрудников.

— Он работал ночным сторожем?

— Теперь так уже не говорят.

Даймонд закатил глаза:

— Ладно, посвяти меня в современный жаргон. Как мне его называть? Временным специалистом по наблюдению за частной собственностью?

Она рассмеялась:

— В любом случае, он охранял мебельный склад.

— Люди, которым нечего терять, порой решаются на отчаянные шаги.

Джули продолжала невозмутимо излагать собранные факты.

— Он работал на «Неуязвимых» четыре года. Ему нравилось дежурить одному, что вполне устраивало компанию, поскольку большинство охранников предпочитают работать в команде, тем более по ночам.

— Одиночка.

— Абсолютный, если верить начальнику кадров, но это никак не мешало его работе. Аккуратный, добросовестный, собранный, всегда начеку.

— Такой бы и нам пригодился. — Даймонд задумался, усваивая полученную информацию. — «Неуязвимые» — это крупная организация, верно? Охрана, защита, безопасность. Я видел на улице их грузовички.

— Они сотрудничают с банками и строительными обществами, — заметила Джули. — Сид также работал на инкассаторских машинах. Кроме того, компания устанавливает сигнализации.

Даймонд прервал разговор, увидев Джона Уигфула.

— Какие новости, Джон? Кажется, ты что-то накопал, или я ошибаюсь?

— Я тут подумал... — начал Уигфул.

— Как жаль, что я не могу себе это позволить. О чем?

— О той загадке. Второй стишок. Мне кажется, я его наполовину разгадал.

— Какую половину? Минутку, Джон. — Он махнул рукой группе сотрудников, что-то шумно обсуждавших за столом. — Вы можете немного помолчать? Старший инспектор Уигфул хочет кое-что сказать.

— Я имею в виду две последние строчки, — пояснил Уигфул. — «В запертой комнате можно найти Леди (подсказка — семнадцать)».

— И что?

— Мне пришло в голову, что «семнадцать» — это номер главы из книги, которую собирался читать Моцион. Джон Диксон Карр, «Лекция о тайне запертой комнате», глава семнадцать. Если леди — королева Виктория, то в шараде говорится, что мы должны искать ее в запертой комнате под номером семнадцать. Именно там и оказался «Черный пенни».

— Ты думаешь? — Даймонда, казалось, не слишком впечатлил этот образец дедукции.

— По-моему, это вполне логично, — уверенно ответил Уигфул.

— Абсолютно логично, — согласился Даймонд. — Хотя немного поздно, верно? Мы уже ничего не можем сделать. Этот умник, стащивший марку, вовсе не собирался нам ничего подсказывать. Откуда мы могли знать, что марка окажется в семнадцатой главе какой-то случайной книги, написанной шестьдесят лет назад? У нас не было ни одного шанса. Как и предыдущее четверостишие, оно стало понятным только после того, как все уже произошло. А что насчет первых двух строчек? Как они звучат?

Джули помнила их наизусть:

Виктория, важная старая дама, где ты?
Доколе тебе скитаться?

Уигфул, немного уязвленный, возразил:

— Но тут все ясно, разве нет? Проблема была в последних строчках.

— Выходит, ты знаешь, кто такая «старая важная дама»?

— Виктория, конечно.

— Не могу с тобой согласиться, старина, — покачал головой Даймонд. — По-моему, речь идет о мистере Майло Моционе.

Уигфул поморгал, потом воскликнул:

— Этот парень гей! Возможно, ты прав.

— Надо быть таким грубым мужланом, как я, чтобы смекнуть, в чем дело, — добавил Даймонд.

Уигфул кивнул:

— Верно.

— Но что нам это дает? — продолжал Даймонд. — Мы можем сказать только одно: марка нашлась не случайно. Все шло по плану. «Черный пенни» оказался именно там, где предполагал преступник. А Майло Моциона просто использовали.

Джули возразила:

— Кроме того, вору было известно, что Майло возьмет книгу на встречу «Ищеек» и раскроет ее на главе семнадцать.

— В точку! — воскликнул Уигфул. — Это сильно сужает круг подозреваемых. Можно пересчитать по пальцам одной руки.

— Скорее, двух, — вставил Даймонд. — А может, придется использовать и ноги.

— Но я говорю об «Ищейках».

— Их шестеро.

— Да, но Майло можно вычеркнуть, — заметил Уигфул. — Остается пять: миссис Уайчирли, мисс Чилмарк, миссис Шоу, мисс Миллер и один мужчина — Руперт Дарби.

— А Сид Тауэрс?

— Он мертв.

— Когда украли марку, он еще не был мертв, — напомнил Даймонд. — Если бы я расследовал кражу марки, то

не стал бы сбрасывать со счетов Сида Тауэрса, все равно, живого или мертвого.

— Думаешь, этот человек мог провернуть такое дело?

— Разумеется. Он был незаметен, но отнюдь не глуп. Прекрасно разбирался в вопросах безопасности. Знал, как незаметно проникнуть в здание.

— Пожалуй. Но мне трудно представить, что Тауэрс стал бы писать стишки-загадки.

— Почему бы нет? Он читал детективные романы. У него было много свободного времени, чтобы как следует все обдумать. Загадать полиции загадку — это могло его возбуждать.

Уигфул обдумал его слова.

— Да, вероятно. Но почему его убили? — Он наставительно поднял палец, отвечая на собственный вопрос. — Вероятно, убийце не понравился способ, которым вернули марку. Самый естественный подозреваемый — Моцион, однако у него есть алиби.

— Брось, Джон, — резко отозвался Даймонд. — Убийство — мое дело. Не хочу, чтобы в него вмешивались.

— Ну, ты-то даешь мне советы.

— Тогда прими еще один. Ты сказал, что подозреваемых можно пересчитать по пальцам одной руки. Тебе уже пришлось добавить Тауэрса. А теперь прибавь к нему каждого, с кем говорил Майло и кто мог знать, что он возьмет с собой книгу Диксона Карра.

— Шансы близки к нулю, разве нет? Все говорят, что он был одиночкой.

Даймонд пожал плечами. Уигфул скрепя сердце уступил.

— Ладно, в техническом смысле ты прав. Есть что-нибудь интересное по допросам?

— Пока ничего. Результаты еще обрабатываются, но я говорил с ребятами, которые их проводили. Мы допросили всех, по крайней мере «Ищеек». Двоих не было дома, но с ними разобрались позже.

— Мой главный подозреваемый — мужчина.

— Почему?

На лице Уигфула появилась улыбка:

— Я говорю о своем деле — краже марки. Не представляю, как кто-нибудь из женщин мог бы появиться на улицах Бата с лестницей и ведром чистильщика окон.

— Да ты сексист.

— К тому же, двое из них далеко не молоды.

— Меня интересует только одно — могут они убить человека или нет, — заметил Даймонд. — А женщина вполне способна раскроить череп чем-нибудь тяжелым, неважно, молода она или нет. У нас в Твертоне был случай, еще до того, как ты пришел в полицию. Одна пожилая пара — обоим было за семьдесят — прожила в браке пятьдесят лет. Они все время дрались, и в конце концов дело кончилось убийством. Старуха огрела мужа молотком за то, что он выбросил на помойку журнал «Ти-Ви таймс». Как говорится, уложила наповал. Я часто вспоминаю об этом, когда бросаю старые газеты в мусорное ведро.

После ланча Даймонд в третий раз допросил Майло Моциона.

— Хорошо выпались?

Майло на время поселили в мини-гостинице напротив полицейского участка на Манверс-стрит. Теперь он зашел спросить, когда ему вернут его плавучий дом. Черная борода подчеркивала его вздернутый кверху подбородок. «Кустистая», — мысленно определил Даймонд. В ней могло бы поместиться целое семейство мелких грызунов.

— Вы сможете вернуться на яхту к концу дня, даю вам слово, — пообещал Даймонд. — Правда, вряд ли она предстанет перед вами в прежнем великолепии: мы забрали ковер и еще пару вещей для лабораторных анализов.

— Мне нужно только переодеться, — ответил Майло. — Я не смогу спать там после того, что случилось.

— Как условия в мини-отеле?

— Нормальные.

— У вас есть друг, который может вас на время приютить?

Майло цокнул языком:

— Нет.

— Не хотите присесть?

— А что, это займет много времени?

— Так, надо прояснить пару моментов, — небрежно ответил Даймонд.

— Если вы опять про этот проклятый замок... — начал Майло.

— Нет, речь пойдет об «Ищейках», сэр. Вы были одним из основателей группы. Кому, как не вам, знать этих людей?

Майло пожал плечами:

— Одно не обязательно связано с другим. Я вижу с членами кружка только по понедельникам. Вряд ли у меня есть право о них судить.

— Но вы уже давно знакомы с миссис Уайчирли.

— Верно.

— И с другой леди, мисс...

— Чилмарк?

— Мисс Чилмарк. Вы общались с ней много лет. Вчера вечером вы сказали, что на собрании был какой-то инцидент, связанный с мисс Чилмарк. Что-то насчет собаки.

Майло вздохнул:

— Кажется, это было уже сто лет назад. Собака принадлежит Руперту Дарби. Руперт довольно бесцеремонный тип. Мисс Чилмарт терпеть не может собак, а его псина все время лезет к ней. Если бы он оставлял ее дома или хотя бы держал на поводке, у нас не было бы с ней проблем. Вчера вечером Руперт, как обычно, опоздал, и Марлоу — так зовут собаку...

— Вы сказали Марлоу?

— Да, Марлоу. Это ее кличка.

— Странное имя для собаки.

— Так зовут частного детектива у Рэймонда Чандлера. Помните «Глубокий сон»?

— Все равно, странная кличка.

— Руперт объяснил, почему он ее так назвал. Вы, наверно, слышали фразу из Чандлера: «Человек, идущий по

этим грязным улицам, должен быть чист внутри»? Так вот, эта псина обожает грязные улицы.

Даймонд кивнул:

— Продолжайте. Расскажите, что она натворила.

— Прыгнула прямо на мисс Чилмарк и напугала ее до полусмерти. У нее началось что-то вроде панической атаки, и она чуть не задохнулась, пока Джессика — мисс Шоу — не пришла ей на помощь.

— И что она сделала?

— Попросила найти бумажный пакет. Сид дал ей свой. Он завернул в него книгу. Джессика прижала пакет к лицу мисс Чилмарк, и приступ прошел. Вот и все.

— У Сиды была с собой книга?

— Да, я вам уже сказал.

— Зачем он взял с собой книгу? Он не собирался читать ее вслух?

— Нет, для этого он был слишком застенчив. Думаю, просто хотел почитать ее по дороге.

— Вы не заметили, как она называется?

— Заметил. Я ведь сам интересуюсь книгами. Это были «Три гроба» Джона Диксона Карра. Сид обожал его романы.

— Вам знакома эта книга?

— Прекрасно знакома, но только под английским заглавием.

— А «Три гроба» — не английское заглавие?

— Правильней было бы сказать — под британским. В Америке роман называется «Три гроба». Но издатели почему-то иногда считают, что в Британии книга под другим заглавием будет продаваться лучше. Для коллекционеров это лишняя головная боль.

— И как она называется в Британии?

— «Человек-призрак».

— Вот как? Но именно эту книгу вы принесли на собрание.

— Да, разумеется. Первое английское издание, выпущенное «Хэмиш Гамильтон» в 1935-м. К сожалению, мой экземпляр без обложки, иначе он бы стоил несколько фунтов.

— Давайте уточним, — сказал Даймонд. — В понедельник вечером вы и Сид Тауэрс принесли на собрание одну и ту же книгу?

— Вы говорите так, словно в этом есть что-то подозрительное, — пожал плечами Майло. — Но, уверяю вас, тут нет ничего странного. Это легко объяснимо. На нашей предыдущей встрече я во всеуслышание объявил, что в следующий раз прочту главу о запертой комнате из «Человека-призрака».

Даймонд мысленно отметил этот факт. Уигфул будет в восторге. Все «Ищейки» знали, что Майло принесет книгу и откроет ее на семнадцатой главе. Любой из них мог подбросить ему конверт с маркой — любой, у кого хватило бы ума придумать, как это сделать.

Майло продолжал:

— Вероятно, Сид прихватил свой экземпляр, чтобы следить за текстом. Несмотря на свою скромность, он был настоящим экспертом по Диксону Карру.

— И вы, видимо, тоже.

Майло удовлетворенно погладил бороду.

— Я предпочитаю, чтобы меня считали «шерлокианцем», но в глубине души — да, я восхищаюсь работами Диксона Карра. Он сделал «невозможные» преступления своей специальностью. Написал семьдесят детективов, что совсем не мало, если учесть его страсть к спиртному и множество любовных увлечений. И при этом нашел время создать биографию Конан Дойла. Он был настоящим англофилом, пока после войны к власти не пришли лейбористы. Социализм он не выносил, поэтому уехал в Америку и вернулся только после того, как премьером снова стал Черчилль.

— Как политика связана с детективами?

— Мой дорогой суперинтендант, вся детективная литература так или иначе поощряет консерватизм и общественный порядок. По крайней мере, так было почти целое столетие.

— То есть классовую систему?

Майло бросил на него острый взгляд:

— Каким бы чудовищным ни было преступление, читатель должен быть уверен, что в конце концов закон восторжествует. Только недавно некоторые либеральные писатели нашли способ нарушить статус-кво. Вы не социалист?

— Я полицейский, — ответил Даймонд. — Мы держим нейтралитет.

Майло издал смешок. Он чувствовал себя все уверенней.

Даймонд предложил:

— Давайте вернемся к эпизоду с собакой.

— Вы, конечно, снова хотите спросить, не упустил ли я из виду книгу? Ответ прежний. Я все время держал ее в руках или на коленях. Никто не мог ее взять. Никто. — Майло покачал головой. — В последний раз со мной такое случилось в юности. Я познакомился с удивительным фокусником: он делал невероятные вещи, которые я никак не мог объяснить, например, незаметно снимал у меня с руки часы и помещал их в коробку с шоколадом. Эта история с маркой кажется мне столь же чудесной. Какой-то невероятный, удивительный фокус. Не понимаю, как его можно было проделать.

— А убийство Сида Тауэrsa — тоже трюк?

— В смысле обстоятельств — да.

— Или уловка?

— Уловка или трюк — все равно загадка.

— Меня такой вывод не устраивает, — заметил Даймонд. — Я намерен поймать фокусника. У вас есть какие-нибудь подозрения?

— Насчет кого?

— Насчет «Ищеек».

— Никаких, — ответил Майло. — Все они очаровательные люди. Мисс Чилмарк, правда, немного брюзга, но, если найти к ней правильный подход, подмаслить, так сказать, она вполне приятная женщина. А Джессика Шоу, например, приложила массу усилий, помогая бедняге Сиду влиться в наш коллектив. Она даже приглашала его

пару раз в кафе. Нет, если вы ищете подозреваемых, боюсь, у нас совсем не та компания. Не то, что бывает в детективах. Я не могу себе даже представить, чтобы кто-то мог иметь зуб на бедного старину Сида.

Глава 18

После обеда Даймонд повез Майло Моциона на верфи Дандэс, чтобы тот смог забрать свои вещи с «Миссис Хадсон». Майло переоделся в толстый вязаный свитер, и как раз вовремя: солнце скрылось в прибрежных ивах, и в воздухе потянуло ночным морозцем. Криминалисты уже закончили свою работу и уехали. Единственными представителями полиции, не считая несчастного констебля, который усиленно тер руки, стараясь восстановить кровообращение, были водолазы, искавшие в канале орудие убийства. Вид у них тоже был не особенно довольный. То, чем они занимались, наминало не столько дайвинг, сколько попытку перейти русло вброд, шаря руками по дну. На синем брезенте, расстеленном вдоль набережной, лежали их находки: ржавая подкова, две пластиковые миски, велосипедный насос, клетка для птиц, штук двадцать пивных бутылок и несколько обломков камня, — результат трехчасового прочесывания пятидесяти ярдов мутного дна по обе стороны от лодки. Даймонд отпустил их по домам. Шансов, что столь искусный преступник мог выбросить орудие убийства прямо рядом с местом преступления, было очень немного, но правила требовали провести все необходимые работы. Даймонд попросил Майло проверить, не пропали с лодки какой-нибудь предмет, которым могли проломить голову Сиду Тауэрсу. Майло ответил, что не представляет, что бы это могло быть, но попробует поискать.

Констеблю пришлось открыть им дверь, поскольку на нее уже навесили новый замок. Прежнее устройство сняли с петли и отвезли в полицию для исследования. Криминалисты, на которых постоянно наседали Даймонд,

сообщили, что никаких поломок в изделии не обнаружено. Нет также следов взлома и постороннего вмешательства. Модель определили как надежный навесной замок закрытого типа. Механизм блокировки предполагал шесть миллионов различных комбинаций, подтверждая заявления производителей, что каждый проданный ими экземпляр имеет свой собственный, уникальный ключ.

Даймонд много раз прокручивал в голове все факты, касавшиеся речной яхты и замка, но это нисколько не приближало его к пониманию того, каким образом тело могло оказаться в запертой каюте. Поэтому сейчас, во время очередного визита на «Миссис Хадсон», он чувствовал себя неуверенно. Убийство Сиды Тауэрса превратилось для него в неразрешимую проблему, в его личный гордиев узел. Если верить Майло Моциону, дело обстояло так:

1. Перед уходом Майло запер яхту.
2. Ключ всегда был у него.
3. К замку подходил только его ключ. Второго ключа не было.
4. Кроме запертой двери, попасть внутрь можно было только через дверь в другом конце каюты, но она была закрыта изнутри.
5. Когда Майло вернулся на борт с Уигфулом, замок по-прежнему был на месте. Он отпер его своим ключом и обнаружил в каюте тело Сиды Тауэрса.

Каждый раз, пытаясь найти изъян в этой логической цепочке, Даймонд наталкивался на исходное условие: «Если верить Майло». Механика могла быть безупречна, но показания свидетеля — другое дело.

Пригнувшись, они заглянули в каюту, откуда полиция уже успела убрать ковер.

— Пожалуйста, попытайтесь вспомнить, — обратился Даймонд к Майло. — Не было ли у вас какой-нибудь вещи, которую можно использовать как орудие? Тяжелой глиняной кружки, например, или пресс-папье?

Майло на минуту задумался и покачал головой:

— Самые тяжелые предметы здесь — книги. Вряд ли можно убить кого-то книгой, правда?

— Да, для этого нужно что-то более весомое, — признал Даймонд, оглядывая полки с детективами. — Разве что какой-нибудь большой словарь.

— Увы. Я обхожусь без словарей.

— Завидую. Вы хорошо знаете грамматику, верно? — спросил Даймонд дружеским тоном. Установление доверительных отношений со свидетелем помогает развязать язык.

— Это часть моего образования.

— И моего тоже, — признался Питер. — Я закончил классическую гимназию, но не особенно силен в правописании. Оценки по английскому у меня всегда были ужасные. По субботам в школе проходил так называемый парад оболтусов — учеников по очереди вызывали на неприятный разговор с директором. Так вот, я был регулярным его участником. Позже один учитель научил меня избегать трудных слов — например, «территориальный» — и заменять их более простыми. Хороший совет. В следующий раз я так и сделал, но все равно оказался на «параде»: он забыл предупредить, что «параллельно» пишется с двумя л. Скажите, а почему все так любят детективы?

Майло заморгал и нахмурился, сбитый с толку его обезоруживающей наивностью.

— Никогда не понимал, что люди в них находят, — продолжал Даймонд. — Я бы с удовольствием почитал отчеты о реальных преступлениях. Но о вымышленных?

— Наверно, все дело в незнании.

— В чем?

— В том, что мы чего-то не знаем... до самого конца, — объяснил Майло.

— Не знаем, кто преступник?

Майло немного расслабился.

— Да, в некоторых случаях, но не во всех. Современный читатель хочет знать много разных вещей. Бывают случаи, когда автор прямо объявляет, кто убийца. Но чи-

тателю интересно, сможет ли он избежать правосудия и что будет с хорошим парнем. В наши дни больше акцента делается на персонажах, но в лучших детективах всегда есть элемент неожиданности. Вам бы сходить на одно из наших собраний.

— Может, когда-нибудь я так и сделаю. А теперь давайте пройдем на кухню, или в камбуз, или как там это называется.

— Хотите кофе? — спросил Майло.

— Нет, мистер Моцион. — Даймонд вдруг снова превратился в следователя. — Мы пытаемся найти предполагаемое орудие убийства. Помните?

— Ах, да.

В камбузе, по мнению Майло, все было на месте.

— Это очень важный момент, — заметил Даймонд более мягким тоном. — Выбор орудия поможет понять, было ли это убийство спланировано или произошло незапно. Принес ли преступник орудие убийства с собой или схватил первое, что попало под руку.

— Я понимаю, — кивнул Майло.

— Но не можете помочь?

— В данном случае — нет.

— Ладно, пока мы здесь, давайте разберемся с замком, — предложил Даймонд. — Я знаю, что вам уже надоело отвечать на этот вопрос, но, как говорится, воз и ныне там. Вы утверждаете, что яхта была надежно заперта, но преступник как-то попал внутрь.

— Вы думаете, я бы вам не сказал, если бы знал ответ? — с оскорбленным видом спросил Майло. — Повторяю: я понятия не имею, как это произошло. К тому же, это случилось дважды. Кто-то еще раньше проник на мою яхту, чтобы подложить марку в книгу Диксона Карра.

— Никаких следов взлома нет, — поправил его Даймонд. — Если бы они были, то мы могли бы это объяснить. Но все окна целы, и ничего не сломано.

— Тогда как они сюда попали? Ключа у них не было. Единственный ключ находится у меня.

— Но это не совсем так, верно? Есть и второй ключ — тот, что упал в канал.

— О, если придирааться к словам, то да.

— Когда вы его потеряли?

— В прошлом году. Я уже говорил.

— Когда именно, мистер Моцион?

Майло вздохнул.

— Ближе к концу лета. Может быть, в сентябре.

— Можете вспомнить, при каких обстоятельствах это произошло? Наверно, это вас сильно расстроило.

— Еще бы. Заодно я потерял и ключи от машины.

— Значит, они висели в одной связке?

— Да.

— Вы пытались их найти?

— Было уже темно. — Майло теребил бороду с таким видом, словно одно воспоминание об этой истории причиняло ему боль. — Должен заметить, тогда я крепко выпил. Со мной это редко случается. Я как раз выходил из «Кросс ганз».

— Это паб в Эйвонклифе?

— Да. Вы его знаете? Летними вечерами там очень неплохо. Моя яхта была привязана к причалу недалеко от паба, в том месте, где канал поворачивает к акведуку. Я хорошо поел, выпил несколько бокалов пива и, вернувшись к яхте...

— Вы были один?

— Да. Я стал открывать дверь и обо что-то споткнулся. Проклятые ключи выскользнули у меня из рук и упали за борт. Это было скверно, но я знал, что у меня есть дубликаты, так что особенно не волновался.

— Вы не пытались их найти на следующее утро?

Он покачал головой.

— Это было бесполезно. Они ушли на дно.

— Вы кому-нибудь об этом говорили?

— Может быть, парням с соседней лодки. Честно говоря, не помню.

— А как насчет «Ищеек»? Вы рассказали им об этом случае?

— Конечно нет. С какой стати? Тут нечем гордиться.

— Мы должны учитывать все возможности.

— Я могу рассказать лишь то, что сам считаю правдой, — сухо возразил Майло. — Думаю, вы заметили, что, пока я нахожусь на борту, проникнуть на яхту незамеченным практически невозможно. Там слышно каждый шаг, а спрятаться негде. Все как на ладони. Разве что в шкафчике для посуды, но он слишком маленький.

— К чему вы клоните?

— Если убийца забрался на яхту в моем присутствии и сумел спрятаться, пока я не запер дверь снаружи, он мог бы отодвинуть внутренний засов в дальнем конце каюты и впустить жертву.

Даймонд уже собрался удовлетворенно щелкнуть пальцами, но вовремя спохватился и сделал вид, что почесал за ухом.

— Но когда вы с Уигфулом поднялись на борт, комната была заперта и снаружи, и изнутри. Это могло случиться только в том случае, если бы убийца все еще был на яхте.

— Вы правы. — Майло смиренно вздохнул. — Уверяю вас, там не было никого, кроме бедняги Сида. Я понятия не имею, как это объяснить.

— Как вы сами только что сказали, спрятаться в каюте негде. Там нет ни перегородок, ни отсеков. А единственный замок висит снаружи, со стороны кормы. — Даймонд помолчал, глядя в лицо Майло. — Вопрос в том, насколько твердо вы помните, что заперли каюту.

— Разумеется, запер! — раздраженно воскликнул Майло. — Я еще потряс этот чертов замок, проверяя, надежно ли он закрыт. Скоба сидела намертво. А потом, вернувшись вместе с вашим коллегой, мистером Уигфулом, я открыл его своим ключом и чуть не хлопнулся в обморок, увидев, что лежит внутри. Это невероятно, но это так. Не знаю, что еще вам сказать. Тут нужен доктор Фелл.

— Кто?

— Персонаж Диксона Карра.

— Детектив из книжки? Очень мило.

— Ну, или кто-то с такими же мозгами.

— Спасибо за доверие, — буркнул Даймонд. — Но, боюсь, нам понадобится парень поумнее доктора Фелла. Я прочитал эту главу про запертую комнату и ничего там не нашел. Может, вы мне что-нибудь подскажите? Вы хорошо ее изучили. По-моему, методы доктора Фелла в нашем случае не действуют.

Майло кивнул.

— Согласен.

— И потом, «запертая комната» — только часть загадки. Зачем Сиду понадобилось к вам приходиться?

— Понятия не имею. — Майло пожал плечами. — Он не был частым гостем. К тому же он знал, что меня здесь не будет. Я всем сказал, что отправлюсь напрямую в полицию и верну «Черный пенни». Думаете, убийца заманил его на лодку?

Но Даймонду надоело обмениваться версиями.

— Соберите нужные вам вещи. А я пока прогуляюсь вдоль канала и вернусь минут через десять.

Ему требовалось время, чтобы все обдумать. Очевидно, Майло был надежным свидетелем. В конце концов, он — единственный из «Ищек», кто не мог убить Тауэрса. Но у Даймонда оставались сомнения. Любой адвокат скажет вам, что все свидетели стремятся представить свои действия в самом выгодном свете, затушевывая неприятные моменты. Предположим, Майло все-таки не запер дверь перед уходом. Предположим, из-за самоуверенности или же беспечности он оставил в петлях открытый замок. Возможно, сначала он просто решил об этом умолчать: никто не любит признаваться в собственной небрежности, тем более полиции. А потом, когда началось следствие, все стало слишком серьезно. Беспечность превратилась в преднамеренный обман. И он начал лгать, чтобы защитить себя.

Всегда надежнее ставить на человеческую слабость, чем на чудеса механики. А хитроумные головоломки пусть придумывают авторы детективов.

Даймонд направился к месту поисков. Водолазы уже сняли свои мокрые костюмы и укладывали снаряжение в автофургон. Он сообщил, что завтра для них будет новая работа чуть дальше по каналу, у эйвонклифского акведука. Предмет поисков — связка ключей. Это не привело их в восторг. Детектив кивнул стоявшему на посту констеблю и быстро зашагал вдоль набережной. Теперь здесь устроили пристани, но раньше этот участок канала использовался для перевозки угля из сомерсетских копей. Русло его было узким, а берег вымощен старыми каменными плитами, что придавало особый колорит. Только металлический разводной мост у впадения в главный канал Кеннет-Эйвон появился совсем недавно. Детектив немного постоял, разглядывая мост и прикидывая, как работает подъемный механизм. Проем над водой был слишком низким, поэтому в сведенном состоянии под ним не могло проплыть даже маленькое суденышко. У основания моста от осей вращения тянулись громоздкие противовесы, но сам пешеходный пролет был намертво закреплен болтами на противоположной стороне. Даймонд подошел поближе, чтобы в этом убедиться. Время было позднее, и желающих проплыть под мостом не наблюдалось, поэтому его вопрос остался без ответа. Детектив развернулся и зашагал обратно к одинокому констеблю.

Больше всего его теперь волновал вопрос, который Майло поднял несколько минут назад: что заставило Сиду Тауэrsa прийти сюда, на «Мисс Хадсон»? Станный поступок, особенно если учесть, что хозяина не было на месте. Зачем идти вечером к запертой речной яхте? Одно из возможных объяснений — его пригласил туда убийца. Но если это была ловушка, то что послужило приманкой? Или его просто заставили? Возможно, кто-то пригрозил Сиду и принудил его прийти. Шантаж?

Он поднялся на борт и присоединился к Майло, который все еще набивал вещами свою сумку.

— Я почти закончил.

— Отлично. В каюте холодно. Не представляю, как вы тут жили.

— У меня нет отопления. Но обычно здесь очень уютно.

— Я прогулялся до конца канала, — сообщил Даймонд. — До подъемного моста. Ведь это подъемный мост?

— Конечно. Его разводят каждый раз, когда кто-то проплывает.

— Тогда как это делают? Насколько я понял, пролет привинчен болтами.

— Ну да. Мы открываем его с помощью брашпиля. У каждого владельца лодки есть такая штука.

— Вы имеете в виду гаечный ключ?

— Вроде того.

— Теперь понятно. Давайте я помогу. — Он взял одну из сумок. — Готовы?

— А дверь запрет констебль?

— Мы и сами справимся.

Они вышли из каюты. Даймонд вставил в петли дужку замка и защелкнул механизм.

— Где вы держите инструменты? Я хотел бы взглянуть на эту штуковину.

— В рундуке справа от вас. Там же хранится румпель.

Даймонд откинул крышку рундука и увидел набор инструментов.

— Румпель на месте. Но я не вижу ничего похожего на гаечный ключ.

Майло склонился рядом и покопался в содержимом сундучка.

— Вот черт. Он пропал. Наверно, его кто-то прикарманил.

— Вы уверены?

— Всегда был здесь.

— Какого он веса и размера? — спросил Даймонд.

Майло расставил руки примерно на восемь дюймов.

— Металлический. Такую вещицу трудно не заметить.

— Он достаточно тяжел, чтобы проломить голову человеку?

— О боже. Вы думаете, это возможно?..

— Какие-то проблемы? — спросила Джули, войдя в комнату и присев за столик у двери.

Даймонд проворчал что-то невнятное и, сдвинув в сторону компьютер, плюхнулся на крышку стола. Гражданские сотрудники уже закончили свою работу.

Он тяжело вздохнул:

— Не больше, чем вчера. Семь бед — один ответ. Мне уже все равно.

— Вы насчет той истории с трупом?

— В том числе. Чертовы стишки. Пропавшая марка. Дурацкий клуб «Ищеек». Все это похоже на скверный детектив. Я кадровый полицейский, а не жеманный француз в гетрах и с тросточкой.

— Бельгиец.

— Что?

— Эркуль Пуаро был родом из Бельгии.

— Да хоть из Монголии. Это плод писательской фантазии, и больше ничего. У меня такое чувство, что я попал в детективный роман. В реальном мире такие вещи не происходят. Черт возьми, я должен раскрыть тайну запертой комнаты! А если я ее раскрою — точнее, когда я ее раскрою, — что мне подсунут дальше? Симпатические чернила?

Джули выдержала паузу. Она давно работала с Даймондом и знала, что приступы хандры у него быстро проходят. Помолчав немного, она спросила:

— Вы уверены, что вам надо раскрыть тайну запертой комнаты?

Даймонд скрестил руки на груди:

— То есть?

— В детективах персонажи обычно поступают именно так — берутся за дело и ломают себе голову до тех пор, пока не находят решение. Это напрашивается само собой. Но, может быть, мы можем подойти к проблеме с другой стороны?

— Любопытно, с какой?

— Существует очень небольшой круг людей, которые могли похитить марку. Вы согласны?

— Разумеется, но это забота Уигфула.

Джули покачала головой:

— Я говорю про «Ищеек». Все они знали, что Майло принесет на следующую встречу «Человека-призрака», а вор как раз использовал эту возможность. Если марку украл не Майло, значит, это сделал тот, кто подкинул ему марку.

Даймонд кивнул. Все это было слишком очевидно.

Джули продолжала:

— Значит, этот человек присутствовал на том собрании, когда Майло объявил, что будет читать главу о запертой комнате.

— Или просто слышал об этом от других.

— Возможно, — признала она. — Но круг все равно очень небольшой, верно?

— Пожалуй.

— Именно он и составляет список подозреваемых в убийстве.

Даймонд поднял палец:

— Не стоит торопиться.

Джули встала и зашагала по комнате, стараясь как можно точнее изложить свои аргументы.

— Убийца забрался в каюту «Мисс Хадсон», как и вор, укравший марку. Давайте говорить прямо, мистер Даймонд. Это одно и то же лицо. Ни за что не поверю, что два человека могли независимо друг от друга пробраться в лодку, не трогая замка. Два разных человека, и каждый из них умнее вас? Чепуха.

— И что из этого?

— То, что нам нужно не ломать голову над запертой комнатой, а просто допросить свидетелей. В смысле — мне и вам. Я знаю, что у нас уже куча показаний, но ничто не может заменить личного общения.

— Обход свидетелей, — усмехнулся Даймонд.

— Я говорю не о том, чтобы допрашивать всех подряд. Речь идет о подозреваемых, а их совсем немного.

— Это ваш совет?

Джули помолчала, почувствовав в его словах иронию.

— Я просто пытаюсь быть полезной.

— Что ж, у вас получается. — Даймонд сказал это искренне. Слова Джули помогли ему разрешить некоторые сомнения, которые давно не давали ему покоя. — Просто я не уверен в том, что вор и убийца — действительно одно лицо. Возьмите, например, Сида Тауэрса. Что, если это он украл марку?

— Сид?

Даймонд кивнул:

— Жертва убийства?

Даймонд вкратце обрисовал характер Тауэрса:

— Тихий, скромный, неприметный, но совсем не глупый. Поклонник Джона Диксона Карра. Представьте, какое удовольствие ему доставило бы удивление «Ищеек», самоуверенно считавших, что они знают все о детективном жанре! Это только гипотеза, но мы вполне можем предположить, что он украл «Черный пенни» просто для того, чтобы заявить о себе — не посредством красноречия, в котором был не силен, а с помощью письменной речи, загадок и стихов. «Я умнее вас всех, — как бы говорил он, — всех вместе взятых, что бы вы там обо мне ни думали». А какой изящный ход — подложить марку в книгу Майло, продемонстрировав еще один образчик «запертой комнаты», о котором не подозревали ни доктор Фелл, ни кто-либо другой. Понимаете, к чему я клоню, Джули?

— Что вор — это Сид? Но его убили.

Даймонд начал излагать версию, которая, по его собственному мнению, выглядела очень здраво:

— Убили в каюте яхты. Сид вернулся туда, зная, что Майло не будет на борту. Вероятно, он хотел оставить какую-то записку, может быть, даже новую загадку. Он пробрался туда и проделал тот же фокус, что и раньше, — в чем бы он ни заключался, — но на этот раз за ним следил другой человек, который вооружился гаечным ключом и проломил ему голову.

— И кто же это?

— Хороший вопрос. Кто-нибудь из «Ищеек», например. Или тот, у кого был зуб на Сиду. Или какой-нибудь местный бандит, который шел вчера вечером по набережной и решил напасть на припозднившегося прохожего. Иными словами, кто угодно, начиная с вашего списка подозреваемых и кончая любым жителем Эйвона и Сомерсета или заезжим гостем, случайно проходившим мимо. Вот почему я не тороплюсь с выводами, Джули. Но это всего лишь гипотезы. Возможно, я ошибаюсь.

Глава 19

Двухэтажные экскурсионные автобусы — одна из характерных примет Бата, всегда очень благосклонного к туристам. Две конкурирующие компании красят их в разные цвета: «Райанс сититур» — в красный и белый, а «Бэджерлайнс Бат тур» — в кремовый и зеленый. Сами туры начинаются на Террас-Уолк, рядом с аббатством. Автобусы «Бэджерлайнс» (обычно названные в честь какой-нибудь местной знаменитости, например принца Бладуда, короля Эдгара, Ральфа Аллена, Джона Вуда или доктора Уильяма Оливера) отправляются каждые полчаса. Маршрут проложен так, чтобы оплатившие поездку туристы могли выйти у любой достопримечательности и погулять вокруг, а потом сесть на следующий автобус, не платя за второй билет.

Мисс Чилмарк принадлежала к небольшому кругу людей, не одобрявших автобусные туры. Во-первых, ее дом стоял как раз на одном из таких маршрутов, и она

боялась, что туристы могут заглянуть к ней в окна. Во-вторых, обладая тонким литературным вкусом, она возмущалась тем, что имя Джейн Остин писали на борту автобуса. Легко вообразить ее ужас, когда, переходя в половине одиннадцатого утра Пьеррепонт-стрит, она услышала собственное имя, донесшееся из одной из этих отвратительных машин.

— Мисс Чилмарк! — голос прозвучал так громко, что его могли услышать на противоположной стороне Пэрейд-Гарденс.

Застыв на месте, она сделала вид, что разглядывает витрину магазина, не совсем уверенная, что не ослышалась.

— Мисс Чилмарк! — еще более грозно и отчетливо повторил голос, точно призывая ее на Страшный Суд.

Сильно встревоженная, она осторожно повернула голову и увидела женскую фигуру, говорившую в микрофон с верхней платформы автобуса «Бэдджерлайнс» под названием «Бо Нэш». Прохожие начали поглядывать в их сторону.

— Мисс Чилмарк, это Ширли-Энн Миллер из клуба «Ищейки». Можно с вами поговорить?

Мисс Чилмарк находилась в слишком невыгодном положении, чтобы попытаться заткнуть ей рот, но у нее хватило духу гневно выпалить:

— Кто дал вам право?..

Ее не услышали. Усиленный микрофоном голос Ширли-Энн прогремел сверху:

— Как насчет того, чтобы встретиться в одиннадцать у входа в аббатство? Пожалуйста, приходите, если можете.

Автобус тронулся с места. Гид продолжала говорить в микрофон с пассажирами:

— Прошу прощения, дамы и господа. Я заметила одну знакомую, это довольно срочно. Посмотрев налево, вы увидите арочный проход к Пьеррепонт-плейс. В доме номер один с 1764 по 1771 год жила семья Линли, а у миссис Линли имелась служанка по имени Эмма Лайон,

которая позже стала известна как Эмма Гамильтон. В доме номер два на другой стороне улицы долгое время проживала семья Нельсона — да, того самого Нельсона. Увы, хронология не оправдывает наших ожиданий. Скорей всего, Горацио и Эмма познакомились не в Бате, зато существует одна очень романтическая история о юной и очаровательной дочери семьи Линли, Элизабет, которая сбежала...

Мисс Чилмарк, пунцовая от стыда, повернула на Норт-Пэрейд-пэссэдж. Никогда в жизни ее не окликали со второго этажа автобуса. Семья Чилмарк всегда отличалась благовоспитанностью и строгой приверженностью этикету. И вот теперь этот позорный эпизод, прямо на глазах у публики! Чтобы справиться с потрясением, ей срочно требовались крепкий кофе и булочка «Сэлли Ланн».

— Простите, я не хотела вас напугать, — извинилась Ширли-Энн, когда они встретились. — Мне жаль, что все так получилось. Я очень редко работаю с людьми, обычно просто раздаю рекламные брошюры. Но сегодня было мало сотрудников, и мне пришлось кое-кого подменить. Грех было отказываться от такой возможности. Честно говоря, я только второй раз вела экскурсию. Когда я вас увидела, то совсем забыла про микрофон. А он был включен. Мне нужно с вами поговорить. Может, лучше присядем? Вы такая бледная.

Ширли-Энн боялась, что с мисс Чилмарк случится новый приступ гипервентилиации. У нее не было с собой бумажного пакета.

Они устроились на скамейке в церковном дворике. Напротив стоял уличный музыкант, игравший на блок-флейте под аккомпанемент записанного на магнитофон оркестра, но это не мешало их беседе.

— Я люблю проводить экскурсии, и мне кажется, у меня это неплохо получается, — продолжала Ширли-Энн. — Когда я сажу там наверху и все лица повер-

нуты ко мне, меня это так возбуждает. Обычно я говорю больше, чем другие гиды. Мне нравится отклоняться от текста. А сегодня я буквально забросала всех информацией, даже сама не ожидала. Наверно, потому, что немного нервничала. Мы все теперь нервничаем, что со всем не удивительно, правда?

— Что вам от меня нужно? — спросила мисс Чилмарк.

— Просто поговорить.

— Поговорить!

На самом деле, Ширли-Энн хотела обсудить события последних дней. Она не умела страдать в одиночестве. Ее непреодолимо тянуло поделиться своими тревогами с какой-то другой женщиной. Обратиться к Полли она не решилась — они едва успели расстаться после встречи в булочной, — а идти в галерею к Джессике ей не хотелось, потому что там мог оказаться Эй Джей. Возможно, мисс Чилмарк не слишком подходила для беседы тет-а-тет, но других вариантов не было. Случайную встречу на улице она восприняла как знак свыше.

— Вы уже слышали про беднягу Сиды?

Мисс Чилмарк кивнула. На голове у нее была уменьшенная версия шляпы Робин Гуда с петушиным пером, и это перо все время дрожало — не то от ветра, не то от охватившей ее ярости.

Ширли-Энн попыталась преподнести свой визит как заботу о ближнем:

— Я узнала об этом от Полли. Вчера утром к ней нагрянула полиция. У меня они тоже были, но немного позже. Наверно, и у вас. Полли страшно расстроена. Она так заботится обо всех «Ищейках». Мы для нее как одна семья.

Мисс Чилмарк ядовито заметила:

— Раз у нее такие представления о семье, значит, ей не повезло с родителями.

— Ну, вы понимаете, что я хочу сказать. Полиция считает нас подозреваемыми. Произошло убийство в за-

пертой комнате — и как раз эту тему мы собирались обсудить в понедельник вечером.

— Не по моей инициативе, — быстро вставила мисс Чилмарк.

Ширли-Энн вздохнула:

— Не важно, кто это предложил. Все «Ищейки» знали, что Майло будет читать книгу, поэтому мы все под подозрением. Полиция к вам приходила?

Мисс Чилмарк хмуро буркнула:

— Визит был недолгим.

— Вы водите?

— Простите?

— У вас есть машина?

— Да.

— Тогда вы вполне могли добраться до лодки после встречи. Значит, вы тоже подозреваемая. — Ширли-Энн деликатно оговорила: — Конечно, у нас всех есть машины.

Лицо «подозреваемой» злоеще потемнело, а перо на ее шляпе заплясало в воздухе. Ширли-Энн поспешила добавить:

— Детектив, с которым я разговаривала, сказал, что преступление совершил очень умный человек.

Мисс Чилмарк немного смягчилась:

— Скорее, низкий и коварный. Я знаю, кто мог это сделать.

— Руперт?

— А кто же еще?

— Но зачем? С какой стати ему убивать Сиду? Они не были врагами.

— Откуда вы знаете? — Мисс Чилмарк мрачно уставилась на аббатство. — Сид — я предпочитаю называть его мистер Тауэрс — был скрытным человеком. Никто не знал, что он думал на самом деле. Свои мысли он держал при себе.

— Зато Руперт не стал бы их скрывать, а я не помню, чтобы он хоть раз сказал о Сиде что-нибудь плохое.

— Он вырожденец.

— Кто, Руперт?

— Да. Достаточно взглянуть на его лицо.

— Ну, тут вы не правы.

— Это воплощение зла.

— Не думаю, что можно назвать его злым. Слишком худой, это верно, да и с зубами ему что-то сделать не мешало бы. Не писанный красавец, но вполне приятный на вид. И потом, было бы ужасно, если бы о людях судили по их внешности.

— Его внешность — результат порочной жизни.

А ваша, мысленно добавила Ширли-Энн, — результат дурных мыслей.

— Или одиночества.

— Развращенности. Не сомневаюсь, что он проводит дни в публичном доме. Только посмотрите, что он читает: сплошное насилие.

— Бросьте, мисс Чилмарк, я тоже читала эти книги, но при этом не погрузилась в пучины порока. Да и кто их только не читал. Вам нравится «Имя розы», но это не значит, что вы собираетесь пойти в монастырь. В смысле, не в качестве монашки, но... короче, я сама не знаю, что хочу сказать, но ясно, что о людях нельзя судить по книгам.

Мисс Чилмарк резко повернулась к Ширли-Энн. Ее лицо выражало явное неодобрение.

— Позвольте вам напомнить, что мистер Тауэрс работал в службе охраны. Туда часто берут бывших полицейских. Они хорошо знают преступный мир. Если он нашел что-то компрометирующее об одном из «Ищеек» и если тот человек почувствовал, что его могут разоблачить, мотив для убийства напрашивается сам собой.

Ширли-Энн уже забыла, что Сид работал охранником. Это был первый осмысленный комментарий от мисс Чилмарк.

— Но то же самое можно сказать о любом из нас. У каждого есть свой скелет в шкафу.

— Говорите за себя, — возразила мисс Чилмарк.

— Впрочем, даже в этом случае я не стала бы прибегать к убийству, — задумчиво протянула Ширли-Энн.

Она окинула мысленным взглядом всех участников группы, стараясь представить, какие скелеты они могут прятать в своем шкафу. Джессика? Полли? Ширли-Энн собиралась предложить «Ищейкам» внеплановую встречу, чтобы поделиться впечатлениями об общении с полицией, но теперь эта мысль не казалась ей такой удачной.

— Бедный мистер Тауэрс не сам проломил себе голову, — заметила мисс Чилмарк. — Его убили.

— Вы не помните, что говорил Сид на прошлой встрече? — спросила Ширли-Энн. — Что-нибудь такое, что могло быть связано с его убийством?

— Боюсь, я была слишком расстроена, чтобы что-то заметить.

— Я имею в виду — раньше. До того, как появился Руперт.

— Единственное, что я помню, это его слова перед началом встречи. Нас тогда было четверо: три дамы и мистер Тауэрс. Полли спросила, кого не хватает, — как будто сама этого не знала, — и мистер Тауэрс назвал Руперта, добавив, что тот всегда опаздывает. Это было настолько необычно со стороны мистера Тауэрса, что я невольно запомнила его слова.

— Да, но потом он сказал что-то еще, — пробормотала Ширли-Энн. — Только что? Какую-то колкость. Всего пару слов. А, вспомнила! Джессика предложила свою версию кражи марки. Она предположила, что ее похитил коллекционер. Нарисовала образ филателиста-фанатика, помешанного на марках, «с мозгами набекрень», а Сид заметил, что это могла быть женщина, и все улыбнулись. Помните? Ведь это вы тогда предложили поговорить о «Черном пенни».

— Да, теперь припоминаю. Но я не вижу, что это меняет. Никто из нас не обиделся на его слова, я имею в виду — дамы.

— Может, сам Сид обиделся? Когда Джессика сказала про «мозги набекрень», он мог принять это на свой счет.

— Возможно. Кто знает?

Ширли-Энн пыталась восстановить в памяти события вечера:

— Потом вы стали высказывать свои мысли насчет загадок, а Сид все время молчал, так?

— Не помню, чтобы он что-то говорил.

— Затем появился Руперт с собакой.

— Ох, не надо об этом. — Мисс Чилмарк отвела глаза в сторону.

— Пока длилась вся эта суматоха, Сид, кажется, ничего не говорил, но когда Джессика попросила бумажный пакет, он дал ей свой. Вытащил из сумки. В нем лежала книга. Благодаря Сиду ей удалось справиться с вашим приступом.

Мисс Чилмарк, всем своим видом показывая, что не хочет об этом вспоминать, молчала. Ширли-Энн вернулась к своим рассуждениям:

— Дальше я прочитала рассказ Стэнли Эллина, потом Майло открыл «Человека-призрака»...

— Но перед этим он оскорбил миссис Уайчилер.

— Кто?

Мисс Чилмарк поморщилась, словно откусив кислое яблоко.

— А вы как думаете?

— Руперт?

— Помните, что он ей сказал? «Боже, спаси детей».

— Ах, да. — Ширли-Энн не удержалась от улыбки.

— Он хотел ее задеть, и ему это удалось.

— Верно, но это не имеет никакого отношения к Сиду.

— Зато показывает, как низко пал этот человек.

— Руперт? Но мы говорим о Сиде и о том, как он вел себя в тот вечер. — Ширли-Энн задумалась. — Кстати, я кое-что вспомнила. В конце встречи, когда Майло открыл книгу и нашел «Черный пенни», мы обсуждали, что он должен делать дальше. Некоторые говорили, что

ему не стоит впутываться в эту историю. Можно просто отправить марку по почте, а остальные будут помалкивать. Кто-то — кажется, Руперт — спросил мнение Сиды, и тот ответил: «Я готов молчать». Вы должны это помнить, потому что сами вы утверждали, что Майло обязан отправиться в полицию. На этом настаивали только вы и Полли. Остальные соглашались закрыть глаза.

— Не понимаю, в чем вы хотите меня обвинить, — нахмурила брови мисс Чилмарк. — Это было правильное решение.

— Если бы он не пошел в полицию, то сразу вернулся бы на яхту. И тогда Сид, возможно, остался бы жив.

— В жизни не слышала ничего глупей, — прокомментировала мисс Чилмарк ледяным тоном. — Чистой воды домыслы, в которых нет ни капли смысла. Никто не знает, что могло бы произойти. К тому же, Майло сам решил, что делать. Ему не требовались наши советы. Он в любом случае отправился бы в полицию, и это было самое лучшее, что он мог сделать. — Она встала. — А теперь, если мы уже закончили нашу милую беседу, мне пора идти. Всего доброго. — И она направилась в сторону супермаркета «Уэйтруз».

Глава 20

В конце рабочего дня Джули Харгривз всегда проводила на своем столе уборку. Не то чтобы она была помешана на аккуратности, но на ее столешнице вечно не хватало места, и ей приходилось убирать все лишние вещи в выдвижные ящики или тумбочку. Для канцелярских принадлежностей вроде скрепок, ручек и карандашей имелись удобные подставки. Единственное, что она рассчитывала увидеть утром на своем столе, — это свежую почту. Поэтому то, что Питер Даймонд устроил на ее рабочем месте в следующую среду, можно было назвать форменным вторжением. Он завалил ее маленький столик грудой полиэтиленовых пакетов с личными ве-

щами Сида Тауэrsa, приготовленными для экспертизы. Даймонд был готов к неизбежной вспышке ее ярости. Но Джули только вежливо заметила:

— Немного рановато для Рождества, вам не кажется? Даймонд усмехнулся:

— Да вы оптимистка. — Он все еще ждал взрыва.

Но она перевела разговор в профессиональную плоскость:

— Надеюсь, он не носил все это в карманах.

— Здесь есть вещи из его машины.

— Что-нибудь интересное? — Джули взяла один из пакетов и погрела его содержимым. — Кажется, ключи.

— От машины, от квартиры и от склада, где он работал.

— А от амбарного замка нет?

— Да вы супероптимистка.

Она ощупала другой пакет:

— Это, очевидно, книга, которую он принес с собой на заседание «Ищеек». «Три гроба».

Даймонд нахмурился:

— А где бумажный пакет, в который она была завернута? Джули пошарила среди вещей.

— Где-то он должен быть. — Даймонд присоединился к ней. — Каждый предмет упакован отдельно и снабжен ярлыком.

— Я его не вижу. Вот его сумка. — Она подняла пакет и прочла надпись на бирке. — Сумка из «Уэйтроуз», в которой предположительно лежала книга «Три гроба». Ни слова про пакет.

— Сомневаюсь, что он снова сунул бы в него свою драгоценную книгу после того, как туда надышала мисс Чилмарк. Скорей всего, он его выбросил.

— Наверное, — кивнула Джули, продолжая осматривать коллекцию. У личных вещей жертвы, рассованных по пакетам и тщательно промаркированных, всегда такой сиротливый вид. Горстка мелочи, пенсов тридцать. Пятифунтовая банкнота. Носовой платок. Расческа. Две шариковые ручки. Пачка жевательной резинки. — А это важно?

— Бумажный пакет? Да, если он пропал. — Даймонд задумался. — Интересно, стал бы Сид выбрасывать предмет, который оказался так полезен? А если бы у старушки случился новый приступ? Тогда бы он снова пригодился.

— Возможно, он порвался.

— Никто об этом не говорил. Кто держал пакет у лица мисс Чилмарк?

— Хозяйка картинной галереи, Джессика Шоу. Она знала, что нужно делать.

— Тогда есть шанс, что пакет остался у нее, по крайней мере до конца вечера.

Джули бросила на него пристальный взгляд. Она знала его манеру дотошно разбирать самые мелкие подробности, часто совершенно банальные. Иногда это приводило к неожиданным открытиям. Но все равно она плохо понимала, почему судьба пакета имела такое важное значение.

— Но после того, как нашли «Черный пенни», вечер закончился довольно скромно, — пробормотал Даймонд, обращаясь больше к самому себе, чем к Джули. — Возможно, она не вернула пакет Сиду. Да, так оно и было, иначе мы нашли бы его среди вещей.

— Если Сид не избавился от него позже.

Даймонд пропустил ее слова мимо ушей.

— Или она оставила его в крипте, и его выбросил какой-нибудь уборщик.

— Или забрала с собой.

— Джессика? Сунула в дамскую сумочку?

— Может быть, в карман.

Это понравилось ему больше.

— Пожалуй. Надо ее спросить. Мы отправимся к ней в галерею.

— А что мне делать с этим? — Джули кивнула на пакеты.

— Оставим их здесь.

— Чтобы загромоздить мой стол? Нет, спасибо.

— Вы же не фанатичная аккуратистка, правда?

— Но тут есть деньги.

— Господи, Джули, это полицейский участок. Если уж не верить полиции... — Он развел руками и обезоруживающе улыбнулся.

Она снова смерила его долгим взглядом и заметила:

— Это не ваши деньги.

— И не ваши. Одевайтесь. У нас есть вещи поважнее.

Она взглянула на часы:

— Не могу. Извините.

— Почему?

— У меня встреча.

Даймонд прищурился. Она не имела права назначать встречи в рабочее время.

— Что еще за встреча?

— Вскрытие Сида Тауэrsa. Вы сами меня туда отправили, помните?

— Ах да. — Он совсем забыл. — Во сколько?

— В полдень, в университетской клинике.

— Мы успеем. Я доставлю вас вовремя, обещаю.

— Как скажете.

Джули не в первый раз проявляла сдержанность в разговоре с Даймондом. Она легко могла бы возразить, что если у него есть время отвезти ее в клинику, то почему бы ему самому не присутствовать на вскрытии.

В галерее «Вальсингам» украшали витрину, и Джессика отдавала указания человеку, стоявшему за стеклом, где должна была разместиться новая картина. Она была целиком поглощена своим делом, не обращая внимание на кучку зевак, почти полностью перегородивших узкий тротуар на Нортумберленд-плейс. Впрочем, это совсем не мешало ей сознавать присутствие зрителей. В своем темно-вишневом платье и белоснежном кардигане, небрежно наброшенном на плечи, она ярко выделялась среди уличных прохожих в темных ветровках и серых пиджаках.

— Миссис Джессика Шоу?

Она даже не обернулась, продолжая давать указания.

— Чуть правее. Да, правей, еще правей.

— Полиция, — произнес Даймонд. — Уголовный розыск. Простите, если не вовремя, но — вы миссис Шоу?

— Да уж, вы не вовремя.

— Так вы миссис Шоу?

— Угу. Вот так, Эй Джей! Превосходно!

Даймонд сухим тоном, в котором звучали предупреждающие нотки, представился сам и представил Джули.

— Мы можем поговорить внутри, мэм?

— Но я вам уже все сказала, — ответила она, все еще глядя на витрину. — Вчера у меня был сержант, и он записал мои показания.

— Надо еще кое-что прояснить.

Она вздохнула и наконец повернулась к ним лицом:

— А мне нужно подготовить витрину к вечернему показу. У нас будет сотня человек. Как она вам, кстати?

— Витрина? По-моему, неплохо. Я не очень разбираюсь в живописи. Кажется, здесь изображен Эйвбери?

— О господи. — Джессика закатила глаза. — «Кажется, здесь изображен Эйвбери». Что за варварское выражение. Хорошо, что автор вас не слышит.

Они вошли внутрь. Эй Джея отправили распаковывать новые картины.

— Надеюсь, это не займет много времени, — обратилась Джессика к Даймонду. — Вся эта история действует мне на нервы. — Она нашла для них пару свободных стульев. — Хотите кофе?

— Так мы задержимся еще дольше, — заметил Даймонд.

— Нет, если его заварит Эй Джей. Вам с молоком и сахаром? Сколько кусочков — два?

Она угадала.

— Спасибо. Вам надо работать детективом, — заметил Даймонд.

Джессика смерила его взглядом.

— Пустяки. А вам без сахара? — обратилась она к Джули. Отдав распоряжение Эй Джею, пролетевшему

мимо них с огромным полотном, Джессика повернулась к Даймонду. — Эй Джей молодец. Он все делает бесплатно. Я не плачу ему ни цента. Только обещаю продать больше его работ.

— Его работ?

— Да, он художник.

— Так это его картина была в витрине?

— Господи, нет. Я держу его наверху.

— Вот счастливец, — обронил Даймонд и пожалел, что не прикусил язык.

Джессика не вспыхнула и не выказала никакого смущения, только уставилась на него холодным взглядом.

— Когда вы вступили в клуб «Ищеек»? — торопливо спросил детектив.

— Прошлой зимой. Я была последним членом клуба, если не считать новенькой, Ширли-Энн. Она приходила к нам всего два раза.

— Значит, когда вы к ним присоединились, Сид Тауэрс уже был в группе?

— Сид? Да.

— Вы встречались с ним до этого?

— Нет.

— А кого-нибудь другого знали раньше?

— Только Полли Уайчирли. Я вступила в клуб по ее приглашению. В прошлом году она пару раз заходила в галерею и увидела, что я читаю. Оказалось, что мы обе интересуемся детективами, и она пригласила меня на встречу в крипте. Мне не хотелось, но я пошла. Она умеет убеждать. Вы с ней уже виделись?

— Пока нет.

— Потом она ко мне почему-то охладела. Должно быть, я ляпнула что-то не то. Людям вроде нас с вами надо думать, прежде чем говорить. Но я хожу туда не для того, чтобы доставить удовольствие Полли. Я хожу, чтобы развлечься. «Ищейки» хорошо разбираются в литературе, но среди них, должна заметить, встречаются весьма экстравагантные особы.

— Совсем честертонутые?

Она подняла брови:

— Я не ослышалась? Вы пытались скаламбурить?

— «Кажется, вы пытались скаламбурить». Что за варварское выражение!

На этот раз она рассмеялась, и по ее взгляду было ясно, что она поменяла свое мнение об этом толстом полисмене.

— Я сказала «экстравагантные», и только. Они не так уж глупы. Все довольно начитанны. Я порой люблю скрестить с ними шпаги.

— Выходит, встречи проходят довольно живо?

— Живо? Я бы сказала — мертво.

На этот раз улыбнулся Даймонд.

— Впрочем, — продолжала Джессика, — бывают небольшие стычки. Руперт любит всех доставать.

— Вы говорите о мистере Дарби?

— Разве? Я всегда знала его как Руперта. На мой взгляд, он безобиден, хотя другие думают иначе. Бедняга застрял в пятидесятых, когда считалось шиком дымить «Голуазом» в Сохо и посещать джаз-клубы. Мне кажется, вы с ним хорошо поладите.

Даймонд погладил фетровую шляпу на своих коленях.

— Я слышал, у него была ссора с мисс Чилмарк.

— Ах, эта старая перечница. Вот кто настоящий сноб. Если ее послушать, Чилмарки в прошлом владели половиной города. Она не понимает, почему мы не простираемся перед ней ниц каждый раз, когда она входит в комнату. Больше всего ее убивает то, что Руперт явно стоит выше ее на социальной лестнице, но при этом совершенно плюет на этикет.

— Выше? Из чего это следует?

— Из его акцента. Выражаясь словами Дилана Томаса, он говорит так, словно на его языке весь эльгинский мрамор.

— Кажется, в понедельник был особенно острый инцидент.

— Инциденты бывают каждый понедельник. Он все время приводит свою собаку, а для нее это как красная тряпка для быка. Она закатывает истерику, и мы ее успокаиваем.

Это было слишком поверхностное описание, и Джули задала новый вопрос:

— Но вы были наготове, правда?

— В каком смысле?

— У нее началась гипервентиляция, не так ли? А вы сразу с ней справились.

— Просто я вспомнила один старый способ с бумажным пакетом, — небрежно ответила Джессика. — Она быстро пришла в себя.

Даймонд тут же ухватился за этот шанс.

— А что стало с пакетом?

— Что вы имеете в виду?

— Ну, потом.

— Не помню, хотя...

— Хотя что?

— Возможно, он остался у меня.

— Вот как?

— Да, такое могло случиться. На самом деле, наверно, так и было. Я боялась, что приступ случится снова, а мисс Чилмарк решила остаться до конца вечера. Руперт увел собаку, но я не хотела рисковать и оставила пакет при себе. Вот только что стало с ним потом? — Она помолчала. — Это важно?

— Может, и нет, но я хотел бы знать.

— Тогда начнем с того, что пакет дал мне Сид.

— Я знаю, — кивнул Даймонд.

— И я не помню, чтобы я его вернула.

— Вы его выбросили?

— Сомневаюсь. Зачем, если он так пригодился? Просто пытаюсь вспомнить, что произошло дальше. Вряд ли я продолжала держать его перед носом у мисс Чилмарк. Скорее всего, убрала в свою сумочку.

— И, конечно, нашли его потом.

— Сомневаюсь. У меня там годами валяется бог знает что. Наверно, он и сейчас в ней лежит. Хотите, чтобы я посмотрела сумочку?

— Немного позже, — ответил Даймонд. Разговор набрал темп, и ему не хотелось его прерывать. Дай ей передышку, и она тут же вернется к своей витрине. — Расскажите мне о Сиде.

— Да рассказывать особо нечего. — Джессика пожала плечами. — Когда я пришла, он уже был в клубе. Полли говорила, что он присоединился к ним по совету доктора. Бедняга был жутко застенчив. Доктор знал, что он помешан на детективах, и надеялся, что это поможет ему разговориться. Но ничего подобного не произошло. — Она улыбнулась. — Стоило ему заговорить, как все тут же тарасились на него и превращали его в столб.

— Кто-нибудь пытался с ним подружиться?

— Полли делала такие попытки — она всех нас опекает. Но обычно, если кто-то пытался с ним заговорить, он сразу уносил ноги.

— Насколько мне известно, вы сами встречались с ним в «Луне и шести пенсах», и не раз.

Джессика покраснела:

— Вы что, ловите меня на слове? Или, по-вашему, я лгу? Мне было его жалко, вот и все. Кто-нибудь должен был попытаться его немного расшевелить, ради его же блага. А остальные его просто игнорировали.

— Но никто не испытывал к нему враждебности?

Она покачала головой:

— Сид ни у кого не вызывал таких чувств.

— Однако у кого-то они все-таки возникли.

— Похоже, что так, — согласилась Джессика.

Эй Джей подал кофе в фарфоровых чашках на лакированном подносе. Потенциальных клиентов надо ублажать. Судя по тому, как ловко он управлялся, это дело для него было не в новинку.

— С вашего позволения, — произнес он, — я возьму свою чашку и отправлюсь назад к витрине, продолжать свою работу.

Даймонд поглядывал на него с интересом, подозревая, что роль Эй Джея не ограничивается бесплатным украшением витрин. У него был уверенный вид человека, который не станет размениваться на мелочи. В его движениях чувствовалась почти пугающая легкость, словно он в любой момент готов был выкинуть какой-нибудь шутовской трюк в духе Чаплина. Темные вьющиеся волосы и живые карие глаза еще больше усиливали это сходство, хотя ростом он был намного выше. Судя по всему, Джессике нравилось помыкать им как прислугой, несмотря на хвалебный отзыв, который она дала о нем пять минут назад. Кажется, они понимали друг друга с полуслова. Интересно.

Но у Даймонда оставалось еще несколько вопросов:

— Куда вы отправились после окончания вечера?

— Домой, — ответила Джессика.

— Сразу?

— Да.

— Где вы живете?

— На Уидкомб-Хилл.

— Наверно, оттуда открывается прекрасный вид.

— Да, если вашим представлениям о прекрасном виде отвечает крыша часовни, поперек которой огромными белыми буквами написано: «ГОТОВЬТЕСЬ К ВСТРЕЧЕ С ГОСПОДОМ!» — Она рассмеялась. — Представляете — читать такое каждое утро, открывая шторы?

— Если вы о школе Эбенезера, то она уже была там, когда вы переехали.

— Разумеется. По правде говоря, нас это не очень беспокоит. Просто показалось забавным, когда вы сказали про прекрасный вид.

— Когда вы вернулись домой, мистер Шоу был там?

Она поставила чашку на стол.

— Это довольно интимный вопрос.

— Простите. Такая уж у меня работа, — ответил Даймонд. — Я должен знать, может ли кто-то подтвердить время вашего возвращения.

— Выходит, я подозреваемая?

— Мы стараемся вычеркнуть вас из списка.

— Именно об этом я читаю каждое утро, выглядывая из окна.

Он рассмеялся. Ему все больше нравился этот допрос. Редко встретишь свидетелей, с которыми просто приятно поговорить. Джессика Шоу была неглупой женщиной. Он напомнил:

— Так вы не ответили на мой вопрос.

— На какой? Ах, насчет того, был ли дома Барнаби? Нет, его не было. Он вернулся поздно. Его задержали львы. — Она сложила руки на груди, с удовольствием наблюдая замешательство Даймонда.

— Живые львы?

— Живее некуда, если верить Барнаби.

Даймонд подумал о сафари-парке в Лонглите. Но Джессика явно имела в виду что-то позаковыристей.

— Вы говорите про «львов» из благотворительного клуба, вроде «Ротари»?

— Да, разве я не ясно выразилась? — В глазах Джессики блеснул огонек.

— Так вы сказали, что муж вернулся поздно, — продолжал Даймонд. — Насколько поздно?

— О господи! Я не слежу за ним по часам. Уже после того, как я легла. Ближе к полуночи. Надеюсь, вы не считаете и его подозреваемым?

— Мы пытаемся прояснить кое-какие моменты, больше ничего, — ответил Даймонд.

Джессика закатила глаза.

— Может, заодно прочистите мне выхлопную трубу?

Детектив среагировал мгновенно.

— Значит, у вас есть машина?

— Разумеется. Как-никак, я деловая женщина. Кстати, предупреждая ваш вопрос: в понедельник я не сади-

лась за руль. В этом не было необходимости. От дома до церкви Св. Михаила рукой подать.

— Можете сообщить мне марку и номер автомобиля?

Оказалось, что у нее был «Пежо 306». Белый. Похоже, торговля картинами была прибыльным делом. Или ее спонсировал Барнаби Шоу?

— Ваш муж тоже бизнесмен?

— Да, он продает дома. — Она помолчала, надеясь снова поймать его в ловушку, но теперь Даймонд был настороже. Он не сказал ни слова, пока она не раздвинула большой и указательный пальцы, продемонстрировав отрезок примерно в три дюйма. — Вот такого размера. Он делает миниатюры.

Детектив улыбнулся.

Джессика продолжала:

— Есть любители, которые покупают их десятками. Однажды он сделал целый полицейский участок с синей лампой у входа — за пятьдесят фунтов, если вам интересно.

Даймонда больше интересовал тот факт, что при каждом упоминании о муже зрачки Джессики Шоу непроизвольно сужались, а уголки рта опускались вниз. Он сказал:

— Пожалуй, теперь мы можем заглянуть в вашу сумочку.

— Что значит «мы»? — Она встала и подошла к стулу, на котором висела дамская сумочка. — Чтобы полицейский перерыл все мои вещи? Нет, спасибо. — Джессика щелкнула замком, сунула руку внутрь и сразу вытащила сложенный вчетверо пакет. — Что ж, думаю, больше он мне не пригодится.

Глава 21

Подбросив Джули до университетской клиники, Даймонд вернулся на Манверс-стрит и сразу получил сообщение. Его просили срочно связаться с главным инспектором Уигфулом.

Даймонд старался не встречаться с ним без веских причин, по опыту зная, что тут же начнутся разговоры о зонах ответственности и тому подобном. Но в полиции было не принято игнорировать такие приглашения. Он снял трубку.

— Ну как, нашел своего марочного вора? — спросил он, когда Уигфул сухо ответил на другом конце линии.

— Это детектив-сержант Даймонд?

— А кто же еще?

— Представь себе, я его нашел.

— Разумеется, это убитый?

В трубке послышался вздох. Или это был шум ветра?

— Ты все еще здесь, Джон? — спросил Даймонд. — Ну так что, это Сид Тауэрс?

— Почему ты так решил? — ответил Уигфул, с трудом скрывая раздражение.

— Все факты указывают на это, разве нет?

— Я бы так не сказал.

— Или ты арестовал кого-то другого?

— Я этого не говорил.

— Тогда, может, скажешь хоть что-нибудь, Джон?

— Тебе об этом кто-то рассказал?

— Нет, я сам додумался.

— Может, ты додумался и до того, как он попал в запертую комнату? — настороженно спросил Уигфул.

— Нет, а ты?

Из трубки повеяло самодовольством:

— Пожалуй, да.

— Серьезно? Ты разгадал эту загадку? Хорошая работа. — Даймонд был сильно удивлен, но не мог не отдать должного коллеге.

— Вот почему я попросил со мной связаться, — продолжал Уигфул повеселевшим голосом. — Мы тут с помощником начальника полиции сидим у меня в кабинете, наводя, так сказать, лоск на проделанную работу. Не хочешь к нам присоединиться?

Мистер Масгрейв, по общему мнению, был самым приятным из трех помощников начальника полиции в Эйвоне и Сомерсете. Его цветущий вид и дородная фигура, приближавшаяся по форме к пивной бочке, всегда благотворно действовали на подчиненных. Будучи человеком добродушным, умевшим слушать других и ценить чужие достижения, Арнольд Масгрейв как нельзя лучше подходил для того, чтобы появиться в вашем кабинете в момент триумфа.

Когда вошел Даймонд, Уигфул говорил с сияющим видом человека, ожидавшего повышения по службе:

— Полагаю, вы знакомы с детективными романами Джона Диксона Карра, сэр?

— Да, наверное. — В голосе ПНП звучала неуверенность. — У меня, знаете ли, проблема с этими книжками: никогда не могу вспомнить, кто их написал и о чем в них говорится. — Увидев на пороге Даймонда, он расплылся в улыбке. — А, Питер! Отлично выглядите.

— Это только видимость, — возразил Даймонд. — На самом деле я по уши в дерьме. В отличие от Джона Уигфула.

— Он как раз собирался рассказать, как ему удалось раскрыть дело о «Черном пенни».

— Да, я слышал.

— Возможно, это поможет решить и ваши проблемы, Питер.

— Буду держать пальцы скрещенными, сэс.

Оба полицейских выжидающе уставились на Уигфула, и тот улыбнулся, вздернув вверх кончики усов.

— Мы тут говорили о Диксоне Карре, — заговорил он тоном лектора. — Пятьдесят лет назад авторы детективов любили задавать читателям загадки, что-то вроде головоломок, которые можно было решать по дороге на работу вместо кроссвордов. Диксон Карр считался лучшим в этом деле. Думаю, у него до сих пор есть немало почитателей. Его коньком была тайна запертой комнаты.

— Наверно, что-то у него я все-таки читал, — встре-
пенулся ПНП. — Но хоть убейте, не помню, как это на-
зывалось.

Уигфул, увлеченный своей речью, почти не обратил
внимания на его слова.

— Для меня это был необычный опыт — расследо-
вать дело со всеми атрибутами детективного романа:
подземным склепом, изобретательным вором, запертой
комнатой и узким кругом подозреваемых. Необычный,
но весьма волнующий. В этом было нечто новое, неорди-
нарное. Как только мне удалось установить связь между
кражей и этой группой любителей детективов, «Ищей-
ками», собиравшимися по вечерам в крипте Св. Миха-
ила, я вплотную приступил к расследованию.

Мистер Масгрейв кивнул:

— Вам здорово повезло, Джон, что один из них явился
к вам в участок с пропавшей маркой.

Но Уигфул с ним не согласился.

— Вор не собирался оказывать мне услугу. Он сделал
это намеренно. Таков был его план. Насколько я пони-
маю, он хотел поиздеваться над полицией, выставив
нас... э...

— Полными идиотами?

— Э... во всяком случае, недостаточными профессио-
налами. Он похитил марку, а потом вернул, показав, что
играет с нами в кошки-мышки. А уж эта его выходка со
стишками, разосланными во все газеты, — просто на-
глость.

— Итак, вы приняли вызов? — спросил мистер Мас-
грейв. — Достойный поступок.

Даймонд деликатно помалкивал, слушая их разговор.
За добродушной внешностью мистера Масгрейва скры-
вался острый ум. Он был гораздо пронизательнее Уигфула.

— Я догадался, что это не простое ограбление, — со-
общил Уигфул.

— Несомненно, — дружелюбно согласился мистер
Масгрейв.

— Да, сэр. Это было не только ограбление, но и фокус. И совершить его мог только человек, обладавший определенной информацией. Преступник знал, что один из «Ищеек», мистер Майло Моцион, принесет на следующую встречу роман «Человек-призрак» и будет его читать. Они обсуждали «тайну запертой комнаты», а книга Диксона Карра содержит знаменитую главу на эту тему. В смысле — знаменитую для тех, кто интересуется подобными вещами. — Уигфул снисходительно улыбнулся. Ему нравилось выглядеть современным человеком, который интересуется компьютерными технологиями, а не детективной литературой.

— Так вот, «Черный пенни» самым драматичным образом обнаружился между страницами этой книги, и как раз на той главе, которую собирался прочесть мистер Моцион. — Уигфул подался вперед, и его глаза блеснули. — Как и положено в классическом детективе, у нас возник тесный круг подозреваемых; больше того, тайна запертой комнаты тоже была налицо, поскольку книга всю неделю пролежала на яхте, а на каюте висел замок. Само собой, первым делом я допросил мистера Моциона — к счастью, он немедленно явился к нам в участок, — и убедился в том, что он не имеет никакого отношения к делу. Иначе зачем бы ему понадобилось себя выдавать? Нет, он был глубоко шокирован и не мог объяснить, что произошло. Он настаивал, что вор никак не мог попасть в каюту. Снаружи она была заперта на навесной замок, а изнутри задвинута на засов. — Уигфул эффектным жестом достал из ящика увесистый замок и водрузил его на стол, словно предлагая полюбоваться на него зрителям.

— Это он? — спросил ПНП. — Тот самый?

— Тот самый, сэр.

— Можно взглянуть? — Мистер Масгрейв взвесил замок на ладони и повертел его в руках. — Выглядит солидно. Немецкая модель?

— Да, сэр. Надежное устройство. Приобретен в «Фокстоне», у них лучшие замки во всем графстве. Вещица экстра-класса.

Мистер Масгрейв повернулся к Даймонду:

— Хотите посмотреть?

— Спасибо, я уже видел, сэр.

Уигфул взял замок и начал с видом коммивояжера расхваливать его достоинства, особенно напирая на уникальность каждого изделия.

— Ко всем проданным образцам прилагается два ключа. Мистер Моцион сообщил, что год назад случайно уронил один ключ в канал. У меня нет причин ему не верить. Значит, остался только один ключ. Мистер Моцион уверен, что тот всегда находился у него. Он держал его в одной связке с ключами от машины. Теперь он у меня. Видите?

Уигфул достал длинный ключ, вставил его в замочную скважину и повернул по часовой стрелке. Стальная дужка выскочила из зажима.

— Чтобы закрыть, нужно снова на нее нажать. Хотите попробовать, сэр?

Он так вдохновенно вел свое шоу, что отказаться было бы просто невежливо. Мистер Масгрейв послушно взял замок и опробовал механизм.

— Один ключ, — повторил Уигфул. — Я лично видел, как мистер Моцион открывал каюту перед тем, как в ней нашли труп. И я абсолютно уверен, что дверь была надежно заперта и что он открыл ее вот этим ключом. И все-таки внутри мы обнаружили тело Сида Таэурса. Невероятно, но факт.

Даймонд решил, что Уигфул, пожалуй, немного перебарщивает.

Мистер Масгрейв заметил:

— Вы, конечно, рассмотрели возможность, что перед уходом Моцион мог оставить дверь незапертой?

— Разумеется, сэр. Я тщательно его допросил. Он настаивает, что она была заперта.

— Тогда как это можно объяснить?

— С вашего позволения, к этому я как раз и веду, сэр. Мистер Моцион утверждает, что помнит, как защелкнул дужку замка и даже немного его потряс, проверяя, хорошо ли его закрыл. В конце концов, яхта — это его дом.

— Думаете, ему можно верить?

— Думаю, можно, сэр.

Даймонд кивнул:

— Мне тоже показалось, что он не врет.

— Ладно, — согласился мистер Масгрейв. — Так что все-таки произошло?

Уигфул положил замок и ключ на стол и небрежным жестом отодвинул их в сторону, словно они потеряли для него всякий интерес.

— Проводя расследование, я обращал особое внимание — полагаю, и ты тоже, Питер, — на события прошлого понедельника. Я спрашивал себя: у кого была возможность и мотив проникнуть на яхту? Однако ключ к этому преступлению — я имею в виду кражу «Черного пенни», — кроется в событиях, которые произошли на прошлой неделе. В четверг мы получили ложную наводку из Бристоля, в пятницу появился первый стишок с загадкой, а утром того же дня произошло ограбление. — Уигфул поднял палец, подчеркивая важность сказанного. — Все было спланировано заранее.

— Как и большинство других преступлений. — Очевидно, даже мистер Масгрейв решил, что театральность Уигфула заходит слишком далеко.

— Вы правы, сэр, но я хочу обратить внимание на то, как изощренно действовал преступник. Возьмите любую деталь: наводка сержанта Клевера, стихи-загадки, кража в Музее почты, марка, подкинута в книгу Моциона. Это была рискованная затея, и он выполнил ее с точностью сотрудника спецслужбы. Все прошло как по маслу. Злоумышленник с самого начала собирался вернуть марку, выставив дураками полицию и членов клуба «Ищеек».

— Что ему в немалой степени удалось.

— Верно. Но давайте вернемся к запертой комнате.

— Хорошая идея.

— Предполагаемый преступник заранее знал...

Даймонд наконец не выдержал:

— Ради бога, Джон, — взмолился он. — Давай не будем называть его «предполагаемым преступником». Мы оба знаем, что это Сид Тауэрс.

— Вот как? — В голосе мистера Масгрейва снова прозвучал интерес.

— Он подходит по всем статьям, сэр, — ответил Даймонд. — Тихоня, мечтавший доказать своим болтливым коллегам по клубу, что тоже кое-чего стоит. Служил в охране — залезть в Музей почты для него была пара пустяков. Отлично разбирался в запорах и замках. Эксперт по Диксону Карру. Наконец, его тело нашли на яхте. Кто-то из двух — убийца или Тауэрс — нашли способ попасть в каюту, и логичнее предположить, что это был Тауэрс, а убийца просто проследил за ним. Согласен, Джон?

Уигфул пробормотал что-то утвердительное, недовольный тем, что Даймонд прервал его рассказ.

Мистер Масгрейв заметил:

— Все это прекрасно, господа, но пока это не более чем домыслы, не так ли?

Уигфула явно распирало от желания взять слово, но ему нечего было сказать. Он посмотрел на Даймонда.

— Да, если говорить о том, что я только что перечислил, — признал Даймонд и добавил с серьезным видом: — Разве что у мистера Уигфула есть какие-то доказательства, о которых я не знаю.

Уигфул прищурился. Шанс был налицо, но он молчал.

Зато для Питера Даймонда эта тишина звучала как фанфары.

— В таком случае, я выскажу вам свои соображения, — продолжил он. Без особого апломба — в эффектных жестах не было нужды — он достал из кармана бумажный пакет, полученный от Джессики Шоу. Затем аккуратно его развернул. — Джентльмены, это тот самый пакет Та-

уэкса, который был использован в понедельник вечером, когда у мисс Чилмарк случился приступ гипервентиляции. Уверен, вы слышали об этом инциденте. Сид отдал пакет Джессике Шоу, поскольку она знала, что нужно делать в таких случаях. Она прижала пакет к лицу мисс Чилмарк, и приступ прекратился. После этого миссис Шоу оставила пакет у себя, на тот случай, если он снова пригодится. Мисс Чилмарк почувствовала себя лучше и решила остаться на собрании. В последовавшей затем суматохе миссис Шоу машинально сунула пакет в свою сумочку и забыла о его существовании. Сегодня днем я забрал его у нее.

— Он имеет какое-то значение? — спросил ПНП.

— Сам пакет — нет. Но если вы посмотрите на него внимательнее ... — Даймонд расправил пакет на столе Уигфула и протянул мистеру Масгрейву. — Тут есть надписи.

Уигфул встал и обошел вокруг стола, чтобы посмотреть.

— Можно взглянуть?

— Что-то не пойму, что тут написано, — пробормотал мистер Масгрейв.

На пакете проступало несколько неровных строк, написанных шариковой ручкой.

— Стихи, — сказал Уигфул. — Рифмованные строчки.

— Не спешите, смотрите внимательнее, — посоветовал Даймонд тоном терпеливого учителя, обучающего азбуке первоклашек.

Мистер Масгрейв предположил:

— Кажется, он пытался сочинить какое-то четверостишие.

— Именно это я и хотел сказать, сэр, — поддакнул Уигфул.

— Считаете, придумывал новую загадку? — спросил мистер Масгрейв.

— Обратите внимание на третью строчку, — мягко подсказал Даймонд. — С чем рифмуется слово «рацион»?

— Из того, что тут написано? — спросил Уигфул.

— Нет, вообще.

— Я вижу, вы уже все обдумали, — заметил мистер Масгрейв. — Со словом Моцион. Он искал рифму к фамилии Моцион. Отличная находка, Питер. Это похоже на черновик еще одной головоломки. Как насчет слова «мольберт»?

— Пакет, — предложил Уигфул, все еще думавший о гипервентиляции и, похоже, уже сам проявлявший первые ее симптомы.

— Конверт, — догадался мистер Масгрейв. — Конверт с маркой.

Даймонд кивнул:

— Я тоже так подумал, сэр.

— А «минута»?

— Каюта, — ответил Даймонд.

— Ясно. Хм. Похоже на правду. Значит, Сид Тауэрс подбирал рифмы для следующей рассылки? Не скажу, что это железная улика, но звучит убедительно. Вам действительно удалось связать его с этой кражей, Питер.

Уигфул выпрямился в своем кресле.

— Почему ты мне ничего не сказал? — спросил он резким раздраженным тоном. — Это важная деталь.

Прежде чем ответить, Даймонд сделал паузу и смерил его долгим взглядом.

— Потому что я взял его у миссис Шоу полчаса назад.

— Значит, она скрыла улику.

— Бумажный пакет?

— Но раз на нем написано...

— Миссис Шоу этого не заметила. На самом деле она о нем забыла. Все это время он так и лежал у нее в сумочке.

— Ты уверен, что она не видела надписи?

— Даже если бы видела, откуда ей знать, что это важно?

— Хитрая бестия, — пробормотал мистер Масгрейв. Его замечание относилось не к Джессике, а к Сиду. — Как там говорили в старину? Кто много знает, мало говорит.

Напряжение в комнате немного спало — все задумались о незаметном Сиде, которого большинство «Ищеек» считали пустым местом. Это был еще один аргумент в пользу того, что именно он украл самую дорогую в мире марку и придумал «тайну запертой комнаты», которая поставила в тупик лучшие умы города. Но только не Джона Уигфула.

— Кажется, вы собирались рассказать нам, что произошло в лодке, — напомнил мистер Масгрейв.

Уигфул сидел с таким хмурым видом, словно теперь, когда его так грубо осадил, ему предстояло вскарабкаться на крутую гору. Казалось, он мысленно собирался с силами, зашнуровывая ботинки и взваливая на плечи рюкзак.

— Да, сэр.

— Надеюсь, вы не оставите нас в неведении?

— Нет, сэр. — Уигфул сделал над собой усилие и вернулся к своей теме. — Как я уже сказал, преступление было тщательно спланировано. Сид работал над ним несколько недель, если не месяцев. Ему требовалось попасть на яхту в отсутствие Майло Моциона. Незадолго до Рождества у него появился шанс побывать на «Миссис Хадсон», где «Ищейки» устроили праздничную вечеринку.

— На борту яхты? — спросил мистер Масгрейв. — Отличная идея.

— Я проверил — он действительно там был, несмотря на свою застенчивость. Легко представить, как он вел себя на этом вечере: держался особняком, бродил по яхте, смотрел по сторонам. Вполне понятно, что профессиональный охранник, каким был Тауэрс, мог заинтересоваться замками и засовами, не так ли? Бьюсь об заклад, что он не упустил свой шанс и выяснил, как устроен наружный навесной замок. Наверняка ему уже приходилось сталкиваться с такими устройствами. Возможно, он даже знал, что их продают в «Фокстоне». А если нет, узнать производителя не составило особого труда.

— Но с какой целью? — спросил мистер Масгрейв.

— С вполне очевидной целью, сэр. Я серьезно. Стоит разгадать тайну запертой комнаты, как она кажется абсолютно банальной. Я думаю, что он отправился в «Фокстон» и купил точно такой же немецкий замок. А потом выждал удобный момент, чтобы произвести подмену.

— Так, так. Продолжайте.

— Когда именно это произошло, я не знаю. Может быть, несколько месяцев назад, а может, буквально накануне.

— Вы хотите сказать, что он подменил замки на собрании «Ищеек»?

— Не совсем, сэр. — Прозаичная натура Уигфула не помешала ему очень живо набросать воображаемую сценку. — Моцион повесил свое пальто на вешалке возле двери. Тауэрс выбрал удобный момент и отправился в туалет. По дороге он сунул руку в карман его пальто и достал связку с ключами. Сняв с кольца ключ Майло, он заменил его одним из двух, прилагавшихся к его новому замку. После чего вернул ключи на место.

— Теперь он мог отпереть яхту.

— Вы правы, сэр. После этой встречи он ушел пораньше и отправился напрямиком в гавань. Там он открыл старый замок ключом Моциона и заменил его тем, что купил в «Фокстоне».

— А Моцион, вернувшись, открыл его ключом, который подбросил ему Тауэрс.

— Так же, как делал это всегда, — подхватил Уигфул, — не заметив, что замок уже другой.

— Прекрасно, — сказал мистер Масгрейв. — Мне это нравится.

Джон Уигфул просиял.

— Разумеется, у Сида Тауэрса остался дубликат нового ключа, и он мог приходиться на лодку когда ему угодно. — Уигфул хлопнул в ладоши, показывая, что рассказ закончен. Но поскольку этот жест можно было расценить как аплодисменты самому себе, он резко потер ладони друг

о друга, словно высушивая руки после посещения общественного туалета.

— Таким образом, тайна запертой комнаты решена, — заключил мистер Масгрейв. — Что скажете, Питер?

Даймонд обдумал все, что сказал Уигфул, и кивнул.

— Чистая работа, Джон, — он говорил искренне. Рассказ его впечатлил. В нем не было слабых мест. — А ключ на теле мы не нашли потому, что его забрал убийца.

— Кто бы он ни был, — быстро отозвался Уигфул.

Мистер Масгрейв одобрительно кивнул:

— Вижу, вы все продумали.

Уигфул просиял улыбкой. Он наконец забрался на свою гору и стоял на вершине, позируя для фото.

Мистер Масгрейв снова взял замок.

— Не скажешь, что он выглядит как новый, — заметил он, вертя его в руках.

Но у Уигфула и на это был готов ответ:

— Он проделал с ним то же, что фальсификаторы, поддельвающие старые монеты, — немного поработал над металлом, чтобы поубавить блеска. Можно, например, засунуть их в мешок с другими железками и как следует потрясти. Или закопать в землю. После этого они выглядят потертыми.

Даймонд никогда не считал Уигфула дураком — обычно ему просто не хватало чувства юмора. И теперь не испытывал к нему никаких дурных чувств. Уигфул внес серьезный вклад в расследование дела, причем не только своего, но и его, Питера. «А я до этого не додумался, — признался он себе. — Даже в голову не пришло».

Глава 22

Передав Джули рассказ Уигфула, он еще раз прошелся по его версии и не нашел в ней никаких слабых мест. Все выглядело вполне логично. В конце концов он пробормотал:

— Надо передать все дело Уигфулу.

Джули нахмурилась. Она убила свое обеденное время на визит к патологоанатому, что совсем не входило в ее обязанности, а теперь ее огорошили таким заявлением.

— Что значит «передать»? Вы хотите, чтобы он расследовал убийство?

— Запертые комнаты, стишки-шарады — не моя стихия, Джули. Он щелкает их как орешки, а я... ломаю себе зубы.

Джули окинула взглядом грузную фигуру детектива, стоявшего у окна офиса и невидящим взглядом смотревшего на Манверс-стрит.

— Интересно, что тогда делаю я — сосу соску?

Работать с Даймондом было нелегко, но у него имелось одно спасительное качество — чувство юмора. В каком бы состоянии он ни находился, подобные реплики всегда вызывали у него улыбку. Но сейчас детектив только вздохнул. Он получил тяжелый урок. Дело было не в самобичевании — он просто потерял уверенность в себе. В этот момент Даймонд искренне считал, что Джон Уигфул может справиться с делом успешнее, чем он сам. Джули не могла придумать ничего лучше, как ответить:

— Если вы сделаете такую глупость, я попрошу о переводе.

Он оглянулся на нее и поднял брови.

— Вся эта история с Диксоном Карром осталась позади, — настойчиво продолжала Джули. — Теперь перед нами обычное убийство. Вскрытие не показало ничего неожиданного. Никаких замысловатых повреждений. Его просто пару раз ударили по голове тяжелым предметом. Это явно не профессиональный киллер.

Во взгляде Даймонда появился легкий интерес.

Она добавила:

— И, как вы сами сказали, тайна запертой комнаты над нами больше не висит.

— Благодаря Уигфулу.

— Хорошо, благодаря Уигфулу. Но какое это имеет значение? Главное, что теперь мы имеем дело с обычным убийством.

— Проще пареной репы.

Джули улыбнулась и развела руками.

— Нет, правда, все самое сложное уже позади. Мы знаем, что Сид Тауэрс украл «Черный пенни» и написал стишки. Кстати, доказать этот факт нам позволило ваше упорство, а вовсе не Джон Уигфул.

Даймонд пропустил ее комплимент мимо ушей. Но Джули упрямо продолжала, стараясь изобразить перспективы следствия в самом выгодном свете.

— Сид придумал эту ловкую схему и с блеском ее выполнил, а потом его убили. Все, что нам нужно, это найти убийцу. Вы же не думаете, что это было случайное убийство?

Он покачал головой:

— Нет.

— В таком случае, оно должно быть связано с действиями Сида. — Она посмотрела на Даймонда, надеясь, что тот подхватит тему. Но он промолчал. Джули продолжала.

— Мне кажется, кто-то из «Ищеек» счел недопустимым или опасным то, что произошло на вечере.

Даймонд, наконец, решил высказаться.

— Вы о марке, найденной в книге Майло? — произнес он равнодушным тоном. — Что тут опасного?

Джули слегка покраснела — не из-за безразличного ответа Даймонда, а потому, что ей самой эта идея казалась вполне здравой.

— Не забудем, что марка стоит несколько миллионов фунтов. И потом, Сид мог действовать не в одиночку. Что, если у него был сообщник?

Выражение лица Даймонда почти не изменилось. Она добавила:

— Может, их первоначальный план заключался в том, чтобы потребовать за марку выкуп?

— Считаете, они поссорились?

— Вот именно. Возможно, сначала они не собирались возвращать марку, пока им не заплатят кругленькую сумму. Но Сид не был таким крутым парнем, каким хотел

казаться. Он запаниковал и решил вернуть марку. Когда «Черный пенинг» оказался в книге, сообщник понял, что не получит за него ни гроша, и пришел в бешенство. По-моему, достаточный мотив для убийства, как вам кажется?

Однако Даймонд не пришел в восторг.

— Да, если верить в то, что Сид способен действовать в команде. Но, на мой взгляд, он одиночка. Вспомните его квартиру в глухой улочке, работу ночным сторожем, застенчивость, о которой знали все. Такой человек даже о погоде поговорить не в силах, как же он мог договориться с каким-нибудь преступником? Нет, Джули, извините, я в это не верю.

— Тогда почему его убили? Должна быть какая-то причина.

По крайней мере, ее настойчивость вывела его из ступора. Он отвел глаза, посмотрел на улицу, потом снова повернулся к ней.

— Возможно, он что-то узнал. Например, что-то компрометирующее о ком-то из «Ищеек», о его темном прошлом или даже судимости. Об этом Сид мог слышать, работая в своей компании.

В тот же вечер в картинной галерее «Вальсингам» собрались местные сливки общества. Обычно частные показы Джессики Шоу не привлекали особого внимания, но поскольку теперь все газеты пестрели новостями о «лодочном убийстве» и было широко известно, что накануне жертва посещала клуб «Ищеек», в котором состояла Джессика, многим захотелось получить побольше информации из первых рук. Кто знает, может, она пригласит и кого-нибудь из членов клуба? И тогда, чем черт не шутит, может быть, удастся пообщаться и с самим убийцей: в отчетах говорилось, что все участники сообщества были допрошены полицией. Вот почему, пока в бокалах пенилось шампанское, гости внимательно оглядывали зал, интересуясь не столько произведениями живописи, сколько другими посетителями. Кто-то уже пошутит,

что вместо того, чтобы приклеивать ярлычки к продающимся полотнам, Джессике следовало бы налепить их на лоб своим приятелям по клубу.

Едва вступив в зал, Ширли-Энн услышала знакомый голос: Руперт Дарби со своим безукоризненным произношением, выработанным многими веками социальных привилегий, громогласно заявил, что все полотна на этой выставке являются абсолютной чепухой.

Привстав на цыпочки, чтобы посмотреть поверх голов с замысловатыми прическами, она увидела черный берет и решительно зашагала в его сторону. К счастью, Руперт сразу ее узнал. Правда, он назвал ее «Салли-Энн», но его рукопожатие было искренним и теплым. В своей шумной манере он представил ей стоявших рядом спутников.

— Дорогуша, в своих вечных поисках культурных приключений я как-то наткнулся на эту невозможную парочку в одной забегаловке, причем не где-нибудь, а в Стрэтфорде-на-Эйвоне. И вот сегодня, представьте себе, захожу пропустить пару стаканчиков в «Сарацине» и вижу их там. Знакомьтесь: Стивен и Пэт Волк. Стивен — сценарист и чертовски хваткий парень, да будет вам известно. Помните ту жуткую ахиною про паранормальные явления, которую показывали по телевизору на Хэллоуин с Майком Паркинсоном в роли ведущего? Как она называлась, Стив?

— «Служка за призраком».

Сценарист — плотный, плечистый, почти лысый мужчина располагающего вида, одетый во все черное и в толстых очках, придававших ему сходство с филином, — казался слегка подавленным красноречием Руперта, что было совсем не удивительно.

Самые лучшие мистификаторы, подумалось Ширли-Энн, уже в силу своей профессии должны держаться незаметно.

— У парней из Би-би-си явно проблемы с головой! — провозгласил Руперт. — Кстати, о головах: Пэт их лепит. Великолепные, сильные, классические головы самой уди-

вительной расцветки. Если вам удастся проложить себе путь сквозь эту пьяную толпу, вы можете увидеть ее работы наверху. Я как раз собирался ей сказать, что во всей этой компании она единственная, у кого я согласился бы купить работу.

Пэт кисло улыбнулась. Руперт мог сколько угодно строить из себя мецената, но его потрепанный кожаный пиджак, залатанные джинсы и перхоть на бархатном берете не внушали ни малейшего доверия. Ширли-Энн ответила ей улыбкой. Собственно, это все, что оставалось делать собеседникам, когда Руперта «несло».

— Салли-Энн вступила в ряды «Ищеек» как раз в то время, когда мы все превратились в подозреваемых, — прогремел он на всю комнату. — У нее поразительные познания в детективном жанре. Спросите ее о чем угодно, и она ответит. Все, что хотите. Ну, например: каким ядом чаще всего травят жертв в романах Агаты Кристи?

Ширли-Энн показалось, что половина гостей замерла, прислушиваясь к ее ответу.

— Цианидом?

— Милочка, ну откуда же мне знать, — возразил Руперт, показав черные провалы в своей улыбке. — Хотя я не сомневаюсь, что это очень эффективный яд, который невозможно обнаружить в шампанском.

Слева от Ширли-Энн послышался другой знакомый голос:

— Разумеется, она права. Цианид встречается в ее книгах четырнадцать раз, в два раза чаще, чем морфий, занимающий второе место.

Это был Майло — снова в строю и в хорошей форме, несмотря на проблемы с полицией.

— О, вездесущий Моцион, — отозвался Руперт. — Мой непотопляемый друг. Не хотите к нам присоединиться, Майло? Задайте Салли-Энн по-настоящему каверзный вопрос.

Ширли-Энн поспешила воспользоваться шансом:

— Прощу прощения, но я забыла взять каталог.

Она резко развернулась и ушла. Лучше уж общаться с незнакомцами, чем выставлять себя на посмешище. И почему она решила, что Руперт — приятный собеседник?

Не успела она сделать и двух шагов, как путь ей преградила тарелка с канапе. Джессика оставила своих гостей и предстала перед ней в ослепительном наряде — черном, усыпанном блестками переливчатом жакете и платье цвета павлиньего пера.

— Я как раз спешила к вам на помощь, — сообщила она. — Ох уж этот Руперт! Цианид в шампанском! Поверьте, я бы не стала тратить на него хороший яд. Я бы его просто придушила.

— По крайней мере, сегодня он без собаки.

— Я бы на это не рассчитывала. Возьмите одну из этих штук, и я представлю вас своему мужу.

Мужу? Ширли-Энн не ожидала такого поворота и с любопытством устремилась вслед за Джессикой, которая быстро зашагала в другой конец зала, на ходу приветствуя гостей, и бросила ей через плечо:

— Это не отнимет у вас много времени. Между прочим, я поручила ему продавать картины. Интересно, как это у него получается?

Через минуту Джессика представила ей мужа, махнув в его сторону тарелкой с канапе. Потом она удалилась. Барнаби, сидевший за столиком с бухгалтерской книгой, оказался усталого вида мужчиной лет сорока пяти, с блекло-каштановыми волосами и невыразительным лицом. На нем был один из тех темно-синих костюмов в светлую полоску, которые любят носить самые консервативные политики из числа тори. Слева от него, заведывая кассой, пристроился не кто иной, как Эй Джей: похоже, его ничуть не смущало соседство мужа. Ширли-Энн почти не сомневалась, что Эй Джей был тайным любовником Джессики. Если так, то он очень удачно разыгрывал невинную овечку — или Барнаби отличался удивительной терпимостью.

— Мы с Ширли-Энн познакомились на прошлой неделе, — объяснил Эй Джей мужу Джессики. — И она сразу указала мне на недопустимость моих литературных предпочтений. Так что больше никаких графических новелл. Отныне я должен читать только романы про женщин-детективов.

— Я не говорила ничего подобного, — запротестовала Ширли-Энн.

Барнаби рассеянно смотрел куда-то в другой угол зала, не участвуя в их разговоре. Она постаралась привлечь его внимание:

— Как дела? Удалось что-нибудь продать?

Он кивнул:

— Пока три штуки.

— И ни одной моей, — добавил Эй Джей, не допускавший мысли, что кому-нибудь это может быть неинтересно. — В наше время продаются только туристические виды на «Королевский полумесяц».

— Три картины. Это много? — спросила Ширли-Энн у Барнаби.

Тот пожал плечами. Эй Джей ответил за него:

— Комиссионные за три холста не покроют расходов на этот вечер, но Барнаби на это наплевать. Он здесь не ради прибыли.

Барнаби немного оживился:

— Именно так. Это шоу Джессики, а не мое.

— Но деньги-то твои, приятель.

Муж безразлично махнул рукой. Однако Эй Джей решил договорить:

— Я старый друг семьи, поэтому могу это сказать. Если бы не Барнаби, никакой выставки бы не было. Несчастные художники остались бы на бобах. Но самое интересное в том, что он вообще не интересуется искусством. Он делает это только потому, что хочет доставить удовольствие Джессике. Разве это не замечательно?

Ширли-Энн согласилась. В словах Эй Джея не было ни капли сарказма или иронии. Это сбивало ее с толку. Он

и Барнаби действительно казались старыми друзьями, и она упрекнула себя в том, что ошибалась на его счет. Впрочем, ее восхищение Джессикой от этого только увеличилось. Умная и красивая женщина вполне может завоевать сердца двух мужчин, но суметь сохранить между ними дружеские отношения — это уже настоящее искусство.

В разговор вмешался журналист, желавший познакомиться с кем-то из художников, и Ширли-Энн воспользовалась поводом, чтобы вежливо откланяться. Она взяла с подноса бокал шампанского и направилась в другой конец комнаты, подальше от компании Руперта. Возможно, ей удастся встретить еще кого-нибудь знакомого, хотя вряд ли это будет кто-то из «Ищеек». Кого тут не хватало? Только Полли и мисс Чилмарк. Между Полли и Джессикой явно пробежала кошка. Что касается мисс Ч., то апоплексическая реакция этой старой девы на Руперта делала ее появление на вечере крайне маловероятным.

Через пару минут у Ширли-Энн завязалась забавная беседа с двумя смешливыми девицами, проникшими на выставку без приглашения. Обе ничего не смыслили в искусстве. Все, что им было нужно, — это пара стильных мужчин, которые после вечеринки пригласят их в паб, а еще лучше — в ресторан. Руперт вызывал у них сомнения. Пригласить-то он их пригласит, но что с него взять, кроме зажигательной беседы? К тому же у него не было друга. Разговор мог бы долго продолжаться в том же духе, если бы возле Ширли-Энн вдруг не появилась Джессика. Ее лицо было искажено гневом.

— Вы видели это, когда сюда приехали? — спросила она Ширли-Энн.

— Видела что?

— Ту мерзость на витрине. Пойдемте, я покажу. — Джессика потащила ее к выходу, почти расталкивая по пути гостей. Снаружи, на Нортумберленд-плейс, на тротуаре стояли Барнаби и Эй Джей и разглядывали витрину галереи.

— Ну, что скажете? — спросила Джессика? — Какая скотина могла это сделать?

Ширли-Энн взглянула на стекло. Очевидно, кто-то поработал здесь баллончиком краски: поперек витрины жирными белыми буквами было выведено: «СИД — ЕЕ РАБОТА».

Ширли-Энн не сразу поняла, что это значит. Потом пробормотала:

— Какой ужас! — Ее действительно возмутила эта отвратительная выходка, направленная против Джессики. — Что за человек мог написать такую гадость?

— Не человек, а крыса, — сквозь зубы процедила Джессика. — Вонючая крыса. Все мои гости видели это, проходя по улице. А я-то, дура, встречала их внутри. Барнаби, меня сейчас стошнит.

— Мы это уберем, — пообещал Эй Джей.

— Я не заметила надпись, когда входила в дверь, — пробормотала Ширли-Энн. — И гости ничего о ней не говорят. Наверно, она появилась уже после начала вечеринки.

— При таком освещении ее не видно изнутри, — успокоил жену Барнаби. — Трудно сказать, когда это написали.

Эй Джей потер пальцем одну из букв.

— Не трогай, — остановила его Джессика.

— Просто хотел проверить, высохла ли краска, — объяснил он.

— Не хватало еще, чтобы полиция нашла твои отпечатки пальцев.

— А ты хочешь вызвать полицию? — спросил Барнаби. — Думаешь, это разумно?

— В каком смысле?

— Джесс, дорогая, кто-то подложил тебе свинью, но вряд ли это можно назвать серьезным проступком с точки зрения закона.

— Это омерзительно, — возразила Джессика.

— Верно, но я сомневаюсь, что ты можешь рассчитывать на компенсацию. Честно говоря, меня не удивит,

если полиция больше заинтересуется тем, что тут написано, а не поимкой подлеца. Вместо удовлетворения ты получишь одни неприятности. Советую просто оттереть витрину и забыть об этом.

— Предоставьте это мне, — предложил Эй Джей. — Я могу счистить надпись раньше, чем ее заметят остальные.

Джессика упрямо мотнула головой:

— Я хочу знать, кто это сделал. Его должны были заметить.

— Необязательно, — возразил Барнаби. — Баллончиком можно разрисовать окно за несколько секунд. Буквы написаны вкривь и вкось. Видно, что работали наспех.

Джессика повернулась к Ширли-Энн:

— А вы что думаете?

Трудный выбор.

— На вашем месте, — ответила Ширли-Энн, немного помолчав, — я бы ее стерла. Если вы вызовете полицию, про вернисаж можно забыть. И завтра эта история появится в газетах.

Джессика вздохнула:

— Вы победили. Ладно. Можете стирать.

Глава 23

После долгой работы с НКП — Национальным компьютером полиции — Джули нуждалась в человеческом общении.

— Не хотите продемонстрировать свои детективные способности, мистер Даймонд? Предлагаю матч — вы против НКП. На кого из «Ищек» есть полицейское досье?

— У меня одна попытка?

— Да.

— На парня с дурной собакой. Руперта Дарби.

Джули пожалала плечами и улыбнулась.

— Вы могли бы сэкономить мне два часа работы. У него два тюремных срока, шесть и восемнадцать меся-

цев, оба за мошенничество. Несколько штрафов за пьянство и один — за непристойное поведение.

— Когда это было?

— Непристойное подведение?

— Нет, сроки.

— В 1977-м и 1983-м.

— Давненько. И что конкретно он сделал?

— Не знаю. Компьютер не в курсе таких подробностей.

— Зато вам это по плечу, правда, Джули? Вот превосходство человеческого разума над машиной.

— Дело тут не в разуме, — возразила его помощница, — а в нудной и кропотливой работе.

— Хорошо, тогда добавим в дело немного кропотливости. Прошу вас, наведите справки, Джули, я тоже этим займусь. И заодно разузнайте насчет непристойного поведения, ладно? Это может значить что угодно, от прогулок нагишом по улице до мочеиспускания у входа в супермаркет.

Джули не стала возражать. Она промолчала, но у нее появилась надежда, что расследование убийства снова вернулось в повестку дня.

У Даймонда тем временем возникла другая мысль.

— Довольно странная идея — назвать собаку именем книжного героя, — заметил он. — Мы завели кота — точнее котенка. Стеф притащила его домой. У него еще нет имени. Но Марлоу я бы его точно не назвал.

— Да, как-то не подходит, — согласилась Джули. — Это самец?

— Ага.

— Можно назвать его Шерлок, или Уимзи, или патер Браун.

Даймонд поморщился:

— Пусть он сам подскажет.

Ширли-Энн сидела в кровати с чашкой какао и рассказывала Берту о надписи на витрине. Почему бы нет? Никто не просил ее молчать, хотя это было и так понятно:

буквы на окне стерли как раз для того, чтобы скрыть неприятный эпизод. Но Ширли-Энн всегда обо всем рассказывала Берту. Если она промолчит сейчас, ей будет казаться, что она от него что-то утаила.

— Ну и кто это сделал? — спросил Берт, зевая. Он уже принял горизонтальное положение: устал за день. Спортивные занятия на работе утомляли его так сильно, что, честно говоря, в постели он выглядел уже не так спортивно.

— Разрисовал витрину? Понятия не имею, — ответила Ширли-Энн, чувствуя, как внутри ее еще горит пламя. Даже в выходные футбольное судейство полностью изматывало Берта. — Это мог быть кто угодно. Майло был на вечере, и Руперт тоже, но из этого еще ничего не следует. Возможно, тот человек вообще не пришел на выставку.

— Потому что его не пригласили?

— Ну, да.

— Кто, например?

— Я не видела Полли и мисс Чилмарк. Любая из них могла подойти к окну и быстро распылить краску.

— Просто от злости?

— Я их плохо знаю, но почему бы нет? Обе дамы с характером. Правда, я не уверена, что кто-то из них стал бы проявлять свой гнев подобным способом.

— Речь не обязательно идет об «Ищейках», — заметил Берт.

— Ты считаешь? — с сомнением спросила Ширли-Энн.

— Может, это был обиженный художник. Парень, чьи картины не взяли на вернисаж.

— Да, возможно, — нехотя признала Ширли-Энн. Ей хотелось думать только об «Ищейках».

— Кто-то, знавший о «лодочном убийстве», — добавил Берт. — Ведь надпись на витрине намекает на убийство, верно?

— Разумеется.

— В Бате полно людей, которые слышали об этом или видели по телевизору. Во всех новостях говорили, что

жертва накануне вечером была на заседании «Ищеек». Практически любой мог связать Джессику с убийством.

— И что?

Он со вздохом ответил:

— Так какой смысл выяснять, кто это мог быть?

Ширли-Энн на время замолчала. Некоторое время она продолжала сидеть в кровати, прихлебывая какао. Потом спросила:

— Берт, как по-твоему, это может быть правдой?

Берт дернулся. Он уже почти заснул.

— Что?

— Я спросила: ты не думаешь, что это может оказаться правдой и Сид действительно ее работа?

— Кого — Джессики?

— Угу.

Он пробормотал:

— Знаешь, зайка, я жутко устал.

— Хотя что я тебя спрашиваю, — добавила она после паузы. — Ты ведь с ней не знаком, откуда тебе знать?

Берт не удержался от смешка:

— Ты мне без конца о ней рассказывала. Все уши прожужжала про своих друзей. Если хочешь знать мое мнение, я думаю — да, она способна на убийство.

— Серьезно? Джессика?

— Все, что ей было нужно, — это проследить за тем парнем... как там его звали?

— Сид.

— Проследить за Сидом после вашего собрания, выбрать удобный момент и огреть его чем-нибудь тяжелым. Любая женщина может это сделать, если сумеет подкрасться незаметно.

— Но зачем? Зачем ей это делать?

— А зачем вообще его убили? Никто не знает. Я просто говорю, что она могла проломить ему череп не хуже всякого другого. Сколько ей лет?

— Около тридцати.

— Ну вот. В моей группе женщинам за сорок, и каждая может запросто уложить мужика ударом по черепушке. Я бы не рискнул с ними связываться.

— Но ей нравился Сид. Она сама говорила, что несколько раз водила его в «Луну и шесть пенсов». Он даже рассказывал ей о себе и своей работе. Она хвалила его за то, что ему хватило духу вступить в клуб. Он действительно ей нравился.

— Это еще не значит, что она невиновна. Ты говоришь, что она была о нем высокого мнения. Думала, что он отличный парень. Представь, в какую она могла прийти ярость, обнаружив, что он совсем не тот, кем она его считала.

— Джессика совсем не такая, Берт. Она не из тех, кто легко теряет голову.

— Холодная как лед?

— По крайней мере, она умеет себя контролировать.

— Просчитывает все ходы?

— Ну вот, ты опять все переиначиваешь.

В спальне воцарилось молчание. Берт начал дышать ровнее, а Ширли-Энн продолжала размышлять, способна ли Джессика на убийство. Она допила свое какао и поставила чашку на столик. Часы показывали начало первого. До чего все скверно! Берт всегда накручивает ее на ночь, а ей надо как следует выспаться на тот случай, если завтра придется снова подменить кого-нибудь в автобусе. Она начала рассуждать вслух:

— Предположим, она узнала о нем что-то неприятное — что он вовсе не тот тихий и скромный парень, за которого она его принимала... Скажем, застала его в тот момент, когда Сид пытался проникнуть на яхту Майло, и поняла, что это он украл марку... Тогда она могла на него разозлиться, но я все равно не вижу, что из этого следует. На Джессику это не похоже. Она слишком умна. У нее другие методы. Не могу представить, чтобы Джессика вышла из себя, если только...

Она внутренне ахнула и, быстро прижав к себе обе ноги, обхватила руками колени.

— Ну да, ну да! Они были в сговоре. Работали вместе. Ты слушаешь, Берт? Джессика и Сид придумали эту блестящую комбинацию, чтобы поразить «Ищеек». Сид работал охранником, верно? Он знал, как обмануть видеокамеры и взломать замки в Музее почты. Он нашел способ проникнуть на яхту Майло. Конечно, вряд ли он решился на это сам. Это Джессика его подбила. Они решили украсть «Черный пенни», когда встречались в «Луне и шести пенсах». Опыт Сида и мозги Джессики — отличная комбинация. Я уверена, что стишки с загадками — ее работа. Потом они вместе придумали, как проникнуть в каюту Майло и подбросить марку в «Человека-призрака», чтобы та нашлась во время встречи. Разумеется, все это было незаконно и опасно, но они вернули марку и не думали, что кто-то сможет их разоблачить. Но потом что-то пошло не так. Сид зачем-то снова отправился на яхту. Быть может, он решил совершить настоящее ограбление, пока Майло был в полиции. Или оставил какую-то важную улику и боялся, что ее найдут. Джессика что-то заподозрила и отправилась за ним. Она была в ярости. Идеальное преступление, которое она спланировала, могло провалиться из-за ошибки Сида. Она ударила его по голове, заперла в каюте и ушла. Да, да, Берт!.. Берт, ты меня слышишь?

Она потрясла его за плечо. Берт уже давно заснул и ничего не слышал. Он пробормотал сквозь сон:

— Да?

— Я думаю, что это она, Берт. Джессика убила Сида.

— Ладно, — безразлично ответил Берт.

— Но потом кто-то все узнал и попытался сообщить об этом на вернисаже. Интересно кто.

— Что «кто»?

— Расписал витрину галереи Джессики.

— Парень с аэрозольным баллончиком, наверно, — пробормотал Берт, снова проваливаясь в сон.

— Хм, спасибо за подсказку, — отозвалась Ширли-Энн.

— На его одежде наверняка осталась краска, — добавил Берт. — Когда красишь спреем, невозможно не испачкаться.

На этом их разговор закончился.

Ширли-Энн продолжала лежать и думать. Что-то смутно шевелилось в ее памяти и не давало ей заснуть. Потом она зажала рот рукой. «А я-то решила, что это перхоть. Но кому могло бы прийти в голову...»

Глава 24

За последние двадцать лет Бат обновили так основательно, что теперь сложно найти уголок города, в котором не побывали бы маляры и реставраторы. Приятным исключением является Хэй-Хилл — кратчайший путь между Лэнсдаун-роуд и районом Винъярдс и Парагон. Впрочем, коротким путем он является только для пешеходов, поскольку машины здесь не ездят. Как только вы отходите от букмекерской конторы, расположенной на углу Лэнсдаун-роуд, строгий георгианский стиль исчезает как по волшебству. Между скромными непритязательными домиками, выстроенными в восемнадцатом веке, спускается мощеная улочка. Почти все сооружения здесь разного стиля, высоты и цвета, а их фасады разве что отдаленно напоминают какой-то архитектурный стиль. Подвальные окошки, крышки люков, водостоки и фонарные столбы огорожены самыми причудливыми решетками. Окна в одном доме могут быть не похожи друг на друга, а в некоторых они просто заложены кирпичной кладкой. Там и сям на стенах пестреют крикливые граффити, причем на многих зданиях, намалеванные желтой, розовой и шоколадной краской, точно гигантские пирожные, они выглядят не так уж варварски.

Именно сюда Даймонд и Джули Харгривз отправились на следующее утро, чтобы поговорить с Рупертом Дарби. Дом Руперта казался одним из самых старых и обшар-

панных в округе, а трещины в его стенах кое-где успели порости травой.

Звонок, видимо, работал, но шум уличного движения заглушал его звук. Никакого ответа не последовало. Даймонд попытался открыть крышку над прорезью для почты, но сразу об этом пожалел. Она была сделана из пластика и тут же отвалилась. Изнутри доносился низкий вибрирующий шум, словно кто-то сверлил дрелью дерево. Не успел Даймонд наклониться, чтобы заглянуть в щель, как дверь содрогнулась от мощного удара, и его лицо оказалось в паре дюймов от оскаленных собачьих зубов.

Детектив шагнул назад и взглянул на окно, покрытое толстым слоем пыли. Оно было наглухо задержано полосатой шторой. После нескольких безуспешных попыток постучать в треснувшее стекло он снова вернулся к двери, потянул ее за ручку и обнаружил, что она открыта.

— На вашем месте я бы этого не делала, — предупредила его Джули.

Но у Даймонда никогда не было проблем с собаками. Он слегка приоткрыл дверь и просунул внутрь правый кулак. Животное внимательно его обнюхало, ткнулось влажным носом и наконец лизнуло теплым языком. Даймонд сделал проем пошире, и в него тут же высунулась голова пса. В Марлоу текла кровь немецких овчарок, поэтому он не собирался валиться на спину и просить почесать ему живот, зато и рычать, по крайней мере, перестал.

— Протяните ему руку, Джули. — Это прозвучало как приказ. Он хотел добавить: «Не бойтесь», — но ему казалось, что она не нуждается в подобном ободрении.

У Джули было две собственные собаки, поэтому она знала, как вести себя в таких ситуациях. После небольшой заминки она повторила жест своего начальника. Рука осталась цела. Даймонд осторожно открыл дверь, и Марлоу выскочил на тротуар. Он уже не скалил зубы, но и не выказывал признаков дружелюбия. Обнюхав туфли Джули, пес обошел ее кругом, потрусил на другую сто-

рону дороги и оросил соседский дом. Даймонд воспринял это как добрый знак и переступил порог.

Внутри дом казался еще более неухоженным, чем снаружи. В коридоре пахло пивом, старыми носками и собачьей шерстью. Возле стен пылились тюки с одеждой, книги, стопки газет, пустые ящики, посуда и банки из-под пива. В дальнем углу виднелся матрац, и на нем лежало чье-то тело, накрытое армейской шинелью.

Джули подошла к окну, чтобы отдернуть занавеску. На ее руках осталась пыль — шторы не трогали уже несколько месяцев.

Тело под шинелью зашевелилось. Потом хорошо поставленный голос, достойный театральной сцены и абсолютно не вязавшийся с убогой обстановкой, произнес:

— Кто бы вы ни были, прошу вас удалиться и вернуться в более приемлемое время.

Даймонд ответил:

— Мистер Дарби, уже десять утра, и мы из полиции.

Марлоу услышал голос хозяина и рысью примчался с улицы. Взяв в зубы жестяную миску, пес перетащил ее через комнату и бросил на матрац, требуя свой завтрак. Миска звякнула, стукнувшись о голову Руперта. Тот неправильно интерпретировал этот удар.

— Я подам на вас жалобу, — пробормотал он, не двигаясь с места. — Это грубое обращение и полицейский произвол.

— Нет, это ваша собака, — объяснил Даймонд. — Она хочет есть.

— Пусть идет к чертям. Зачем мне пес, который даже не может защитить дом от фараонов?

— Хотите, мы его покормим, пока вы умываетесь?

— Да, если найдете собачьи консервы. Кажется, под окном еще завалилась одна банка.

Зашевелившись, Руперт застонал и вытянулся во весь рост. Из-под шинели высунулась его длинная нога, обтянутая полосатым носком. Потом он приподнялся на локте, протер глаза и спросил:

— У меня что-то с глазами, или на одном из вас действительно юбка?

Даймонд официальным тоном назвал фамилию и должность своей напарницы. Джули не сомневалась, что дальше последуют шуточки насчет женщин-полицейских. Наконец она отыскала под беретом банку с консервами и открыла ее для Марлоу.

Но Руперту было не до шуточек. Все свои силы он сосредоточил на том, чтобы подняться с места. Его ночной наряд (несомненно, как и дневной) состоял из футболки и спортивных шорт. Он поплелся к двери, за которой, судя по всему, находилась уборная.

Даймонд предупредил:

— У нас мало времени.

Руперт ответил сквозь шум воды:

— Обычно мой день начинается не раньше двенадцати. — Он вышел через несколько минут, завернутый в серое одеяло и с чашкой кофе в руках. — Я бы вас угостил, но, боюсь, у меня нет второй чашки. Впрочем, можете поискать, если хотите.

Даймонд ответил за обоих:

— Спасибо, это ни к чему. Но мы бы хотели куда-нибудь присесть.

Под кипой одежды обнаружилась пара стульев. Руперт нашел свой берет и водрузил его на голову. Очевидно, он считал эту деталь жизненно необходимой, хотя все остальное в его комнате находилось в полном беспорядке и при этом было засыпано какой-то белой пылью, которую он не считал нужным убрать. Все еще завернутый в одеяло, он уселся на свой матрац, как какой-то причудливый гриб.

— Удобное у вас местечко, — вежливо заметил Даймонд, не найдя ничего более подходящего для комплимента.

— Вы о том, что в одном конце улицы — паб «Лэндсдаун Армз», а в другом — «Парагон бар»? Да, это удобно, согласен. Так зачем вы пожаловали?

— Мы расследуем убийство Сида Тауэrsa, — ответил Даймонд.

Лицо Руперта прояснилось.

— Слава богу. А я уж думал, вы по мою душу.

— Значит, вы тут ни при чем? — спросил Даймонд.

— Разумеется, нет.

Негодующий тон Руперта ясно говорил о том, что он — последний человек, которого они могли бы заподозрить.

— Вы входите в группу, которая называет себя «Ищейками», не так ли?

— Разве это преступление? — В голосе хозяина дома зазвучали воинственные нотки. — Впрочем, вы правы, название неудачное. Бульварная пресса раздует из этого бог знает что. Но я был против, офицер. Будь моя воля, я бы назвал ее «Клуб криминального нуара». Да и публику бы подобрал получше.

— Когда вы вступили в группу?

— Года три назад, не меньше. Сразу после Полли Уайчирли и Майло. Нет, вру. Великая герцогиня появилась раньше.

— Вы имеете в виду мисс Чилмарк?

Руперт улыбнулся:

— Вот с кем вам бы следовало поговорить.

— А Сид?

— Он пришел на полгода позже, хотя это вряд ли кто-нибудь заметил. Парень довел искусство быть невидимым до совершенства.

— Я вижу, вы не в восторге от других членов группы, мистер Дарби, но все-таки продолжаете ходить в клуб. Почему?

— Хотя бы для того, чтобы на два часа выбраться из своей норы. — Руперт печально улыбнулся. — И потом, у меня есть миссия. Я должен убедить этих несчастных идиотов читать книги о настоящих преступлениях и о тех ужасах и бедствиях, которые они порождают. Но обращение не происходит в один вечер. Бедняги до сих пор зациклены на своих допотопных головоломках с прило-

женными к тексту картами и на чванливых детективах, страдающих ксенофобией.

— Чем?

Джули объяснила:

— Ненавистью к иностранцам.

Руперт кивнул и продолжал:

— К тому же они все время говорят про хронометраж. — Он скорчил гримасу и неожиданно разразился длинным монологом. — «При всем уважении, милорд, — произнес инспектор, почтительно кашлянув, — есть только один возможный убийца. Он уехал от вас в семь десять и приехал на вокзал в семь четырнадцать, чтобы успеть на поезд в семь пятнадцать, но поезд в семь пятнадцать задержался из-за тумана и первым пришел поезд в семь ноль семь, опоздавший на двенадцать минут. На поезде в семь пятнадцать, который на самом деле прибыл в семь тридцать две, он бы разминутся с поездом в семь двадцать семь, однако, сев на поезд в семь ноль семь, он приехал в Кру к семи двадцати пяти и успел на поезд в семь двадцать семь, который доставил его в Литтл-Фарингтон ровно в восемь. — Руперт сделал паузу и криво усмехнулся. — По крайней мере, так ему казалось. На самом деле на часах было еще только семь. Преступник хорошо изучил расписание, но он ничего не знал про британское летнее время, из чего следует, что убийца был немец — герр фон Крапп».

Оба детектива рассмеялись.

— Вы сами это придумали или прочли по памяти? — спросил Даймонд.

— Последнее заседание вывело меня из себя, — заметил Руперт, не ответив на его вопрос. — Эти люди не имеют понятия, что такое настоящее преступление.

— А вы считаете себя достаточно осведомленным, чтобы им это объяснить?

Даймонд пристально посмотрел ему в лицо.

— Да, если вы имеете в виду, что я читал книги, где преступление показано таким, какое оно есть, — ответил Руперт, — то есть с кровью, болью и страданием.

Даймонда подмывало спросить о криминальном прошлом Руперта, но он удержался. Сейчас было важнее держать его в хорошем настроении.

— Расскажите мне о встрече в прошлый понедельник, — попросил он. — Кажется, вы опоздали?

— Вполне возможно, — беспечно ответил Руперт. — Я обычно не слежу за временем. Когда я пришел, Марлоу — это мой пес... — Склонившийся над миской Марлоу поднял голову и оглянулся. — Марлоу проскочил вперед меня. Ему нравятся эти собрания. Насколько я понял, бедное животное — он всего лишь взрослый щенок, не более, — сам того не желая, устроил переполох, проникшись дружескими чувствами к этой старой дуре, мисс Чилмарк. Не понимаю, кстати, почему: она ничем не заслужила его симпатии. Трудно найти более сварливую старуху. Когда я вошел в комнату, она уже раскудалась, закатила сцену и чуть не хлопнулась в обморок. Пришлось надевать ей на лицо пакет. Слава богу, рядом была Джессика. Я о Джессике Шоу.

— Мы знакомы с миссис Шоу, — вставил Даймонд.

— Толковая женщина. Не знаю, чем все это закончилось. Мне пришлось отвести Марлоу в «Голову сарацина» и оставить там с моим приятелем. Разумеется, в пабе с ним не было никаких проблем. Когда я вернулся в крипту, все уже успокоилось. Понятное дело. Миледи сыграла свою роль, так почему бы не продолжить вечер? Видели бы вы, как торжествующе она на меня посмотрела.

— А потом?

— Потом новая женщина прочла рассказ.

— Новая женщина?

— Ширли-Энн Миллер, — объяснила Джули.

— Значит, ее так зовут? — спросил Руперт. — Никак не могу запомнить. Она пришла пару недель назад. — Он усмехнулся. — И теперь, наверно, об этом сожалеет. Как я уже сказал, она прочла рассказ Стэнли Эллина, американского мастера макабрического жанра. Потом я сделал

невинное замечание, которое Полли приняла на свой счет. Они все такие зануды. Что плохого в старой доброй пикировке? Майло попытался нас успокоить, предложив почитать главу о запертой комнате. Мы уже приготовились умереть со скуки, как вдруг — та-даам! — он всех нас огорошил, вытащив из книги марку.

— Отлично. Я хотел бы услышать об этом поподробней, — попросил Даймонд. — Вы не помните, кто и что говорил в этот момент?

— Боже, дайте перевести дух, я еще толком не проснулся! — Руперт отпил глоток кофе. — Насколько я помню, Майло покраснел как свекла и пробормотал что-то вроде: «Это невозможно». Мне это показалось очень забавным, о чем я ему сразу и сказал. Кажется, я старался его как-то подколоть, но у него начисто отбило чувство юмора. Первое, что он сказал, — это что кто-то из нас каким-то образом подсунул ему марку. Правда, потом дал задний ход. Если уж на то пошло, сделавший это человек совершил серьезное преступление. Майло пришлось признать, что он весь вечер не выпускал книгу из рук, даже когда мисс Чилмарк поставила всех на уши. Мы так и не разобрались, что произошло, и сосредоточились на том, что делать дальше. Полли — наш неизменный капитан — твердо заявила, что Майло должен пойти прямо в полицию.

— Это сказала Полли?

— Да.

— Вы уверены?

— Конечно Полли. Надеюсь, теперь ее вычеркнут из списка подозреваемых? Кстати, вы с ней виделись?

— Пока нет.

— Обратите внимание на ее глаза, когда она улыбается. Они совершенно не меняются. Но Майло не особо рвался сдать на милость полиции. Он знал, что его там здорово пропесочат. Кому охота связываться с копами? Я не сомневаюсь, что вы приняли его со всем возможным уважением, но у нас было свое мнение на этот счет.

Я полагал, что ему лучше сидеть тихо, и откровенно это высказал. Джессика меня поддержала. Что касается этой новой женщины, как ее там — Салли?..

— Ширли-Энн.

— Да, спасибо. Все время вылетает из головы, но я ее отлично помню — эту малютку с хитрыми глазами, в вязаной шапочке и с обширными познаниями в гомеопатии. Она предложила отправить марку по почте. Хорошая мысль. Майло мог бы легко отделаться. Но проблема, как правильно заметила Джессика, заключалась в том, что тогда нам всем пришлось бы держать рот на замке, а некоторые этого не хотели.

— Полли — и кто еще?

— А вы как думаете?

— Мисс Чилмарк? — предположил Даймонд.

— В точку. Великая герцогиня.

— Как насчет Сида? Его об этом спрашивали?

— Да. Он ответил, что будет молчать. — Руперт откинул голову и расхохотался. — Сид будет молчать! Это был самый смешной момент за весь вечер. Честное слово, он заслужил аплодисменты. Правда, никто, кроме меня, не заметил шутки. Короче, так все и было. Двое за то, чтобы его сдать, и четверо против. Само собой, голосование нужно было проводить тайно. Майло прекрасно сообщает, что к чему. Он сразу все понял. И отправился исполнять свой долг, как положено честному гражданину.

— А вы остались обсуждать случившееся?

Руперт покачал головой:

— Никакого обсуждения не было, дружище. Собрание закончилось. Не знаю, сколько было на часах.

— Мне говорили, что восемь сорок пять, — ответил Даймонд. — Что вы делали потом?

— Отправился в «Сарацин» за своей собакой.

— С кем?

— Ни с кем. Все разбежались кто куда. В пабе я пропустил еще стаканчик. Это заняло несколько минут. Потом забрал Марлоу и отправился его выгуливать. Бедняга

чуть не лопнул. Некоторым людям кажется забавным поить моего пса «Гиннесом».

— И где он поднял лапу?

— Это немного личный вопрос. На набережной у реки.

— А потом вы вернулись сюда?

— Да. Мне захотелось есть.

— Кто-нибудь может это подтвердить?

— Я могу.

— Я имею в виду независимых свидетелей, мистер Дарби.

— Даже не знаю. Послушайте, вы ведь не думаете, что я...

— Вы на колесах?

— Простите?

— На колесах? На машине?

— Да бросьте. — Он плотнее завернулся в одеяло.

— Так у вас есть машина?

Руперт вздохнул:

— Старенькая «Лада», которую я держу в Бихайв-Ярд по договоренности с одним своим приятелем из бара. Вы сейчас начнете спрашивать, заплатил ли я налог и есть ли у меня страховка?

— Нет, — покачал головой Даймонд, — я спрошу, не пользовались ли вы ею в понедельник вечером.

— Нет, конечно: у меня просрочены все платежи.

— А это может вас остановить?

Руперт пожал плечами. Полученное им воспитание заставляло его уклоняться от вопросов и лавировать в тех случаях, когда он не мог ответить прямо. Это был слабый человек, а Даймонд всегда легко загонял таких в ловушку, как только они начинали путаться в показаниях. Тем более что у него уже имелись судимости. И все-таки Руперт вызывал у него невольную симпатию, заставляя улыбаться даже в те моменты, когда откровенно вешал ему на уши лапшу. В его непринужденных отзывах «Ищейки» представляли перед ним как живые. Даже жаль, что придется поступить с ним сурово.

— Ну хорошо, — сказал Даймонд. — Давайте поговорим о Сиде Тауэрсе.

— О нем много не скажешь, верно?

— Вы когда-нибудь виделись с ним за пределами церкви Св. Михаила?

— В смысле — в пабе после встречи?

— В смысле — где-нибудь вообще.

Руперт задумался, прикрыв глаза.

— На яхте Майло в прошлое Рождество. «Ищейки» устроили там вечеринку. Сид тоже был — пытался слиться с досками в каюте.

— А кроме этого?

— Не припомню.

— Может, он пытался как-нибудь с вами связаться? — спросил Даймонд. — Например, с помощью письма?

— Или по телефону, — добавила Джули.

— С какой стати? — Руперт подозрительно перевел взгляд с Даймонда на Джули. — У нас с ним не было ничего общего.

Даймонд больше не мог сдерживаться. Он тянул время, надеясь выжать из Руперта побольше, но пора было нанести удар. В его голосе появились жесткие нотки.

— Я стараюсь учитывать все возможности, мистер Дарби. Давайте смотреть на факты. Сид работал в службе безопасности. У них на всех есть досье. Я хочу знать, не пытался ли он вас шантажировать. Вымогать деньги в обмен на молчание о ваших тюремных сроках.

На щеке Руперта задергался мускул.

— Вряд ли вы хотели, чтобы ваши литературные друзья узнали о вашем криминальном прошлом, верно? — продолжал Даймонд. — Аферист и мошенник. Две отсидки. Масса других правонарушений, одно хуже другого. Сколько раз вас штрафовали за пьянство? А непристойное поведение? Вы что — эксгибиционист? Представляю, что бы сказала об этом мисс Чилмарк.

— Ничего бы не сказала. У нее бы снова началась гипервентиляция, — ответил Руперт, стараясь шуткой

выиграть время. Минуту он молчал, собираясь с мыслями. — На самом деле, тогда я просто неудачно пошутил. Меня уже пятый раз привлекли к суду за пьянство и нарушение общественного порядка, причем все происходило двадцать третьего декабря. Когда судья содрал с меня штраф в пятьдесят фунтов, я спустил брюки и показал им зад, на котором была прилеплена бумажка с надписью: «Счастливого Рождества». Я снял ее с рождественского торта. Меня обвинили в пренебрежении к суду и непристойном поведении. «Поднимите брюки и повернитесь лицом к судье, мистер Дарби. Возможно, вы полагаете, что предпраздничный день заставит нас проявить снисходительность к вашему отвратительному поступку, но с законом не шутят. Вы будете оштрафованы на пятьдесят фунтов за пренебрежение к суду и привлечены к ответственности за непристойное поведение. Мы тоже желаем вам счастливого Рождества, а также, будем надеяться, и трезвого Нового года».

Даймонд не улыбнулся. Он был глубоко разочарован: после консультаций Джули с НКП он почти не сомневался, что Руперт Дарби у него в руках. Но версия о шантаже сдулась, как проколотый шар. Этот человек не был сексуальным извращенцем. Он был клоуном. Пара тюремных сроков за мелкое жульничество ничуть не беспокоила этого позера.

Даймонд повернулся к Джули и сказал, что они уходят.

На обратном пути они проходили по Брод-стрит мимо церкви Св. Михаила. Питер решил заглянуть в крипту.

— Посмотрим на место, где все это началось. Заодно можем прочесть молитву — похоже, это все, что нам осталось.

По утрам в подвале занималась дошкольная группа. При виде трехлетних малышей, возившихся с игрушечными паровозиками, трудно было поверить, что по вечерам тут обсуждались жуткие убийства. Воспитательница занималась какой-то плаксивой малышкой, которая не

желала слезать с ее рук, поэтому Даймонд сам принялся наводить порядок с поездами и мальчишками. Джули не раз удивлялась, почему его грузная фигура и грубоватые манеры не отпугивают детей. Ей приходилось видеть, как перед этим человеком трепетали многие взрослые. Разгадка, вероятно, заключалась в том, что Даймонд не относился к детям свысока: он всегда серьезно их выслушивал и отвечал как равным. Однажды он рассказал ей, что у его жены, Стефани, было несколько выкидышей. Больше на эту тему они не говорили.

Когда порядок был восстановлен, они внимательно рассмотрели крипту. У дверей стояла вешалка со множеством крючков. Сейчас здесь висело пальто воспитательницы и детские курточки ее подопечных с привязанными к рукам перчатками и рукавицами.

— Похоже, здесь Сид Тауэрс и подменил ключи Майло Моциона, — заметил Даймонд. — Выудил связку из кармана, снял с кольца оригинальный ключ и заменил его тем, что купил в «Фокстоне». Наверное, при этом он стоял спиной к сидевшим в комнате «Ищейкам», поэтому никто ничего не видел. Очень просто.

— Скромняга. Все его недооценивали.

— Кроме мудрого Джона Уигфула.

Джули улыбнулась:

— Это здорово бесит, правда?

Детектив кивнул:

— Но я сам виноват.

На Манверс-стрит Даймонда ждало сообщение с просьбой связаться с П. С. Хогартом.

— Кто это?

— Я думала, вы в курсе, — ответила принявшая звонок сотрудница. — Он вас знает.

— Откуда звонок?

— К сожалению, он не сказал.

— А по поводу чего?

— Он объяснил, что хочет поговорить с вами лично.

— Содержательная информация. Одно могу сказать точно — он не работает в моем отделе.

Джули тоже о нем никогда не слышала.

Через час П. С. Хогарт позвонил снова.

— Он сказал, что находится в Эйвонклифе, сэр, — доложила сотрудница.

— Эйвонклиф? Эйвонклиф? — Потом его осенило. — Господи. Это водолазы.

Глава 25

Джули, не поднимая головы, увидела, что рядом ней стоит мужчина в коричневом костюме и держит в руках поднос. Еще раньше по уверенной походке, которой он двигался в ее сторону, лавируя между столиками в полицейской столовой, она поняла, что он направляется к ней. Ее первым желанием было скрыться, но тогда пришлось бы отказаться от обеда. Хотя в это время суток Джули ела очень мало — перед ней стояли только йогурт и салат с тунцом, — ей все-таки нужно было подкрепиться, чтобы дотянуть до конца дня.

— Не возражаете? — спросил Уигфул, подвинув себе стул.

Джули возражала, но знала, что ему на это наплевать. Под густой щеткой его усов прорезалась улыбка, похожая на обрезок битого стекла. Как обычно, Уигфул не стал тратить время на любезности.

— Я тут слышал, ваш босс дал маху с водолазами. Бедняги уже взвыли от тоски. Как там говорят — с водолазами не шутят?

— Никто о них не забывал. — Джули поймала себя на том, что сознательно лжет в пользу Даймонда. — Все знали, что это долгая работа.

— Каторга, а не работа. Да и водолазы, в общем, были не нужны. Глубина — всего пара футов. Там надо не столько нырять, сколько ходить в воде. Мне говорили, что ребята очень недовольны.

— Вот как?

— Согласитесь, это уж чересчур — держать их столько времени.

— Они просто занимались своим делом, — равнодушно ответила Джули. — Кому понравится, когда начальство стоит у тебя над душой?

— Вы удивительно лояльный человек, Джули. Я всегда это знал.

Она молча подцепила вилкой немного салата.

Джон Уигфул никогда не делал комплиментов, не считывая получить что-нибудь взамен. Он уже начал торг.

— Как идут дела? Дело об убийстве продвигается?

Джули постаралась, чтобы ее голос прозвучал как можно убедительнее:

— У нас есть несколько зацепок.

Уигфул помолчал, позволив этой лживой фразе раствориться в воздухе.

— На его месте, — произнес он наконец со вздохом, — я бы все сделал по-другому.

— Неужели?

— Прежде всего, я бы предоставил вам свободу действий. Питер обожает все делать сам, верно?

— Простите, но я бы предпочла не обсуждать методы своей работы с мистером Даймондом, — быстро ответила Джули.

— Отлично, но какова ваша роль в расследовании? Сидеть перед компьютером? Я видел, чем вы занимались. Вам надо допрашивать свидетелей, а не торчать перед чертовым экраном. Это верный способ заработать головную боль.

Джули не удержалась:

— А я всегда думала, что вы поклонник современных технологий.

Уигфул слегка качнулся в сторону, словно от удара. Он все еще наслаждался промахом Даймонда.

— В любом случае, я не стал бы сажать своего лучшего детектива за компьютер. Для этого у нас есть граждан-

ские сотрудники. Что вы там искали? Компромат на кого-то из «Ищеек»?

— Так, обычные запросы, — сказала она, пожав плечами.

— Заглянули под каждый камушек, а? — спросил Уигфул и быстро добавил: — Кто бы вас хорошо понял, так это водолазы. Уверен, у них не осталось ни одного камня, который бы они не перевернули! — Эта шутка его безумно рассмешила. Стол перед ним затрясся, и он пролил немного кофе.

Джули не улыбнулась.

Уигфул продолжал:

— Питер — совсем не человек команды, верно? Вот если бы вы работали у меня...

— Но я у вас не работаю, — перебила она, решив положить этому конец.

— Однако стоит вам захотеть...

— Спасибо, — отрезала Джули тоном, говорившим, что продолжать эту тему бесполезно.

Предложение о сотрудничестве перешло в угрозу.

— Боюсь, это может случиться раньше, чем вы думаете. Я раскрыл кражу марки, верно? Доказал, что ее похитил Тауэрс, и объяснил, как он это сделал. Мой успех заметили. Скоро меня перебросят на расследование убийства. Начальству нужен результат.

Конец торга.

Разговор перешел на новый способ оплаты труда сотрудников, связанный с предварительной оценкой их квалификации. Уигфул был одним из немногих на Манверс-стрит, кто это одобрял. Он уверял, что ему нечего бояться аттестации.

Когда Джули закончила есть и отправилась с подносом к контейнеру для мусора, Уигфул окликнул ее сзади.

— Так передайте своему боссу.

— Что передать?

— То, что я сказал: с водолазами не шутят.

В середине дня выглянуло солнце, и Ширли-Энн решила прогуляться через Сидней-Гарден и по набережной канала. Сейчас в этой части города можно прогулять весь день, никого не встретив, но когда-то здесь было очень модное местечко — платный парк с большими гротами, зеленым лабиринтом и эстрадой для оркестра, — где по вечерам регулярно устраивались фейерверки. В викторианскую и георгианскую эпоху жители Бата так любили это место, что, когда правительство решило проложить через него канал и железную дорогу, горожане поднялись на его защиту и добились того, чтобы все коммуникации были тщательно замаскированы. В результате возникло множество тоннелей, балюстрад и арочных мостов, которые в свое время влетели строителям в копейчку, а теперь выглядят как нечто само собой разумеющееся. Ширли-Энн никогда не имела склонности к уединению, но после долгой и трудной смены, когда она несколько часов подряд пыталась всучить прохожим рекламные буклеты и не добилась в ответ ничего, кроме пары сальных предложений, ей хотелось держаться подальше от людей.

Она собиралась пройти к верхнему шлюзу через самую живописную часть канала — до того места, где он впадает в Эйвон. Здесь, шагая по обсаженной зеленью дорожке и бросив взгляд направо, можно было обнаружить, что находишься на крутом откосе чуть ли не вровень с церковными шпилями. От этого вида у Ширли-Энн всегда захватывало дух. Она довольно быстро добралась до домика паркового смотрителя — очаровательного коттеджа в готическом стиле, вероятно, не столь величественного и знаменитого, как те достопримечательности, на которые она указывала туристам во время экскурсии, но лично ей всегда очень импонировавшего, поскольку она считала его своим личным открытием. К сожалению, во время сегодняшней прогулки ей пришлось сделать совсем другое открытие. Забравшись на мост Сидней-Уорф, где канал пересекается с Джордж-стрит, она перешла на другую сторону и спустилась по каменным ступенькам

перед автосалоном «Мерседес-Бенц». Лестница загорала ей вид, поэтому, только оказавшись на набережной, она увидела, что прямо к ней идет пара — мужчина и женщина. Ее щеки вспыхнули. Это была Джессика Шоу.

Джессика — убийца.

Сид — ее работа.

Накануне она провела бессонную ночь, перетряхивая в голове все факты и обстоятельства, доказывавшие ее вину, и теперь ей меньше всего хотелось оказаться с ней лицом к лицу.

Еще хуже оказалось то, что рядом шел Эй Джей. Встретить одну Джессику было огромным невезением, но застать ее вдвоем с любовником — просто катастрофой. Конечно, она и раньше догадывалась, что их что-то связывает, но до сих пор они не демонстрировали свои отношения перед Ширли-Энн.

Разминуться на узкой дорожке было невозможно. Эй Джей и Джессика шли рядом, почти вплотную, хотя и не держались за руки. Заметив ее, они прервали разговор. Джессика — вероятно, желая напомнить своему спутнику, кого они встретили, — воскликнула:

— Ширли-Энн, какой сюрприз!

Эй Джей помахал ей рукой:

— Мир тесен.

Ширли-Энн была в таком замешательстве, словно застала их не на улице, а в постели. Она пробормотала:

— Замечательно, правда? Я имею в виду погоду.

— Превосходно.

Джессика хранила безмятежный вид. Она была в коротком бордовом пальто, отороченном черным мехом, черных легинсах и ботильонах — наряде, который выглядел бы более уместно на подиуме, чем на улице.

Быстро исчерпав тему погоды, Ширли-Энн продолжала:

— Я тут видела несколько лебедей. Взрослая пара и их детки. Целый выводок — птенцов пять, не меньше. Со всем еще маленькие, а уже такие очаровашки.

— Думаю, мы тоже их встретим, — предположила Джессика.

— Да, они того стоят, а место найти совсем нетрудно. Там растет пампасная трава, настоящий уголок дикой природы. Лебеди любят устраивать гнезда в таких местах, правда?

«Господи, что я несу», — мелькнуло у нее в голове.

— Понятия не имею, — пожала плечами Джессика.

— И я тоже, — откликнулся Эй Джей.

Слова, слова, больше слов — это была инстинктивная реакция Ширли-Энн на любое замешательство. Молчание приводило ее в ужас. Ей надо было срочно что-то придумать — что угодно, лишь бы не говорить про лебедей.

— Кстати, мне очень понравился вчерашний вечер. Такие приемы, наверно, стоят бешеных денег: шампанское и все прочее. Кажется, на вернисаже был весь город. Надеюсь, вы продали много картин.

— Едва хватило, чтобы покрыть расходы, — ответила Джессика. — Но такие вечера устраивают не из-за денег. Это способ заявить о себе миру.

— Пиар, — подсказал Эй Джей.

Джессика кивнула:

— Большинство вчерашних гостей никогда не покупали у меня никаких работ и не собираются их покупать, но это не важно.

— Понимаю.

— На самом деле, все было довольно скверно, — продолжала Джессика. — До сих пор не могу прийти в себя от той гадости, которую кто-то написал на витрине галереи.

— Мы это уже вычеркнули, — быстро вставил Эй Джей. — Просто стерли из памяти, верно? — Последняя фраза относилась к мисс Миллер.

— Ну да, — подтвердила Ширли-Энн, стараясь говорить как можно убедительней. На самом деле, со вчерашней ночи она не думала ни о чем другом.

Джессика добавила:

— Хотела бы я знать, кто это сделал. У меня есть кое-какие предположения.

— Пойдем, Джесс. — Эй Джей потянул ее за руку, как нетерпеливый муж.

— Если они хотят играть с нами в игры, пусть попробуют!

— Это была просто злая шутка, — возразил Эй Джей. — Ее придумал человек с извращенным чувством юмора. Неужели кто-то всерьез может заподозрить тебя в убийстве? Ты сделала для этого парня больше, чем кто-то еще. Он был одинок, неуверен в себе, а ты взяла его под свое крылышко.

«Ну да, взяла под крылышко, а потом использовала, чтобы украсть «Черный пенни», — подумала Ширли-Энн. — После чего проломилась ему голову, потому что он отклонился от плана и поставил все дело под удар». Она с трудом сдерживалась, чтобы не выпалить все это вслух.

— Какая разница, — ответила Джессика. — Все знают, что я никогда не сделала бы ничего плохого Сиду, но если этот мерзкий ублюдок еще раз позволит себе такую выходку, я обращусь в полицию.

— Он не посмеет, — заверил ее Эй Джей.

— Почему ты думаешь, что это «он», а не «она»? — спросила Джессика, и Ширли-Энн, имевшая привычку сначала говорить, а потом думать, чуть не объяснила ей, почему.

Эй Джей усмехнулся:

— Метко сказано, но я уверен, что все осталось в прошлом. Давай-ка лучше вернемся и откроем галерею.

Они отправились дальше.

Ширли-Энн продолжила свой путь к Топ-Лок, но ее мысли были далеко. Она уже не замечала ни прекрасных видов, ни готических коттеджей. Ее волновали только отношения, связывавшие эту пару. Неужели современная мораль позволяла им не испытывать ни малейшего смущения, когда их видели в обществе друг друга? Правда, она и раньше встречала их вместе в галерее, но бродить

вдвоем в таком уединенном месте — совсем другое дело. Каждому бросалось в глаза, что они очень близки друг с другом, почти как брат и сестра. Именно такое впечатление они производили на Ширли-Энн — откровенной близости, за которой не стояло ничего предосудительного.

До сих пор Ширли-Энн могла без труда определить, есть ли у женщины роман на стороне. Она сразу замечала, если что-то подобное происходило у ее подруг. Но теперь чувствовала себя сбитой с толку, поскольку эта пара даже не пыталась ничего скрывать. Джессика и Эй Джей вели себя так, словно имели полное право находиться вместе.

Ширли-Энн беспокоил еще один вопрос. Как в эту схему вписывался Сид Тауэрс? Планируя кражу «Черного пенни», Джессика должна была часто встречаться с Сидом и вести с ним долгие беседы, чтобы обсудить все подробности этой сложной операции. Вероятно, они не раз ходили к Музею почты и обдумывали различные способы туда попасть. Помимо этого надо было обсудить отвлекающий маневр, текст загадок, их публикацию. Не говоря уже о головоломной проблеме проникновения на речную яхту Майло, которая до сих пор оставалась необъяснимой тайной. Все это требовало постоянного общения Джессики и Сида. Продолжительные разговоры, долгие встречи, множество деталей. Интересно, как Джессика могла все это проделать, не привлекая внимания Эй Джея или мужа? Может быть, кто-то из них был с ними в сговоре?

Ширли-Энн шла через парк, глубоко задумавшись.

— Что он сказал?

Джули повторила фразу Уигфула:

— Не шутите с водолазами.

— Хм.

— Наверно, это была шутка.

— Скорее, фраза из какого-то радиоспектакля. Когда я был ребенком, мы часто слушали радио. — Даймонд откинулся в кресле, предавшись своим воспоминаниям и, кажется, ничуть не взволнованный маневрами

Уигфула. — Я обожаю эти постановки. «Попробуй рассмеяться», «Уберите это», «Умница Арчи» и, конечно, «Тупицы». У каждого персонажа была своя коронная фраза. Все, что от них требовалось, это повторять их в каждой передаче, и публика покатывалась со смеху. А потом раздражалась аплодисментами. — Он улыбнулся. — Хотя «не шутите с водолазами», кажется, было раньше, еще до меня и Уигфула.

— Вы правы, — ответила Джули. — Я посмотрела в Интернете. Это из комедийного шоу, которое транслировали в двадцатые годы.

— В двадцатые!

— Там был один одноногий бродяга, нырявший за монетами с набережной в Нью-Брайтоне. Он часто повторял эту фразу. Позже, уже во время войны, ее подхватил Том Хэндли.

— «Снова этот парень»?

— Верно.

— Я его не помню, — покачал головой Даймонд. — Может, Джон поделился с вами еще какими-нибудь шутками?

— Нет, только этой.

На самом деле она долго сомневалась, стоит ли рассказывать ему о беседе с Уигфулом, но, похоже, босс сегодня был в хорошем настроении. Входя в свой кабинет, он напевал «Желтую подводную лодку».

— Впрочем, нет, была еще одна, — добавила Джули, — хотя он сказал это вполне серьезно. Уигфул хочет забрать себе дело об убийстве.

Даймонд усмехнулся:

— Я уже слышал.

— Но тогда ему это удалось, — напомнила она.

— Потому что я ушел сам. Больше это не повторится. — Даймонд открыл верхний ящик, достал какой-то ржавый предмет и с металлическим стуком бросил его на стол. — Ключи, Джули. Связка ключей. Вот почему водолазы пытались со мной связаться — они закончили свою работу.

— Хотите сказать, что это...

— Ключи Майло Моциона, которые тот уронил в канал.

— Замечательно. — Теперь она понимала, что его так обрадовало. — Значит, Майло говорил нам правду.

— Да. Но дело не только в этом. — Питер вынул из ящика большой замок. — Вот та самая штукавина, которая висела на двери «Миссис Хадсон» в вечер, когда убили Сиды Тауэрса. А теперь смотрите. — Даймонд взял связку, выбрал один из ключей, с которого на пол посыпались хлопья ржавчины, вставил его в замок и повернул. Металлическая дужка, лязгнув, выскочила из отверстия. Продолжая держать замок, он посмотрел на Джули.

Она прижала ладонь ко рту.

— Ну, что скажете?

Джули нахмурилась:

— Вы сказали, что этот замок висел на двери каюты?

Даймонд кивнул:

— А это — оригинальный ключ Майло?

— Да.

— Выходит, никакой подмены не было. По версии Джона, Сид повесил в каюте новый замок, но это не так. Замок был старый. Мы сделали ложный ход.

Для человека, сделавшего ложный ход, Даймонд выглядел удивительно довольным.

Джули продолжала:

— А это значит, что версия Джона Уигфула насчет запертой комнаты не работает.

— Верно, Джули. Он попал пальцем в небо.

Она уставилась на него:

— Но и мы тоже?

— Да, — ответил он беспечно. — Бодрящее чувство, правда?

Глава 26

— Вы скажете об этом Джону Уигфулу? — спросила Джули.

— Пока нет, — ответил Даймонд. — Который час?

- Без двадцати четыре.
- Черт!
- Вы куда-то торопитесь?
- Хватайте пальто. В четыре у нас визит к мисс Чилмарк.
- Визит? Можно подумать, мы идем к дантисту.
- Мисс Ч. нельзя посещать без предварительного уведомления. Я договорился с ней сегодня утром.
- И вы хотите, чтобы я пошла с вами?
- На тот случай, если у нее случится приступ.
- О, спасибо. — Она покраснела, возмущенная таким пренебрежением к своим способностям. — Что мне взять — нюхательную соль и бумажный пакет?
- Только пару наручников.
- Джули широко раскрыла глаза. Ее раздражение сразу исчезло.
- Вы думаете, что она убийца?
- Я думаю, что нам надо прихватить наручники.

Мисс Чилмарк проживала по адресу, вполне подходившему для человека с ее репутацией: на улице Парагон, известной еще с восемнадцатого века. Джейн Остин останавливалась здесь во время первого приезда в Бат. Примерно в том же районе находился и замшелый дом Руперта на Хэй-Хилл, который они посетили этим утром. К удивлению Джули, Даймонд предложил пройти пешком.

— Почему бы и нет? — пожал плечами детектив. — Вряд ли мы сильно опоздаем.

— Но если вы хотите ее...

— Думаете, леди будет против того, чтобы прогуляться по городу в наручниках? — Эта идея заставила его улыбнуться. — Если понадобится, мы вызовем транспорт. Ну, как?

Хотя Даймонд ходил не слишком быстро, они успели почти вовремя. В две минуты пятого детективы уже звонили в дверь. Вправо и влево от подъезда убегала изящная дуга старинной улицы. По дороге бесконечным

потоком мчались машины, но идеальная брусчатка мостовой почти примиряла их с классической строгостью георгианского стиля.

После недолгого ожидания дверь открыла седая тощая старушка в халате цвета лаванды.

Даймонд нахмурился. Он ожидал увидеть совсем другого человека.

— Мисс Чилмарк?

— Боюсь, вы ошиблись. Она живет в подвале. Не беспокойтесь, такое часто бывает. — Дрожащая рука указала на железную решетку справа.

Мисс Чилмарк в подвале? Они перегнулись через решетку и посмотрели вниз. Пожалуй, подвал выглядел лучше обычного: чисто вымытый, без мусора на ступеньках и с зеленой туей в кадке. Они спустились по лестнице.

Им сразу открыла пожилая женщина — лет на двадцать моложе и крепче телом — ипустила их внутрь. Света внизу было маловато. Первое, что почувствовал Даймонд в квартире мисс Чилмарк, — цветочный запах, стоявший вокруг нее как облако. В тесной прихожей он так сильно ударил ему в нос, что у него выступили слезы. На хозяйке был черный жакет, надетый поверх ослепительно-желтого платья, шуршавшего при каждом шаге. Ее пальцы, уши и шея блестели золотом.

— Мы попали не в ту дверь, — сообщил Даймонд, пытаясь завязать беседу, но начало вышло неудачным.

— О-о, — протянула мисс Чилмарк с отчаянием в голосе. — И вы сказали ей, что из полиции?

— Нет, мэм. Просто спросили вас и узнали, как к вам пройти.

Но ее это не успокоило.

— А полицейская машина? Наверно, она ее видела.

Даймонд ответил, что они пришли пешком, и мисс Чилмарк немного смягчилась. Они прошли по узкому коридору, рискуя свалить развешанные на стенах фарфоровые блюда. В небольшой комнате, которую она представила как свою гостиную, было жарко и пахло,

как в кондитерской. Если броский наряд хозяйки пора-жал своей яркостью, то здесь все казалось блеклым. Вы-цветший ковер на дощатом полу. Бледно-голубые стены с портретами викторианских господ и дам и еще каких-то разодетых в пух и прах особ, самодовольно смотревших на них с дешевых репродукций. Два ветхих кресла и ди-ванчик в розовых и бежевых тонах. Газовый камин ше-стидесятих годов с декоративной полкой, на которой пылились пять или шесть книг и куски горных пород, служившие пресс-папье для писем. Над камином висела темная картина, изображавшая собор со шпилем.

— Видите, с другой стороны это вовсе не подвал, — поспешила заметить мисс Чилмарк, подойдя к окну и от-дернув ситцевые занавески. — Тут у меня первый этаж и садик.

— Это потому что здание построено на склоне?

— Да. Там, внизу, Уолкот-стрит. Весь дом принадлежит мне, но это слишком много для одинокой дамы, поэтому я сдаю другие этажи.

Вероятно, эта версия прозвучала бы более убеди-тельно, если бы она оставила себе бельэтаж, а не цоколь. Мисс Чилмарк мало походила на женщину, которая бы добровольно согласилась жить в подвале собственного дома, даже с видом на Уолкот-стрит. К тому же обста-новка ее квартиры намекала на другую, более правдивую историю и напоминала скорее последний приют жен-щины, знавшей лучшие времена.

— Солсбери? — спросила Джули, подойдя к каминной полке, чтобы лучше рассмотреть картину.

— Самый высокий шпиль в Англии, — с гордостью от-ветила мисс Чилмарк. — Построен семьсот лет назад из чилмаркского камня.

— У вас что, была своя каменоломня? — спросил Дай-монд.

— Камень назван в честь деревни Чилмарк.

— Значит, вы владели деревней?

— Нет конечно.

Урок первый: у нее нет чувства юмора.

— Я думала, все слышали о чилмаркском камне. Его называют камнем архитекторов — это идеальный материал для строительства. Собор в Солсбери, Чичестер, Уилтон-хаус... Боюсь, у меня закончился шерри: в выходные было много посетителей, а мой виноторговец еще не доставил новую партию. Хотите чашечку «Эрл грей»?

Даймонд попросил ее не беспокоиться.

— Мы расследуем преступление. Вы, конечно, слышали о смерти Сида Тауэrsa?

— Ужасная история, — покачала головой мисс Чилмарк. — Такой скромный молодой человек. Почему самые плохие вещи всегда случаются с самыми лучшими людьми?

— Вы так считаете? — Даймонд мог бы оспорить это сомнительное заявление, но ему не хотелось терять время. — Насколько я знаю, вы посещали один и тот же клуб — «Ищейки»?

— Да.

— И вы один из самых старых его членов, верно?

— Скажем так — я вступила в клуб очень давно.

— Раньше Сида?

— Конечно. Не хотите присесть?

Даймонд принял ее предложение и почувствовал впившуюся в тело пружину: диванчик, как и его хозяйка, знал лучшие времена.

— Мы пытаемся понять, что за человек был Сид. Надеюсь, вы сможете нам помочь, мэ. Вы встречались с ним за пределами клуба?

Мисс Чилмарк покраснела:

— На что вы намекаете, суперинтендант?

— Ваш ответ «нет»?

— Разумеется.

— Я не имел в виду ничего дурного. Кажется, он работал в охранной фирме. Как она называется? «Неуязвимые». Вам когда-нибудь приходилось иметь дело с «Неуязвимыми», мисс Чилмарк?

— Даже не представляю, зачем мне это могло бы понадобиться.

— Может, у вас установлена сигнализация?

— В доме? Ну что вы. В таком благородном здании подобная вещь смотрелась бы неуместно.

— А как насчет оборудования внутри квартиры? Сенсорные датчики, электроника, видеонаблюдение?

— У меня превосходные замки. Больше мне ничего не нужно.

— Понятно, — кивнул Даймонд. — В прошлый понедельник, когда произошло убийство, вы пришли на собрание «Ищеек». Я буду вам очень признателен, если вы вспомните какие-нибудь подробности об этом вечере, и в особенности — о Сиде Тауэрсе.

Мисс Чилмарк с досадой поцокала языком:

— Для меня это был чрезвычайно беспокойный вечер, уверяю вас.

— Пока вы об этом не рассказали, можно узнать, как все началось? Вы прибыли на встречу первой?

— Нет. Полли — то есть миссис Уайчирли — была уже на месте. Как и бедный мистер Тауэрс.

— Значит, первыми пришли они? Я хотел бы остановиться на этом моменте. Когда вы вошли, они беседовали между собой?

— Вряд ли мистер Тауэрс был способен с кем-то беседовать.

— Где они стояли?

— Что вы имеете в виду?

— Вопрос понятный, разве нет? Где находилась миссис Уайчирли?

— Она не стояла. Полли уже сидела в круге. Мы обычно расставляем стулья в форме круга.

— Вы делаете это сами?

— Да. Первый, кто придет. В прошлый понедельник я помогала мистеру Моциону, потому что мы оказались в крипте раньше всех. Но в тот раз он немного опоздал —

застрял в пробке. Ему приходится ездить из Лимпли-Стоук, где стоит яхта.

— Выходит, в прошлый раз стулья расставляли Сид и миссис Уайчирли?

— Думаю, да. Сама я этого не видела.

— Полли — ваш председатель, верно?

— Можно и так сказать, — ответила мисс Чилмарк, рассматривая тыльную сторону своей ладони.

— Кажется, вы не очень уверены в ее компетентности.

— Просто на мой старомодный взгляд председатель должен уметь вести дискуссию. Кстати, в тот раз я сама проявила инициативу, что было благосклонно воспринято членами клуба.

— Как это произошло?

— В самом начале — до того, как собрание превратилось в хаос, — я предложила использовать наши знания детективной литературы и обсудить настоящее преступление, случившееся в нашем городе, — кражу марки из Музея почты.

Даймонд бросил взгляд на Джули и снова обратился к мисс Чилмарк:

— Вот как? И что навело вас на эту мысль?

— Как только я прочитала статью в «Кроникл», мне стало ясно, что мы должны этим заняться. В первый раз у нас появился шанс поразмыслить над реальным и еще не раскрытым преступлением.

— Вы не помните, что при этом говорилось?

— Отлично помню. Во-первых, мы обсудили, для чего вообще могла быть похищена такая известная марка. Джессика, дама из галереи «Вальсингам», — она никогда не упустит случая высказать свое мнение, — выдвинула версию, что кражу совершил какой-то фанатик-коллекционер. Мисс Миллер, наша новенькая, предположила, что похититель потребует крупный выкуп. Она даже придумала, как это можно сделать через секретный счет в швейцарском банке. Потом все взгляды обратились ко

мне, и я перевела разговор на гораздо более интересную тему — стихотворные загадки.

— Ну, да, эти стишки.

— У меня были вырезки из газет. Мы быстро решили, что сосредоточим все внимание на второй загадке.

— «Виктория, важная старая дама, где ты?» — продекламировала Джули.

— Кому-нибудь удалось прояснить ее значение? — спросил Даймонд.

Лицо мисс Чилмарк выразило полное удовлетворение.

— Полагаю, я приблизилась к ее решению. У меня степень по английской литературе, и я убедительно продемонстрировала, что обе загадки имеют стилистическое сходство, например расположение рифм и длину строк.

— Тонкое замечание, — кивнул Даймонд. — И каков же был ваш ответ?

— До этого дело не дошло, — покачала головой мисс Чилмарк. — В комнате появился этот ужасный человек, и все полетело в тартарары.

— Вы говорите о Руперте Дарби? Кажется, у вас был инцидент с собакой.

— Скорее, последний из серии инцидентов. — Щеки мисс Чилмарк порозовели от негодования. — Поведение этого человека недопустимо. Оно было таковым с самого начала. Долг председателя — сделать внушение члену клуба или, по крайней мере, обеспечить хоть какой-то порядок. Но Полли смотрела на все сквозь пальцы. В один прекрасный день, безо всякого предупреждения, он явился на встречу с собакой — омерзительной псиной — с таким самодовольным видом, словно мы все должны были этому обрадоваться. Огромный, грубый, невоспитанный, злобный пес. Миссис Уайчирли ничего не сделала, несмотря на мои протесты. В позапрошлый раз он прыгнул прямо в круг и обрызгал нас с ног до головы. А на этой неделе сразу набросился на меня.

— Он вас укусил?

— Я уверена, что собирался. Его едва успели оттащить. Неудивительно, что у меня случился приступ.

Джули, сама державшая дома двух больших собак, не удержалась от замечания:

— Если бы пес хотел вас укусить, он бы это сделал. Они не любят валять дурака.

Даймонд поспешил задать новый вопрос:

— Вы думаете, мистер Дарби нарочно привел собаку, чтобы досадить вам?

— Я в этом не сомневаюсь.

— Какие-то личные счеты?

— Не помню, чтобы я давала для этого повод.

— Он живет очень уединенно, недалеко от вас, на Хэй-Хилл?

Мисс Чилмарк выпрямилась в кресле.

— Что вы хотите этим сказать?

— Ничего, мэ. Просто констатирую факт. Вы почти соседи.

— У него помойка, а не дом, — произнесла она с отращением.

— Вы у него были?

— Помилуй бог! В этом нет необходимости. Достаточно взглянуть на окна. Я стараюсь не смотреть в ту сторону, когда прохожу мимо.

— Если учесть, как вы относитесь к этому человеку, странно, что вы не ушли из клуба. Вряд ли вам приятно его присутствие.

Ее губы сжались в твердую ярко-оранжевую линию.

— С какой стати я должна позволить ему изгнать — да, именно изгнать меня из общества, в котором я с удовольствием проводила столько времени? Скажите на милость! — В этот момент мисс Чилмарк выглядела поистине внушительно — настоящая английская леди былых времен. Она стала похожа на одного из своих предков, с каменными лицами смотревших на них с запылившихся картин.

— Простите, я просто пытаюсь понять, что вас так привлекало в этом клубе, — заметил Даймонд. — Насколько я понял, между его участниками нет ничего общего, кроме интереса к детективной литературе.

— А разве этого недостаточно? Чтобы создать группу по интересам, людям не обязательно быть похожими, как две горошины в стручке. Мы обсуждаем книги, которые нам нравятся. Вкусы у всех разные, это ясно, и никто не просит вас соглашаться со всем, что вам говорят, но сама по себе дискуссия расширяет горизонты. Без этого многие члены клуба никогда бы не пошли дальше Агаты Кристи и Дороти Сэйерс. Вы понимаете, о чем я говорю? Лично у меня куда более требовательные вкусы. Не думаю, что вы знакомы с Эко.

Даймонд что-то слышал о так называемых «борцах за экологию», которые забирались на деревья в Сэнсвике каждый раз, когда там шел ремонт дороги. Но он очень сомневался, что они могли вызвать симпатию мисс Чилмарк.

— Нет, я с ними не знаком.

— Не с ними, а с ним. Это фамилия писателя.

Джули хранила деликатное молчание.

— Умберто Эко, — произнесла мисс Чилмарк, со вкусом демонстрируя раскатистые «р» и растягивая слоги, как истинная итальянка, — величайший из современных авторов. Называть его детективным писателем — значит принижать его талант, хотя «Имя розы», несомненно, лучший из всех когда-либо написанных детективов.

— Я его смотрела, — кивнула Джули. — С Шоном Коннери.

Мисс Чилмарк поморщилась:

— Речь о книге.

— Но и фильм совсем не плох, — заметила Джули.

— Сомневаюсь. Как какое-то кино может достичь уровня настолько интеллектуальной и изощренной книги?

Джули сдержанно спросила:

— В таком случае, что вы думаете о «Маятнике Фуко»?

Сцена была восхитительной, тем более что ее никто не ожидал. Даймонд понятия не имел, кто этот Фуко и чем так интересен его маятник, но это не имело значения. Вопрос Джули ударил по мисс Чилмарк, как пушечное ядро. Она буквально потеряла дар речи.

— Я, э, не могу сказать, э, что я, как это говорится, очень хорошо разбираюсь в этом вопросе.

Прежде чем она успела прийти в себя, Даймонд спросил:

— Вы водите?

— Э... машину?

— Да. Я не представляю вас на мотоцикле.

— У меня есть маленький автомобиль. «Монтего».

— Где вы его держите?

— В платном гараже на Лэндсдаун-Мьюз.

— Цвет?

— Синий. Темно-синий. Почему вы спрашиваете?

— Регистрация?

Мисс Чилмарк назвала номер. Он начинался на букву «F» — машина была старой.

— Вы ездили на ней в понедельник после встречи в клубе?

— Конечно нет. От меня рукой подать до Св. Михаила. К тому же я была слишком потрясена историей с собакой, чтобы сесть за руль.

— Тогда как вы добрались до дома? Пешком?

— Да.

— И никто не предложил вас подвезти?

— Не помню. Если и предложили, я отказалась. Я чувствовала себя достаточно хорошо, чтобы самой добраться до дома.

Даймонда как раз интересовала физическая форма мисс Чилмарк, и во все время разговора он мысленно ее оценивал. Несмотря на возраст, это была крепкая, даже сильная женщина: такая вполне могла пробить голову мужчине каким-нибудь тяжелым предметом.

— И, вернувшись домой, вы уже не выходили?

— Нет. Зачем?

— У вас был кто-нибудь в этот вечер? Посетитель?

Взгляд, которым наградила его хозяйка дома, красноречиво говорил о том, что ему лучше не переходить границы.

— Как вы смеете?

Даймонд улыбнулся.

— Поверьте, мисс Чилмарк, я не имел в виду ничего предосудительного. Я просто хотел выяснить, есть ли у вас алиби на то время, когда произошло убийство.

— Надеюсь, вы не думаете... — Она была так поражена, что у нее сорвался голос.

— Но, как я теперь вижу, его у вас нет, — закончил Даймонд. — Жаль. — Детектив тяжело поднялся с дивана и пересек всю комнату, чтобы получше рассмотреть висевший на стене групповой портрет.

Усатый мужчина в сером костюме и широком галстуке стоял, засунув большой палец в часовой кармашек и демонстрируя торчавшую оттуда золотую цепь. Его молодая жена красовалась рядом в роскошном голубом платье. В руках она держала веер из страусовых перьев. На переднем плане разместились три маленьких мальчика: один, в матросском костюмчике, с обожанием смотрел на своего отца.

— Ваша семья?

Мысли мисс Чилмарк были заняты чем-то другим. Она ответила не сразу.

— О, да. Это бабушка и дедушка, с моим отцом и двумя его братьями, Эсмондом и Гербертом.

— Выглядят очаровательно.

— Дедушка был мэром Бата перед Первой мировой войной.

— Неужели? Они жили в этом же доме?

— Да.

— Наверно, он переходит в семье по наследству? — Даймонд отвернулся от картины и посмотрел на мисс Чилмарк. — Вы сказали, он все еще принадлежит вам?

Она пробормотала что-то неразборчивое и кивнула.

— Разумеется, в случае каких-либо сомнений мы всегда можем справиться в налоговой службе, — небрежно обронил детектив. Повисло неловкое молчание. После паузы он добавил: — Или спросить у старой дамы наверху.

— Нет, нет! — Мисс Чилмарк охватила паника. — Хорошо, хорошо! — Она откашлялась. — Технически говоря, дом мне не принадлежит. Но я прожила в нем всю жизнь и привыкла считать его своей собственностью.

Хотя ее приперли к стенке, она изо всех сил старалась сохранить лицо.

— Технически говоря? — переспросил Даймонд. — Так вы его продали?

— С условием, что буду жить в нем до конца своих дней.

— Как давно заключена сделка?

Мисс Чилмарк уперла руки в бока и вскинула голову, пытаясь сохранить достоинство.

— Не вижу, какое отношение это имеет к полиции.

— Имеет, раз вы даете нам ложные показания, — возразил Даймонд. — Нам нужна правда, мисс Чилмарк. Если вы вводите нас в заблуждение, мы должны знать почему.

— Просто недоразумение.

— Я так не думаю, мэ. Когда вы продали дом?

— В январе 1993-го.

— Наверно, это было непростое решение.

— Обстоятельства меняются, — с философским видом заметила мисс Чилмарк.

— Возникли непредвиденные расходы?

— Почему я должна что-то объяснять? В наше время одинокой женщине очень трудно жить на собственные средства. Мои сбережения съели инфляция и несколько неудачных капиталовложений, поэтому я трезво взвесила свои возможности и решила продать дом. Все равно мне некому его передать. По крайней мере, теперь я могу спокойно встретить старость.

Вскоре после этого разговор закончился. Когда они вышли на улицу, Джули заметила:

— Вы здорово прижали ее насчет продажи дома.

— Я только начал, — ответил Даймонд. — Через ее руки прошли горы денег. Я сомневаюсь насчет неудачных инвестиций — если, конечно, речь идет не об азартных играх. Надо копать дальше, Джули. Продав дом пару лет назад, она заработала целое состояние. Недвижимость в Парагоне потянет минимум на четыре сотни штук, даже с сомнительным жильцом в подвале. Где теперь эти средства?

— Наверное, в банке, — предположила Джули.

— Что-то я не вижу, чтобы она их тратила. Подвал нуждается в ремонте. Мебель тоже не мешает обновить — по крайней мере, диван. У нее машина пятилетней давности. Разве она похожа на женщину, у которой в банке сотни тысяч фунтов?

— Некоторые люди предпочитают жить экономно.

— И драгоценности у нее тоже ненастоящие, как вам показалось?

— По-моему, это подделка, — признала его напарница.

— Джули, я хочу, чтобы вы кое-что выяснили, — продолжал Даймонд. — Полистайте газеты за 1993 год. Узнайте, кто из агентов заключил контракт. Найдите его, побеседуйте о том о сем. Постарайтесь узнать цену сделки, в какой банк она положила деньги и фамилию нового владельца. Возможно, это как раз та старая дама наверху. Если у нас будет название банка... Сможете это сделать?

— Не нарушив закон о защите данных?

— Разве я об этом что-то говорил?

— Но вы хотите заглянуть в ее банковский счет, не так ли?

— Ну да.

— Я сделаю все возможное, если вы скажете мне, что это необходимо.

Он обернулся, чтобы посмотреть ей в лицо.

— Что значит — если необходимо? Это бунт?

Джули покачала головой:

— Просто у меня в кармане по-прежнему лежат наручники. Вы попросили меня их захватить, но они не понадобились.

— Благодаря вам.

— В самом деле?

— Да, я хотел лишь напугать ими старушку. Сломать ее защиту. Но вы сделали это гораздо мягче и умнее, используя ваши знания китайской литературы.

— Китайской?

— Фу-Хо или как его там.

Она рассмеялась

— «Маятник Фуко». Китайцы тут ни при чем. Это книга Умберто Эко, писателя, о котором она говорила.

— Не важно. Все равно это был блестящий ход. Он ее сразу поразил, как, впрочем, и меня. Откуда вы о нем знаете?

Она покачала головой:

— Лучше я не буду говорить.

— Да ладно, говорите.

— Вы будете разочарованы. Все слишком очевидно.

— О нет! — воскликнул он, вспомнив обстановку комнаты. — Это была одна из книг на полке?

— Верно. Ну как, вы по-прежнему думаете, что это блестящий ход, или уже не так уверены?

Он не успел ответить. У Джули запищала рация.

— Детектив Харгривз, — ответила она.

— Суперинтендант Даймонд с вами, мэм? — спросили с Манверс-стрит.

— Да.

— Передайте ему, пожалуйста, что его срочно ждут в участке. Мы получили новое сообщение. Кажется, это еще одна загадка.

Третья загадка

ГРУЗ

Глава 27

Помощник начальника полиции Арнольд Масгрейв сидел за столом, прикрыв глаза ладонями. Напротив него в двух креслах разместились Джон Уигфул и Питер Даймонд. Оба мрачно размышляли о том, что вся тщательно выстроенная ими конструкция рассыпалась как картонный домик.

Наконец мистер Масгрейв глубоко вздохнул и потер пальцами лицо, потом сложил ладони и уперся в них подбородком.

— Если говорить коротко, — произнес он с ноткой упрека в голосе, — мы вернулись к тому, с чего начали. К тайне запертой комнаты. Ваша стройная теория насчет яхты разлетелась на куски, Джон.

— Если верить новым данным, сэр, — отозвался Уигфул, бросив косой взгляд на Даймонда.

— Иногда мне кажется, что вы поете в одном хоре. — Мистер Масгрейв резко одернул на себе пиджак. — Факты — упрямая вещь. Никто не подменял замок. Это то же самое устройство, которое купил Майло Моцион. Найденный в канале ключ полностью к нему подходит. Так?

— Да, сэр, — признал Уигфул.

— Хуже того — вор до сих пор не найден, — жестко продолжал мистер Масгрейв. — Сегодня появилась новая

загадка, а это значит, что вы ошибались насчет Сида Тауэrsa. Он вовсе не злой гений, который сочинил эти чертовы стихи и украл «Черный пенни».

— Мне кажется, не только я ратовал за эту версию, — робко заметил Уигфул. — Если помните, во время нашей последней встречи детектив Даймонд продемонстрировал нам бумажный пакет с набросанными на нем рифмами. Это была веская улика против Сида Тауэrsa.

Мистер Масгрейв перевел дух, как человек, старающийся сохранить спокойствие в чрезвычайной ситуации.

— Я не говорю, что вы один шли по ложному пути, Джон. Если загадка подлинная — а я уверен, что так оно и есть, — мы все сели в лужу.

— Можно еще раз послушать стишок? — поспешил спросить Даймонд, пока речь не зашла о его собственных просчетах.

ПНП взял со стола листок и прочел бесстрастным тоном, подчеркивавшим все испытываемое им отвращение:

Когда свалить сей тяжкий груз хотите,
От Сида к Сиднею дорогу проложите.

После недолгой паузы Даймонд переспросил:

— К Сиднею?

— Вполне в духе этого мошенника, — заметил Уигфул. — Полная околесица. Он пишет так, чтобы мы ничего не поняли до того, как это произойдет.

— Я бы не сказал, что он пишет околесицу, — возразил Даймонд. — Предыдущие загадки имели смысл.

— Да, но только после того, как мы получили всю информацию. Никто не смог бы догадаться о краже в Музее почты по его первому стишку.

— Зато теперь у нас больше шансов, — заметил Даймонд. — Мы знаем, что значили первые загадки. По ним можно судить о том, как он мыслит.

— Или она, — вставил мистер Масгрейв. — Не будем делать сексистских допущений. Но вы правы, Питер. Если

мы не смогли разгадать старые шарады, это еще не значит, что нам не под силу раскусить новую. Хотя этот «Сидней» тоже сбивает меня с толку. В деле есть какая-нибудь связь с Австралией?

Даймонд посмотрел на Уигфула:

— Пока нет.

— А как насчет первой строчки: «Когда свалить сей тяжкий груз хотите»?

Уигфул, желая восстановить свою репутацию, поторопился дать объяснение:

— Фраза «свалить сей тяжкий груз» ничего не значит, это просто старомодное выражение, так же, как «перечить» или «доколе» в первых загадках. Может быть, не настолько устаревшее, но в том же духе.

Мистер Масгрейв кивнул:

— Вряд ли можно сомневаться, что их написал один и тот же человек. Напечатано таким же шрифтом, да и бумага, я думаю, та же самая.

— Каким образом ее распространили, сэр? — спросил Даймонд.

— Так же, как и раньше: отправили в местные газеты.

— Еще один момент, сэр, — добавил Уигфул, стараясь продемонстрировать позитивный взгляд на вещи. — На этот раз автор выражается более прямолинейно, почти подталкивая нас к разгадке. «Свалить сей тяжкий груз...» Звучит так, словно преступник сам желает сбросить маску. Давайте представим, как это выглядит в его глазах. Он совершил незаурядное преступление, сочинил остроумные стихи, а в ответ — никакого признания, никакой награды. Уверен, его все больше гложет жажда славы.

— Это оптимистичная версия. — Мистер Масгрейв повернулся к Даймонду. — Что скажете?

— Надеюсь, Джон прав. Видит бог, мы очень нуждаемся в прорыве.

— Ладно. Теперь вторая строчка: «От Сида к Сиднею дорогу проложите». Про Сида мы знаем. Но что такое «Сидней», если это не Сидней в Новом Южном Уэльсе?

— В Бате есть места с таким названием, — заметил Даймонд. — Сидней-плейс, Сидней-роуд, Сидней-Гарденс, Сидней-Билдингс, Сидней-Уорф.

— Сидней-Мьюз, — подсказал Уигфул.

— Уже лучше, — кивнул мистер Масгрейв. — Они как-то связаны с «Ищайками»?

— Насколько мне известно, нет, — ответил Даймонд.

— И никто из них не живет на одной из этих улиц?

— Нет, сэр.

— Значит, они не представляют для нас интереса. Как насчет Сидней-Гарденс?

— Там есть музей... — начал Уигфул и, не успев договорить, вцепился руками в подлокотники. — О господи, вы думаете, он планирует новую кражу?

Даймонду, который мало интересовался культурной жизнью города, пришлось объяснять, о чем идет речь. Музей Холбурн, устроенный в бывшем отеле посреди парка и расположенный в самом конце Грейт-Палтини-стрит, мог похвастаться одной из лучших в Европе коллекций керамики и серебра, а также полотнами Гварди, Цоффани, Тернера и Гейнсборо.

— Надо предупредить охрану, — заявил мистер Масгрейв. — Прямо сейчас. — Он снял телефонную трубку и протянул ее Уигфулу. Когда тот сделал звонок, ПНП продолжил:

— Давайте пока забудем о загадке. В каком состоянии сейчас расследование дела, Питер?

— Мы продолжаем допрашивать свидетелей. — Ответ прозвучал неубедительно, и Даймонд это понимал.

— То есть «Ищеек»?

— Да. Они уже дали показания оперативникам. Я провожу повторные допросы вместе с детективом Харгривз. Мы поговорили с мистером Моционом, миссис Шоу, мистером Дарби и мисс Чилмарк. Остались двое: мисс Миллер и миссис Уайчирли.

— Смогли что-то накопать?

— Пока нет никого, кого можно было бы исключить из списка, сэр. Не считая Майло Моциона, который в момент убийства находился в полиции. Он физически не мог вернуться на яхту и убить Сида Тауэrsa, прежде чем дежурный зафиксировал его визит. Но у остальных «Ищеек» нет надежного алиби. Насколько мне известно, у каждого подозреваемого есть автомобиль, поэтому любой из них мог попасть на яхту.

— Вы серьезно думаете, что это могла сделать женщина?

— Проломить голову Сиду? Без проблем.

— И мисс Чилмарк?

— Она немного старовата, но, в общем, еще довольно крепкая.

— Как насчет мотива?

— У мисс Чилмарк? Есть один любопытный момент. Джули Харгривз над этим работает.

— Что за момент?

— Похоже, в последние годы у нее было много денег. В девяносто третьем она продала дом. Сейчас могла бы купаться в роскоши, но это не так. Я хочу узнать почему.

— Шантаж?

Даймонд развел руками:

— Она очень дорожит своей репутацией.

— А другие свидетели? Миссис Шоу? Там есть что-то интересное?

— Почти нет. Вопрос не столько в том, что она сделала, сколько в том, о чем она умолчала. Из другого источника — от Майло — мы знаем, что она пыталась подружиться с Сидом Тауэрсом. Возможно, просто из симпатии. Я бы очень удивился, если бы у нее были на него какие-то виды. После собраний «Ищеек» она пару раз водила его в бар. Когда мы общались с миссис Шоу, она сказала, что Сида опекала Полли Уайчирли, но ни словом не обмолвилась о том, что сама пропустила с ним пару стаканчиков. Я указал на это обстоятельство, и ей пришлось его признать.

— Думаете, она что-то утаивает?

— Перед этим она уверяла, что, если бы кто-то попытался обменяться с Сидом парой слов, он бы тут же унес ноги.

— Но она попыталась?

— Да.

— А Сид?

— Унес ли он ноги? Понятия не имею.

— Считаете, что миссис Шоу есть что скрывать?

— Пока я этого не заметил. Она в довольно близких отношениях с парнем по имени Эй Джей, который помогает ей в галерее. Возможно, тут можно было бы за что-то зацепиться, но мне не показалось, что у них роман. По крайней мере, ее эта тема не смущает.

— В этом и заключается ваша версия? — спросил ПНП. — Похоже, вы ставите на то, что Сид занимался вымогательством.

— А какие еще могут быть мотивы, сэр? Он же не спал с чужой женой.

— Тогда поговорим о Руперте Дарби.

— Кстати, о вымогательстве. Вот кто лакомый кусок для шантажиста. У Руперта был тюремный срок, и Тауэрс легко мог о нем узнать.

— Через свои связи с «Неуязвимыми»?

— Да, сэр. Однако Руперт даже бровью не повел, когда я заговорил о его судимостях. Наоборот, ему не терпелось рассказать историю о том, как он показал задницу судьбе. Он даже изобразил в лицах, как его судили, и процитировал свой приговор слово в слово. Похоже, ему это доставило большое удовольствие. Он щеголяет своим уголовным прошлым. Ему нравится шокировать людей.

— То есть, на жертву шантажа он не похож?

— Ни в малейшей степени.

Мистер Масгрейв поежился, словно из окна внезапно потянуло сквозняком.

— Если вы вычеркиваете из списка Дарби, у нас остаются только женщины.

— Не будем делать сексистских допущений, сэр.

ПНП это не понравилось. Он откинулся в кресле и предостерегающе ткнул в Даймонда пальцем.

— Я бы попросил вас избегать любого рода допущений, Питер, особенно в отношении меня. Лучше поскорее закончите свои допросы. Пресса сидит у нас на хвосте. Вы должны поймать убийцу.

Глава 28

Раздраженный тем, что вызвал гнев всегда покладистого ПНП, Даймонд вернулся на второй этаж, решив направить всю свою энергию на поиски преступника. Дела шли неважно, но это еще не повод срываться на других.

Джули он нашел в диспетчерской с трубкой в руках. Она прикрыла ладонью микрофон.

— Кто на проводе? — спросил Даймонд.

Она ответила одними губами:

— Банк.

Банк мисс Чилмарк. Значит, Джули уже успела до него добраться. Пока он точил лясы наверху, она занималась важными вещами. Слава богу, что у него есть Джули. Копаться в архивах, добывать информацию — это ее конек. Она держит под контролем все ниточки, связывающие местные власти, бизнес и финансы. У нее везде имеются полезные знакомые.

— Есть успехи?

Она покачала головой и продолжала слушать, играя карандашом: ставила его одним концом на стол, потом скользила пальцами сверху вниз, переворачивала и повторяла то же самое. Наконец Джули поблагодарила собеседника и положила трубку. Она улыбнулась Даймонду — скорее разочарованно, чем удовлетворенно.

— Все данные конфиденциальны. Они не скажут ни слова без официального запроса. Я получила кое-какие сведения от одного риелтора — не того, кто работал с мисс Чилмарк, а другого. В этом городе агенты знают

все друг про друга. Дом был продан миссис Нагент-Томас в январе 1993-го, как и сказала мисс Чилмарк.

— Цена сделки?

— Триста тысяч долларов при условии, что она останется жить в доме.

— И что она сделала с деньгами?

— Это я и пыталась выяснить.

— У кого?

— У кассирши банка. Мне казалось, она не против поделиться секретной информацией. Я долго ее обхаживала. Дело того стоило. Но ничего не вышло. Теперь нам нужен «план Б», даже если придется пойти в обход.

Даймонд покачал головой. У него не было времени на «план Б», в чем бы тот ни заключался. В конце концов, в школьной футбольной команде он всегда был форвардом.

— Наберите еще раз номер и позовите менеджера.

Джули с сомнением взглянула на шефа и нажала кнопку повторного набора номера.

— Сигнал пошел?

— Да.

— Скажите диспетчеру, что у вас личный звонок из филиала банка, скажем, в Дугласе, остров Мэн. Назовите мое имя, но не должность.

Как известно, форварды не славятся особой щепетильностью, зато часто используют обводящие удары.

Брови Джули поползли вверх, но она хорошо знала своего босса и не колебалась ни секунды. Выполнив данные ей инструкции, она протянула ему трубку.

Лицо Даймонда изменилось. Оно приобрело выражение легкой беззаботности, как будто он всю жизнь только и делал, что кормил голубей в Эбби-Грин.

— С кем я говорю?.. А, понятно. Это Питер Даймонд из Дугласа, филиал на острове Мэн. Как дела, старина? Сколько мы уже не виделись — лет десять? Со времен колледжа, верно? Слушай, может, это ерунда, но перестраховаться не мешает. У нас тут один парень хочет

открыть счет с банковским чеком, выписанным на лицевой счет в вашем отделении. Я сомневаюсь насчет чека. У вас есть такой клиент — мисс Хильда Чилмарк?.. Ага, отлично. Да, это имя владельца счета. Ты перед компьютером? Может, щелкнешь парой клавиш... Уже? Ну, ты и ловкач, а я вечно парюсь с этими машинами. Для начала вопрос — покрывает ли баланс на счете выписанную сумму? Даже если так, я не уверен, что ваш клиент правильно заполнил форму... Сумма три тысячи двести фунтов, но мой кассир считает, что «три тысячи» были вписаны задним числом. Ну, ты знаешь, впритык к следующей цифре, даже немного вылезает за строку... Имя предьявителя? Джон Браун, да, представь себе... Ага, я тоже так подумал... Конечно, буду рад, если ты проверишь... — Он улыбнулся Джули.

Та пробормотала:

— Не думала, что вы на такое способны.

Даймонд прикрыл трубку ладонью:

— Вы этого не слышали.

На другом конце линии снова послышался голос менеджера. Даймонд выслушал его с озабоченным видом.

— Вот как. Похоже, не зря я беспокоился. Говоришь, почти весь баланс? Черт, мне это совсем не нравится. Можно еще вопрос? В последнее время она не снимала крупные суммы денег?.. Ничего себе!.. Сама приходила в банк? Да, тут уж ничего не поделаешь. Говоря между нами, хотел бы я так жить. Ладно, мне надо пойти поговорить с этим парнем. Мы пока все притормозим, а потом разошлем официальные запросы. Так что жди весточки из головного офиса... Да ладно, пустяки. Мы все должны быть начеку. Спасибо. — Он положил трубку и обернулся к Джули. — В последний год она каждую неделю снимала со счета тысячу фунтов. Ну что, какие теперь шансы на шантаж?

Джули поразила сумма:

— Тысячу фунтов? Такие деньги не сразу потратишь.

— За неделю? Это невозможно.

— Невозможно? — переспросила она. — Дайте мне шанс.

— Давайте будем думать о работе, ладно?

Она улыбнулась:

— Что теперь? Снова к мисс Чилмарк?

— Не сегодня. Я хочу поговорить с Ширли-Энн Миллер.

Джули редко оспаривала его решения, но на этот раз не удержалась:

— Зачем тратить время? Если мисс Чилмарк шантажировали...

— Пока мы этого не знаем.

— Но это была ваша идея, мистер Даймонд, — напомнила она. — Даже если мы ошибаемся, почему бы ее не спросить?

— Еще сегодня утром вы настаивали, что нам нужно допросить всех подозреваемых.

— Да, но тогда мы застряли на мертвой точке. А теперь у нас масса новостей. Наверно, вы уже слышали про новую загадку?

— Я проинформирован помощником начальника полиции, — со страдальческим видом ответил Даймонд. — А вы как узнали?

— Только что, из передовицы в «Кроникл». Дежурный показал мне выпуск.

— Уже напечатали? И что вы об этом думаете? — спросил он.

Джули пожала плечами:

— Очень похоже на предыдущие стихи, если не считать того, что там говорилось про «Черный пенни». Возможно, это какой-то охотник за славой. Я хочу сказать — мы вроде уже выяснили, что прежние загадки писал Сид Тауэрс. На бумажном пакете остались его записи. Правда, там не стихи, а просто набор рифм, но я думала, что это довольно веская улика.

— Я тоже — до разговора с боссом, — ответил Даймонд. — На самом деле, все, что у нас есть, — это сплош-

ные парадоксы. Невероятное убийство в запертой каюте, мертвец, продолжающий писать стихи, и женщина, которая живет в подвале, но тратит по штуке в неделю. Вы были правы насчет допроса всех подозреваемых. Надо выяснить общую картину. Берите пальто.

Даймонд решил, что пеших прогулок на сегодня хватит: на Рассел-стрит они двинулись в медленном городском потоке. Он использовал это время, чтобы взвесить все «за» и «против» визита к Ширли-Энн. На данный момент она была наименее вероятным из всех подозреваемых — что само по себе неплохо, — и при этом одним из самых многообещающих свидетелей. Будучи новичком, она смотрела на членов клуба свежим и острым взглядом неопита, чувствовала его внутреннюю динамику, замечала скрытые течения и тайные симпатии, которые существуют в каждом обществе. Вероятно, побывав на двух последних встречах, она запомнила какие-то важные моменты, определившие дальнейшее развитие событий. В любом случае, необщительной ее не назовешь. Ее показания могут помочь им прояснить картину.

В начале шестого они позвонили в дверь квартиры на Рассел-стрит. Как только Ширли-Энн открыла дверь, в коридор хлынули аппетитные запахи. На ней был сногшибательный передник: натурально изображенное женское тело в шелковых подвязках и кружевном белье, расположенных в соответствующих местах. Правда, бледное личико самой Ширли-Энн и ее большие круглые очки под черной челкой не очень вязались с нарисованным нарядом.

— Кажется, мы не вовремя, — извинился Даймонд, представившись сам и представив Джули.

— О боже! — Ширли-Энн взглянула на своей передник и попыталась прикрыть его руками. — Я про него забыла. Не представляю, что вы обо мне подумаете! Но он не мой, честное слово. — Она быстро развязала поясок, стянула передник, бросила его на спинку стула и проводила гостей в комнату.

— Я имел в виду — вы что-то готовите, — объяснил Даймонд. — Смотрите, как бы не сгорело.

— А, пустяки. Просто кусок говядины из морозилки. Он может стоять на огне сколько угодно.

Они вошли в небольшую студию, где запах еды стал еще заметней. Когда-то это была просторная и красивая гостиная в георгианском стиле, но домовладельцы разделили ее на несколько частей, устроив в углу кухонную зону с раковиной, холодильником и посудомойкой. Остальную часть комнаты занимал жилой уголок с напольным ковром, парой кресел, телевизором и низкими столиками, заваленными книгами, газетами, письмами и глиняной посудой.

— Присаживайтесь. У нас тут полный бедлам. Что есть, то есть. Я и Берт работаем, поэтому у нас почти нет времени прибраться в комнате.

— Берт — это...

— Мой парень. В этом вся проблема. Когда живешь с бойфрендом, у тебя как будто два дома, которые втиснули в один. Никто не хочет отказываться от своих вещей — вдруг отношения закончатся? — поэтому все приходится держать в двух экземплярах. Мы вместе всего полгода. Хотите чаю?

Джули уловила паузу в потоке ее речи и вставила:

— Да, пожалуйста.

В ответ Ширли-Энн заговорила еще быстрее, хотя и без ущерба для артикуляции.

— Берт изо всех сил старается поддерживать порядок. Он гораздо аккуратней, чем я, но его почти весь день не бывает дома, так что в целом побеждает моя неряшливость. Можете не говорить, зачем вы пришли, — добавила она, переместившись в другой конец студии, чтобы наполнить чайник. — Я вас давно ждала. Со мной разговаривал один из ваших сержантов, он сказал, что будет еще один допрос. Правда, я мало чем могу помочь. Мы едва перебросились парой слов с тем беднягой, которого убили, хотя на меня это совсем не похоже.

— Вы недавно вступили в клуб «Ищеек»?

— Я была всего на двух собраниях. Но впечатлений море, доложу я вам. Я понятия не имела, во что ввязываюсь.

— Что вас подтолкнуло к этому решению?

— Стечение обстоятельств. Берт почти все вечера проводит в своем спортивном центре, где он работает. По вечерам у них больше всего посетителей, поэтому он возвращается очень поздно. Конечно, он накачанный парень и все такое, это приятно, но за все приходится платить. Я много читаю, но нельзя же все время сидеть за книгой? Услышав про «Ищеек», я решила, что это как раз то, что нужно.

— А как вы про них узнали?

— Прочитала в рекламном буклете — досуг в нашем городе и прочее. Берт притащил ее из своего центра, он знает, что я помешана на триллерах и детективах. Сам он не ушел дальше Джеймса Бонда, зато помнит все его приключения чуть ли не наизусть, как Библию. Но это книги для мужчин, а не для женщин. Все остальное его не интересует, поэтому мы мало можем говорить о литературе. Короче, я отправилась на встречу, и, по-моему, меня приняли там хорошо. Им не хватало новых членов. Мне говорили, что многие ушли из клуба. Это место для настоящих энтузиастов. — Она подняла с полу какие-то чашки и поставил их в раковину.

— Вы знали кого-нибудь из «Ищеек» до того, как вступили в клуб? — спросил Даймонд. Он нашел кресло-качалку и освободил ее от журналов по гольфу.

Джули тоже расчистила себе местечко и погрузилась в большое кресло.

— Нет. Ни разу их не видела. Но все отнеслись ко мне очень дружелюбно. По крайней мере, некоторые. Джессика — я про миссис Шоу, она владеет галереей на Норт-муберленд-плейс, — после собрания пригласила меня на чашечку кофе, а потом позвала к себе на вернисаж. Еще Полли Уайчири, председатель клуба и одна из его

основательниц: она тоже предложила сходить в «Ле Паризьен». Вообще, я дважды встречалась с Полли. Она очень ответственно относится к своим обязанностям.

— То есть?

— Во второй раз это было утром, как раз после того, как убили беднягу Сиды. Она пришла ко мне прямо на работу. Я раздавала брошюры с рекламой автобусных туров, поэтому мне не составило труда уделить ей несколько минут. Тогда я и узнала о том, что произошло. Полли тем же утром допросил кто-то из ваших людей, и она очень переживала из-за того, что сказала какие-то неприглядные вещи про Сиду, не зная, что он уже убит.

— Что конкретно она сказала?

— Не помню. А, нет, постойте. Она назвала его «дохлой рыбой», имея в виду, что он почти не вносил никакого вклада в работу клуба.

— Ужасно.

— Да. Она была просто убита.

— Больше она ничего вам не сказала?

— Дайте подумать. Ее потрясла эта история. Нам сразу стало ясно, что Сиды убил кто-то из «Ищеек».

— Почему вы так решили?

Ширли-Энн выключила газ и открыла заварной чайник в форме головы Шерлока Холма.

— Мы знали, что после встречи Сид отравился в Лимпли-Стоук к той гавани, где стояла яхта Майло. Полицейский сказал Полли, что недалеко от причала нашли машину Сиды. Не понимаю, зачем он туда поехал. В любом случае, он знал, что ему никто не помешает, потому что Майло решил пойти в полицию и наверняка провел бы там некоторое время. Но, видимо, Сид ошибся. Кто-то другой тоже отправился на яхту. И это был человек из нашей группы, потому что только мы знали, что Майло не будет дома.

— И Полли все это просчитала?

— Да, но не сказала вслух. Я сделала это за нее.

— Из вас вышел бы отличный сыщик, — заметил Даймонд, глядя, как она погружает два чайных пакетика в голову Холмса.

— Я уверена, Полли подумала то же самое, — ответила Ширли-Энн. — Она очень умная женщина и много читала об убийствах.

— Как вам кажется, почему она вам доверилась?

Ширли-Энн покраснела:

— Не знаю. Может быть, просто решила, что я в клубе новенькая и поэтому у меня точно не могло быть мотива убивать Сида. Если подумать, так оно и есть. Все остальные знали его гораздо лучше.

— Понятно. Некоторые в группе уже не первый год. Мистер Моцион, мисс Чилмарк. — Даймонд между делом ввернул фамилию мисс Чилмарк как старого члена клуба. — Весьма внушительная женщина, не правда ли?

— Сначала мне тоже так казалось, — ответила Ширли-Энн, — когда мисс Чилмарк начала говорить про свою древнюю родословную и прочую аристократическую чушь, которой люди вроде нее пытаются оправдывать свои претензии. Но на самом деле она слабая. Легко впадает в панику.

— Вы имеете в виду эпизод с собакой?

— Да, с собакой Руперта.

— Вы уверены, что все было по-настоящему?

Ширли-Энн нахмурилась:

— Хотите сказать, что она это разыграла? Нет, не думаю. Может, она себя и накручивала, но это другое дело. На прошлой неделе был еще один инцидент с Марлоу — так зовут пса, — когда тот отряхнулся посреди комнаты, и нас всех забрызгало. Мисс Чилмарк потом неделю вспоминала этот случай. И в начале следующей встречи, еще до прихода Руперта, она просила остальных поддержать ее и изгнать собаку. Так что, когда та на нее набросилась, это произошло на самом деле, я уверена.

— Гипервентиляция?

— Да.

— Значит, Руперт всегда ее бесил?

— Именно так.

— Вы не заметили, как она вела себя с другими мужчинами?

Ширли-Энн вопросительно подняла брови. Даймонд попробовал зайти с другой стороны.

— Мисс Чилмарк — нервная и пугливая женщина. Ее не смущает общение с мужчинами?

— По крайней мере, она этого не показывает. Помогает, она отлично ладит с Майло, помогает ему расставлять стулья, когда они приходят раньше всех.

— А Сид Тауэрс? Он ее не смущал?

— Не думаю. Как и все, она вела себя так, словно его вообще не существовало. Наверно, это самый лучший способ общаться с такими застенчивыми людьми.

Даймонд пошел дальше:

— Мне очень интересно услышать ваше мнение, мисс Миллер. Вы знаете, что Сид был убит в тот же вечер, и видели все, что происходило на собрании. У вас есть какие-нибудь версии?

— Насчет того, кто это сделал? Нет.

— И никаких подозрений?

— Ну... — Она замолчала, наливая кипяток в заварочный чайник. — Тогда их не было.

— А теперь? — не уступал Даймонд.

Ширли-Энн попыталась сдержаться, но это было выше ее сил.

— Подозрения — слишком громко сказано.

— Тогда как вы это называете — прозрением? Или женской интуицией?

Удар попал в цель, но результат оказался противоположным тому, что он ожидал. Ширли-Энн воинственно вскинула голову.

— Как вам подать чай — в чашке или просто вылить на голову?

В этот трудный момент Джули продемонстрировала свой пример «женской интуиции»: она быстро вмешалась в разговор, но на стороне Ширли-Энн.

— Ох, до чего знакомая история! — воскликнула она. — Это его вечная пластинка. Вы не поверите, какие вещи он говорит иногда женщинам! Не дай бог хоть намеком сказать что-нибудь такое, что не основано на железной логике или здравом смысле. Интуиция, как же!

Даймонд сидел с таким ошеломленным видом, словно ему на плешь действительно вылили содержимое чайника. Но поскольку он полностью лишился дара речи, говорливая Ширли-Энн тут же заполнила пробел.

— Вы правы. Мне действительно кое-что известно. Но я не хотела говорить.

— Так скажите — ради чести женщин, — предложила Джули, рискуя переиграть.

Но Ширли-Энн, разгорячившись, откровенно выложила всю историю про надпись на витрине и про то, как ее потом стер Барнаби, муж Джессики.

— Все это факты, — закончила она. — К черту интуицию.

Неожиданный маневр Джули застал Даймонда врасплох, но результат его вполне устроил.

— «Сид — ее работа», так там было написано?

— Ну, да.

— И вы сами это видели?

Поддержка Джули придала женщине уверенности.

— Разве я уже не сказала? Джессика буквально ткнула меня носом в стекло.

— С вами был кто-нибудь еще?

— Ее муж, Барнаби, и Эй Джей, художник.

— Мы видели Эй Джея, — вставила Джули. — Похоже, он много времени проводит в галерее.

— Это еще мягко сказано, — подхватила Ширли-Энн, окончательно забыв про осторожность. Женская солидарность с Джули полностью ее преобразила. — Удивляюсь, как ее муж это терпит.

— Терпит что?

— Ну, я тут как-то встретила их на берегу канала: гуляют, точно супружеская пара.

— Рука за руку?

— Я же не сказала — как влюбленная парочка.

— Значит, бок о бок?

Она кивнула:

— А это говорит о куда более прочной связи, на мой взгляд.

— Понимаю. Но ее муж присутствовал, когда вы обсуждали надпись на витрине?

— Да, и это было очень странно. Они с Эй Джем весь вечер просидели как два голубка, продавая гостям картины. Ни намек на соперничество. Наоборот, мне показалось, что они прекрасно ладят.

— А кто предложил стереть надпись?

— Барнаби. Джессика хотела вызвать полицию, но он посоветовал этого не делать, потому что тогда надпись восприняли бы всерьез.

— Это было решение Барнаби?

— Не только. Джессика спросила, что я об этом думаю, и я ответила, что если приедет полиция, то весь вечер будет испорчен. Сахару? — Она протянула чашку Даймонду.

— Выходит, они не сообщили об этом инциденте.

— Пока нет. Боюсь, они будут в ярости, когда узнают, что я проболталась.

Вполне возможно, что на самом деле эта информация ничего не стоила. Даймонд решил пока отложить этот вопрос.

Ширли-Энн продолжала:

— Меня это потом все время мучило. Сначала я думала, что не важно, заявили они в полицию или нет. Мне казалось, глупо думать, что Джессика могла причинить Сиду какой-то вред. Он ей скорее нравился, по крайней мере, она его жалела. Джессика сама мне об этом говорила.

— Но потом вы изменили свое мнение?

— В общем, да.

Она рассказала им свою теорию, придуманную накануне ночью: как Джессика и Сид разработали совмест-

ный план и как Сид повел себя неправильно, после чего она его убила.

— Как вам кажется? Звучит правдоподобно, разве нет?

Даймонд уклонился от ответа:

— Сейчас меня больше интересует, кто разделял ваши подозрения и сделал эту надпись на окне.

— А я знаю кто, — ответила она и прикусила язык.

— Вы видели, как это случилось?

— Нет. — Поток ее речи внезапно оборвался.

— Но вы знаете, кто ее написал, верно?

Она не ответила.

Вместо ожидаемого недовольства Даймонд неожиданно расцвел дружелюбием и улыбкой.

— Вы были с нами откровенны, мисс Миллер, и я это ценю. Мы ничего не могли бы сделать без таких честных и ответственных людей, как вы. Если вы знаете имя этого человека...

Беседу прервал звук открываемой двери. Ширли-Энн воскликнула:

— А, это, наверно, Берт. Он иногда приходит домой отдохнуть перед вечерней сменой.

В комнату вошел мужчина, и Даймонд привстал с кресла. Ширли-Энн проворковала:

— Привет, милый, ты сегодня рано. Не волнуйся. Эти люди из полиции.

Даймонд представил себя и Джули.

В первый момент ему показалось, что с Бертом могут быть проблемы. Мужчина молча расстегнул молнию на своей спортивной куртке. Он был невысокого роста, но рельефные мускулы на его груди, видневшиеся в вырезе футболки, говорили о продолжительных занятиях в «качалке». На самом деле в его движениях не было никакой агрессии. Своим поведением он просто утверждал себя в качестве хозяина этой территории, своего дома. Берт бросил куртку на спинку стула и спокойно спросил, не остыл ли чайник.

Джули сидела рядом с плитой и предложила налить ему чашку, но Ширли-Энн ее остановила:

— Спасибо, но Берт пьет свой травяной чай.

— Наверное, из чайника ноль-ноль-семь, — предположил Даймонд.

Берт бросил на него удивленный взгляд. Ширли-Энн объяснила:

— Я сказала им, что ты помешан на Джеймсе Бонде.

— Не преувеличивай, — ответил Берт.

У него был очень высокий голос для человека его комплекции.

Ширли-Энн подошла ближе и коснулась его крепкого бицепса.

— Не сердись. Если мне понадобятся ценные советы, я сразу обращусь к тебе. — Обернувшись к Джули, она добавила: — На этих могучих плечах сидит умнейшая голова.

Берт спокойно воспринял ее комплимент, заметив:

— Вряд ли они пришли сюда для того, чтобы услышать это.

Ширли-Энн ответила:

— Мы уже закончили беседу. — Она повернулась к Даймонду: — Знаете, Берт очень законопослушен. Он настаивал, что я должна сообщить о том, что произошло, и теперь я все вам рассказала.

Даймонда не интересовали ни законопослушность Берта, ни ее отсутствие у Ширли-Энн. Появление Берта прервало важный разговор.

— К сожалению, не все, мэм. Мы не закончили беседу. Вы как раз собирались рассказать, кто сделал надпись на витрине галереи «Вальсингам».

Прямота Даймонда заставила Ширли-Энн прикусить губу. Она пробормотала:

— Разве?

Джули утвердительно кивнула. Ширли-Энн оглянулась на Берта и беспомощно развела руками. Тот подал реплику:

— Ты можешь просто рассказать им то, что видела. А они уже сами решат, что к чему.

Девушка кивнула, откашлялась и обратилась к Даймонду:

— В общем, я не хочу, чтобы из-за этого у кого-нибудь были проблемы, но в тот вечер я заметила на одном человеке маленькие белые пятнышки, вроде снежинок.

— Кто это был?

— Руперт. Руперт Дарби. Я увидела их на берете, который он постоянно носит. Пятна были отчетливо видны на темном фоне. Тогда я подумала, что это перхоть. Берет был слегка испачкан, больше всего спереди. Я вспомнила об этом только поздно вечером.

— Мы были уже в кровати, — подтвердил Берт.

Ширли-Энн добавила:

— И тут меня вдруг осенило, что, возможно, это была не перхоть.

— Краска из распылителя?

— Ну, да. — Она нервно крутила прядь волос. — Может, я и ошибаюсь. Наверное, это можно объяснить как-то иначе.

— Они были похожи на пятнышки от аэрозоля?

— Мне так показалось.

— Вы говорите неуверенно. Все пятна были одинакового размера?

— Да, и очень маленькие. Послушайте, даже если Руперт написал эти слова, он сделал это в шутку. Перед этим он уже пропустил пару рюмок с какими-то знаковыми, которых встретил в «Голове сарацина». Скорей всего, он был навеселе.

— Вы заметили пятна на его руках или на другой одежде?

— Не помню. — Она задумалась. — Может быть, на плечах — поэтому я и решила, что это перхоть.

— Кому вы об этом рассказали?

— Только Берту.

— А Руперту?

Ширли-Энн даже передернуло от этого предположения.

— Он последний, кому бы я стала говорить. Мы едва знакомы. Он даже не помнит мое имя. Послушайте, если вы будете с ним это обсуждать, не выдавайте меня, ладно?

— Значит, Руперт присутствовал на вечеринке в галерее?

— Да, когда я приехала, он был там с друзьями, о которых я говорила.

— Вы не помните, как их звали?

— Помню. У них была необычная фамилия — Фолк или Волк. Она скульптор, ее работы были на выставке. А он — телесценарист.

— Руперт встретил их в «Голове сарацина»?

— Так он сказал.

— А когда, по-вашему, на витрине появилась эта надпись?

— Понятия не имею. Когда я входила в галерею, ничего не заметила, но я особо и не смотрела. Просто вошла, и все. Внутри было много света, много людей: в таких случаях скорее смотришь сквозь окно, а не на него.

— После выставки вы обсуждали с кем-нибудь этот эпизод — например, с кем-то из «Ищеек»?

— Только с Джессикой и Эй Джейем — сегодня утром, когда встретила их на набережной. Я уже говорила. — Она все больше нервничала, видимо, уже жалея о том, что проболталась.

— Ты виделась с ними сегодня утром? — спросил Берт. — По-твоему, это разумно?

— Все произошло случайно, милый. Я не нарочно. Надо же было поздороваться.

Даймонд вставил:

— Вы не рассказали, о чем был разговор. Речь шла об инциденте с надписью?

— Не помню. — Ширли-Энн быстро поправилась: — То есть, да, конечно. У меня просто мурашки шли по коже. Эй Джей сказал, что мы должны вычеркнуть этот

эпизод из памяти, а я сделала вид, что согласилась. Еще он говорил, что это сделал человек с извращенным чувством юмора. Джессика была по-прежнему возмущена и уверяла, что ни за что на свете не обидела бы Сида. Она заявила, что если этот мерзкий ублюдок — я цитирую ее слова, — что если этот мерзкий ублюдок еще раз позволит себе такую выходку, она обратится в полицию.

— Выходит, вы оказали ей хорошую услугу, — с улыбкой подытожил Даймонд. — Избавили от лишних хлопот.

Но Ширли-Энн не улыбнулась.

— Вы говорили ей про пятна на берете Руперта?

— Господи, конечно нет!

— И другим тоже? Полли, Майло, Руперту, вообще никому? — Получив утвердительный кивок, он повернулся к Берту. — Вас это тоже касается, сэр. Я не хочу, чтобы тут были какие-то недоразумения.

Глава 29

Припарковавшись перед зданием «Бальных комнат», Даймонд повернулся к Джули:

— Ну, что вы об этом думаете?

— Насчет берета?

— Да.

— Похоже на правду. К тому же это легко проверить. Даже если Руперт потом спохватился и оттер их спиртом, все равно остались микрочастицы. Криминалисты их найдут. Пара пустяков.

— Пара пустяков?

— Да, а что?

— Для начала нужно раздобыть сам берет. — Питер постоял у машины, брэнча ключами и обдумывая следующий ход. — От нас до Хэй-Хилл три минуты пешком. Мы можем пройти через магазин игрушек и повернуть на Альфред-стрит. А машину оставим здесь.

Когда они спускались по Сэвилл-роу, он остановился перед меню в витрине «Ла Лантерна», освещенной зна-

менитым янтарным фонарем, который и дал название этому кафе. После того, как он вдохнул запах говядины у Ширли-Энн, у него все время бурчало в животе. Даймонд любил поесть, а после ланча прошло уже много времени.

— Не хотелось бы потратить остаток вечера на этот чертов берет. Может, это пустой номер.

— Хотите, я сама этим займусь? — предложила Джули.

— Нет, мне надо увидеть этого парня и его берет тоже. — Он подавил чувство голода и снова зашагал по улице. — Честно говоря, Джули, я сильно заинтригован. Школьные выходки, глупые словечки на окне — все это как-то не вяжется с Рупертом.

— Пакостить исподтишка?

— Ну да. При всех его недостатках он предпочитает открытый бой. Если бы он заподозрил Джессику, то прямо сказал бы ей это в лицо, вам не кажется?

Джули пробормотала что-то в знак согласия и добавила:

— Если, конечно, он не убийца.

Даймонд не ответил. Он молча прошел мимо нескольких антикварных лавок с железными решетками на окнах.

— И это попытка замести следы, — объяснила Джули.

— Я понял.

— Если он почувствовал, что мы к нему подбираемся, то с отчаяния мог выкинуть что-то в этом роде.

Повисло новое неловкое молчание, после чего Даймонд нехотя пробормотал:

— Как ни странно, хотя у Руперта самая плохая репутация среди «Ищеек»: бывший уголовник, пьянчуга и все такое, — я никогда всерьез не рассматривал его как убийцу. Может, пришло время это изменить.

В вечерних сумерках Хэй-Хилл выглядел еще более хмуро и неприглядно, чем во время их первого визита. Гулявший между домами сквозняк гонял по мостовой бу-мажный мусор, кружил сухие листья и гремел пивными

банками, которые громко звякали о железные перила, прежде чем свалиться в чей-нибудь подвал. В окнах Руперта было темно. Их встретил только истошный лай Марлоу, заголосившего сквозь щель в двери, на месте которой раньше находилось отверстие для почты.

Они решили порасспрашивать местных жителей. Буфетчик в «Лэндсдаун армз» предположил, что в это время суток Руперта можно найти в баре «Парагон». Официантка в «Парагоне» сообщила, что он неплохо принял в обед и теперь вряд ли появится раньше семи. Чувствуя, как от аппетитных запахов сжимается желудок, Даймонд решил дожидаться Руперта в баре. Он уговорил Джули попробовать местный комплексный обед под названием «Ничего лишнего»: французский рыбный суп с крутонами, сыр и булочки с отрубями. Джули согласилась, что название подходящее.

За едой она спросила, как поживает его котенок.

— Неплохо, — ответил Даймонд. — Любит смотреть футбол по телевизору. Умыкает все подряд и складывает в кучки: ключи, расчески, ручки, часы, зубные щетки. Один такой «секрет» я нашел у себя в ботинке. Приходится осторожнее одеваться по утрам — есть риск пропороть ногу.

— Настоящий кот-воришка? — спросила Джули. — Назовите его Раффлз*.

— Раффлз? — Лицо Даймонда прояснилось. — Ему это понравится.

Посетители все прибывали. Очевидно, про это заведение знала половина Бата. Руперт не появлялся. Чтобы сохранить за собой столик (в зале их было всего три), Даймонд заказал крепы с форелью, брокколи и тертым сыром. На часах было уже без четверти восемь, когда они заплатили по счету и вышли из бара.

* Вор-джентльмен, персонаж криминальных рассказов Эрнеста Уильяма Хорнунга (1866—1921).

Новая попытка попасть в дом на Хэй-Хилл закончилась очередным приступом лая у скучавшего за дверью Марлоу. Ничего не добившись, они вернулись в машину и отправились по Бэтвик-Хилл в Кавертон, восточную часть города, чтобы поговорить с последним из оставшихся подозреваемых.

Полли Уайчирли жила одна в небольшом доме на тихой улочке за университетом. Одинокая роза в ее маленьком саду еще цвела, хотя была осень. Как только полицейские ступили на дорожку, на крыльце включилась яркая лампа.

— Мне бы такую безопасность, — прокомментировала Джули.

— Наверно, у нее просто нет пары больших собак.

Подходя к дому, Даймонд поднял голову и заметил на фасаде охранную сигнализацию. Но собак действительно не было. После звонка они услышали шаркающие шаги и звук отпираемого замка. Дверь приоткрылась на ширину стальной цепочки, и женский голос осторожно спросил: «Кто там?» Даймонд представился и показал в щель свое удостоверение.

Цепочка со звяканьем опустилась.

— Пока мы не вошли, — остановил ее Даймонд, — скажите, вы действительно мисс Полли Уайчирли, мэм?

Женщина подтвердила, что это она.

— Тогда все в порядке, — кивнул детектив и добавил, подмигнув Джули: — Осторожность никогда не помешает.

Но Полли Уайчирли приняла его шутку всерьез.

— Вы правы, — пробормотала она, полностью открыв дверь. — Только послушаешь, какие ужасы творятся в наше время... Даже в собственном доме не чувствуешь себя в безопасности.

Еще бы, подумал Даймонд, когда они вошли в прихожую. Она была увешана предметами, которые говорили о чем угодно, только не о безопасности: зулусский щит,

два скрещенных дротика, леопардовая шкура, боевой барабан и что-то похожее на шаманскую маску. С некоторым облегчением он перешел в гостиную, где все стены были закрыты книгами, аккуратно расставленными на полках и завернутыми в прозрачные обложки. Впрочем, облегчение длилось только до тех пор, пока он не прочитал заголовки на корешках. «Поцелуй меня насмерть», «Зверь должен умереть», «Кровавые деньги», «Труп в бильярдном зале». На одной из полок стоял открытый ящик с набором дуэльных пистолетов. Очевидно, отгородившись крепкими замками от всех ужасов внешнего мира, эта приятная седая дама садилась в уютное кресло, окруженная со всех сторон оружием, и погружалась в мир жестоких преступлений и убийств. В ее доме царил полный порядок. Но ему почему-то больше нравился кавардак у Ширли-Энн.

— Я плохо разбираюсь в книгах, — заметил Даймонд, чтобы начать беседу; он сидел на неудобном диванчике с стиле «хэпплайт» с деревянными подлокотниками и спинкой, — но мне кажется, у вас просто замечательная коллекция. Сразу видно, что вы приложили к этому много сил.

— Вы про целлофановые чехлы? Они защищают суперобложки от пыли, — объяснила она, словно это было самым обычным делом.

— Вам не кажется, что это нечестно по отношению к суперобложкам?

— Почему?

— Может, они не хотят, чтобы их защищали. Может, они хотят выполнять свою функцию.

Она оценила его юмор и рассмеялась.

— От пыли они потеряют свою ценность.

— Значит, это капиталовложение?

— Намного больше, — ответила Полли. — Вы не представляете, какое я испытываю наслаждение, когда мне в руки попадает хорошее первое издание.

— В суперобложке?

— Без них нельзя.

— Но ведь книга все равно останется той же самой, не важно, будет она в чистеньких обложках, как у вас, или просто завернута в старую газету.

— Разумеется, — кивнула она. — Наверху у меня полно книг для чтения.

— А эти вы не читаете?

— Нет.

— И что у вас там наверху? Тоже детективы?

Полли улыбнулась.

— Мой дорогой суперинтендант, в этом нет ничего странного. Очень многие любят детективную литературу, от премьер-министров до обычных людей вроде меня. Пока был жив мой муж, я почти ничего не читала. Мы все время путешествовали. Но в последние двенадцать лет я пристрастилась к детективам.

Даймонду не пришлось направлять разговор в нужное русло. Полли сама заговорила об «Ищейках».

— Вот почему я решила основать клуб. Ходить на собрания, встречаться с единомышленниками, общаться с людьми, с которыми у тебя много общего, — это очень здорово. Наша группа существует уже шесть лет. Боюсь, эта ужасная трагедия положит ей конец. Я уже отменила следующее собрание. Только представьте, как бы это выглядело! Мы бы просто таращились друг на друга и думали, кто из нас убийца. Сомневаюсь, что кто-то вообще смог бы говорить о книгах. Хотите чаю?

— Нет, спасибо.

— Может быть, вы, инспектор Харгривз?

— Нет-нет, — ответила Джули. — Мы только что перекусили.

— Но хороший чай — совсем другое дело. Или лучше кофе? Я как раз собиралась заварить себе чашечку.

Даймонд покачал головой.

— Если вы не против, давайте поговорим о том вечере, когда убили Сиды Тауэrsa.

— У меня есть без кофеина, если хотите, — добавила Полли, недовольная их отказом. Очевидно, она считала своим долгом проявить максимум гостеприимства. А может, просто хотела использовать время на кухне, чтобы собраться с мыслями.

— Насколько я знаю, вы пришли на встречу первой.

Миссис Уайчирли кивнула.

— Да, хотела загладить свое прошлое опоздание. Я случайно уронила ключи от машины в сточную канаву на Нью-Бонд-стрит. Мне удалось их вытащить, но я ненавижу опаздывать, поэтому в следующий раз постаралась прийти пораньше. Все-таки я должна вас чем-то угостить. Может, хотите выпить?

— Нет, спасибо. Вы приехали на машине?

— Да, как обычно. Можно было сесть на автобус, но тогда бы пришлось идти пешком до остановки поздно вечером, а вы знаете, что осторожность...

— Никогда не помешает.

Она улыбнулась.

— В общем, я приехала первой. Сид появился немного позже.

— Вы не заметили ничего странного в его поведении? Может быть, он нервничал или что-то в этом роде?

— Нет, все было как обычно, даже лучше. Он что-то говорил во время встречи.

— Не помните, что именно?

Полли потрогала пуговицу на своем кардигане.

— Попытаюсь вспомнить. — После паузы она ответила: — Да, вначале, когда кто-то спросил, все ли на месте, он сказал, что нет Руперта и что он всегда опаздывает. Это и в самом деле так.

— Что-нибудь еще?

Полли задумалась.

— Мы говорили о пропавшей марке. Мисс Чилмарк предположила, что мы сможем пролить свет на эту тайну. Кто-то — кажется, Джессика, — выдвинул идею, что это сделал фанатик-коллекционер. Она обрисовала портрет

мужчины средних лет с каким-нибудь умственным дефектом, а Сид ее перебил, сказав, что это вполне может быть и женщина.

— Он произнес всю фразу целиком?

— Нет, просто добавил: «Или женщина», — но это было замечание по существу и притом совершенно справедливое. Потом до конца вечера он, кажется, ничего не говорил. Зато в нужный момент дал Джессике пакет. Вы, наверно, слышали про приступ мисс Чилмарк?

Даймонд кивнул:

— Давайте вернемся к Сиду. Вы сказали, что он ничего не говорил до конца вечера?

— Да, пока мы не обнаружили марку. Завязался спор, должен ли Майло идти в полицию. Он не знал, как лучше поступить, боялся, что его самого могут в чем-то заподозрить, к тому же некоторые из наших — не обижайтесь — предупреждали, что его встретят там неласково. Только двое, я и мисс Чилмарк, настаивали, что надо немедленно сообщить обо всем в полицию. Когда спросили мнение Сиды, тот ответил, что будет молчать, в чем никто не сомневался.

Даймонд в первый раз услышал о разногласиях, возникших в конце вечера.

— Если большинство было за то, чтобы молчать, почему Майло все-таки решил пойти в полицию?

Полли улыбнулась, и он вспомнил совет Руперта: «Посмотрите на нее, когда она улыбается». Она с удовлетворением ответила:

— Потому что возобладал здравый смысл. Майло прислушался к нашему мнению и вспомнил про свой гражданский долг. Другие предлагали закрыть на все глаза, но...

— Но вы — нет?

— Ему никто не угрожал, если вы об этом. Он сам принял решение.

Теперь Даймонд понял, как все произошло. Демократия не сработала. Полли и мисс Чилмарк заявили о гражданском долге. И у Майло не осталось выбора.

— Еще пару слов о Сиде, — сказал он. — Чем больше я о нем слышу, тем больше убеждаюсь, что он вовсе не был таким рохлей, каким многие его считали.

— Именно так, — решительно подтвердила Полли. — Он был не слишком общительный, это верно, но совсем не дурак. О детективах знал не меньше, чем любой из нас, кроме, может быть, Майло. Особенно ему нравился Джон Диксон Карр.

— Я видел книги в его квартире, — заметил Даймонд. Полли заинтересовалась:

— Правда? Я так и знала, что у него есть коллекция.

— Вам бы она не понравилась, — возразил Даймонд. — На его книгах нет суперобложек, кроме тех, что взяты в библиотеке. В вашей коллекции есть Диксон Карр, мэм?

Миссис Уайчирли рассеянно оглядела полки:

— Да, несколько коллекционных экземпляров. Он был очень плодovit.

— К тому же мастер головоломных сюжетов, верно? Неудивительно, что Сиду нравились истории про запертые комнаты, учитывая, где он работал.

— В службе охраны? Честно говоря, я сомневаюсь, что он сталкивался с такими случаями у «Неуязвимых». В жизни это встречается нечасто, ведь правда?

Даймонд не стал развивать эту тему. Он чувствовал, что Полли, поначалу слегка ошарашенная их визитом, теперь оправилась и умело направляет разговор, стараясь представить себя в роли уютной и приятной женщины в твидовой юбке и домашних шлепанцах, с мягкими кудряшками, душистым чаем и ласковой улыбкой. Он вспомнил, как отзывались о ней Джессика и мисс Чилмарк.

— Кажется, Сид вступил в клуб по совету своего врача?

— Да, доктора Ньюберна. Кстати, и моего врача тоже. Очаровательный был человек. К сожалению, он уже умер. — На ее лице снова появилась милая улыбка. — Сразу замечу: по естественным причинам. Доктор Ньюберн как-то связался со мной и спросил, что я думаю о его

методе и сможет ли он сработать. Доктор знал о нашем клубе. В то время Сид проходил реабилитацию после нервного расстройства. Я ответила, что ничего не обещаю, но буду рада его приходу и постараюсь, чтобы его никто не обижал. В этом отношении моя совесть спокойна. — Она сказала это совершенно искренне, очевидно, игнорируя тот факт, что после прихода в клуб его в конце концов убили.

— Вы сказали про нервное расстройство. Чем оно было вызвано?

— Не знаю. Он как-то обмолвился, что его дом ограбили. Мне кажется, это серьезный стресс для любого человека. Как вы думаете, он может привести к нервному расстройству?

— Боюсь, я знаю об этом не больше вашего, мэм. — Выдержав небольшую паузу, Даймонд спросил небрежным тоном человека, который хочет проверить пришедшую ему в голову мысль: — Мне было бы интересно услышать ваше мнение. Мы знаем, что Сид любил истории с закрытыми комнатами. Не мог ли он отправиться на яхту просто из любопытства, чтобы выяснить, что там произошло? Все это очень напоминало головоломку в духе Диксона Карра. Майло ведь так сказал?

— В общем, да. Он показал нам ключ от замка и объяснил, что его не мог открыть никто, кроме него.

— Это настоящий вызов для человека вроде Сиды, поклонника Диксона Карра. К тому же неплохая тренировка для работника охранной службы. Вопрос в том, действительно ли он отправился в Лимпли-Стоук только для того, чтобы взглянуть на лодку и осмотреть место?

— Вполне может быть, — отозвалась Полли.

— В таком случае он застал врасплох убийцу или убийца застал врасплох его. Логично, не правда ли? Так или иначе, Сиду не повезло.

— Бедный Сид. — Она встала и подошла к буфету, чтобы взять коробку с шоколадом. Ее страсть к гостеприимству была непреодолима.

— С мягкой начинкой. — Она протянула им сладости. Даймонд отказался, Джули тоже.

— Не будем отвлекаться, мэ, — попросил детектив.

Мысленно он все еще оценивал эту даму, прикидывая, могла ли она обрушиться на голову Сида тяжелый гаечный ключ. Под силу ли ей такой маневр? Пожилая женщина, лет шестидесяти, маленькая, полная, с легкой одышкой... С другой стороны, если бы она напала на Сида сзади или в тот момент, когда он нагнулся, один удар мог решить все. Преступник нанес два сильных удара, так говорили криминалисты. С мотивами по-прежнему полная неопределенность. А как насчет возможности?

— Чисто для протокола, миссис Уайчирли: где вы были в тот вечер между девятью и двенадцатью часами? Я обязан вас спросить.

Полли спокойно приняла этот вопрос.

— По большей части здесь. Я вернулась домой сразу после встречи. Сержант уже взял мои показания.

— Сразу после встречи?

— Я немного задержалась, чтобы поговорить с кем-то из «Ищеек». Кто это был? Кажется, мисс Чилмарк. Я поблагодарила ее за поддержку. Мы согласились, что отнести марку — самое правильное решение. Вообще-то она трудный человек, но я рада, что в данном случае мы выступили единым фронтом против наших «младотурок».

— Вы последней ушли из крипты?

— Как обычно. Я люблю сама запираť дверь. Мисс Чилмарк ушла чуть раньше. Но это заняло очень мало времени: мы говорили всего пару минут.

Джули вставила:

— Вы не заметили, кто ушел первым?

— В смысле — после Майло? Первым был он.

— Да, после Майло.

— Сид. Но он всегда так делает. То есть, делал. Царствие ему небесное. Наверно, он боялся, что кто-нибудь с ним заговорит. Джессика Шоу пару раз пыталась таскать его на коктейли в местный паб. С тех пор он был настороже.

— А после Сида? — спросил Даймонд.

— Сложный вопрос. По-моему, наша новенькая, Ширли-Энн: она ушла после Джессики или Руперта, не помню точно. За ними мисс Чилмарк и я. Мы покинули крипту с интервалом примерно в пять минут и разошлись в разные стороны.

— А потом вы сразу приехали сюда?

— Кажется, мы это уже выяснили, суперинтендант.

К сожалению, никто не мог засвидетельствовать, что в ночь убийства Полли находилась дома. Она смотрела новости в десять вечера и старый фильм со Стюартом Грейнджером, но алиби у нее не было.

По просьбе Даймонда Полли продиктовала список всех членов клуба с 1989 года. Память у нее работала безупречно.

— Томми Пэрри-Морган, Майло, я, Энни Аллен, Гилберт Джонс, Мэрилин Слэйд-Бейкер, Алан Джеллико, сестры Пирс, полковник Твигг, Бенитсы из Оклахомы. — Она без передышки перечисляла все эти фамилии, пока не дошла до Руперта.

Даймонд спросил, как такой милый, но беспутный человек мог оказаться у них в клубе.

— По чистой случайности, — ответила она. — Мы тогда встречались в отеле «Фрэнсис», на углу Роман-Бар. Обстановка была очень неформальной. Руперт зашел выпить, услышал нашу беседу и решил присоединиться. Ему нравится спорить, это в его духе. К сожалению, после выпивки он становится слишком возбужденным. После одного особенно шумного вечера нас попросили перебраться в другое место. Так мы оказались в крипте.

— Руперт это как-то прокомментировал?

— А что он мог сказать? Нас выгнали из-за него. Склеп не самое подходящее место для собраний, зато он рядом с «Головой сарацина», так что это его вполне устраивало. Иногда он становится несносен, но в нем есть свое очарование и даже блеск. Я решила, что оставить его членом клуба в наших интересах.

Детективы поднялись с места. Даймонд поблагодарил Полли за то, что она приняла их в такой ранний час.

— Надеюсь, что хоть чем-нибудь вам помогла, — отозвалась она, — хотя это маловероятно. Не представляю, как мог случиться весь этот ужас.

— Картина понемногу проясняется, — заверил ее Даймонд. — И вы действительно нам помогли. «Ищайки» собирались вместе много лет. Этим они обязаны вам. Вы так много в них вложили. Для вас это были не просто пустые посиделки.

Полли скромно возразила:

— Я не делала ничего особенного.

— Но вы всегда их поддерживали и подбадривали. Звонок здесь, звонок там. Чашечка чая или кофе.

— Мне это нравилось.

— Держать связь с членами клуба? Понимаю. А с Сидом вы как-нибудь общались помимо этих встреч?

Она смерила его холодным взглядом:

— Нет.

— И не виделись с ним нигде, кроме крипты?

— Он избегал контактов.

— Ну да, конечно. — Даймонд остановился в дверях. — Я заметил, у вас на доме охранная система?

— Вы правы.

— Разумно. Наверно, ей требуется постоянная поддержка?

— Разумеется. Мне каждые полгода делают настройку.

— Тогда все в порядке. — Даймонд надел шляпу, шагнул на улицу и, задрвав голову, посмотрел наверх. — Тут темно. Кто ее вам устанавливал — «Неуязвимые»?

— Нет. — В ее голосе прозвучала легкая насмешка. — Фирма «Чабб».

Вернувшись в участок, они нашли в диспетчерской Джона Уигфула. Гражданские давно разошлись. Какой-то сержант старательно делал вид, что работает за компьютером.

— Засиделся на работе, Джон?

Уигфул улыбнулся, довольный тем, что его застали на месте в такой поздний час.

— Дел невпроворот. Только что вернулся из музея Холбурна, проверял, все ли там в порядке.

— Думаешь, ночью что-то случится?

— Вполне может быть. Раньше между рассылкой загадок и действиями преступника проходило немного времени. «Черный пенни» украли на следующее утро после первого стихка, а подкинули сразу после второго.

— Похоже, ты все рассчитал. Значит, музей взяли под охрану?

— Там шесть человек.

— На ключевых местах?

— Здание неудобное, но я думаю, шести хватит.

— Чтобы свалить тяжкий груз?

Уигфул недоуменно нахмурился.

— Я цитирую стихок. «Когда свалить сей тяжкий груз хотите...»

— Ах, да.

— «От Сида к Сиднею дорогу проложите». Как раз это ты и сделал. Шесть человек взяли под контроль Сидней-Гарденс, так что груз должен вот-вот свалиться.

— Надеюсь, — пробормотал Уигфул.

— Домой не собираешься?

Он покачал головой.

— Останусь здесь, присмотрю за ребятами.

— Ночью хорошо думается, правда? — заметил Даймонд. — Наверное, ты все еще ломаешь голову над той историей с запертой каютой. Есть свежие идеи?

Уигфул шевельнул усами, и на секунду Даймонду показалось, что он вот-вот осклабится. Но свежих идей не было. Они предложили ему сходить в буфет и выпить кофе, но Уигфул вежливо отказался.

— Итак, кто это сделал, Джули?

Буфет, где они сидели, был абсолютно пуст, не считая женщины, которая выдала им заказ и снова углуби-

лась в роман Барбары Картленд. На сегодня это был их последний кофе. Даймонд добавил к нему абрикосовый пирог. Когда он вернется домой, Стеф уже закончит ужинать.

Джули промолчала: ответа она не знала, а строить догадки было бесполезно.

— Мы допросили всех, — жизнерадостно заметил Даймонд. — Собрали все их показания.

— И получили больше вопросов, чем ответов, — отозвалась она.

— Как насчет зацепок? Сосредоточимся на них.

— Берет Руперта?

Даймонд не особенно рассчитывал на эту улику и объяснил почему:

— Здесь пока ничего определенного. Даже если мы разбудим этот берет — а мы непременно попытаемся, и притом сегодня, — и найдем на нем следы краски, что нам это даст? Что Руперт написал какую-то гадость на витрине галереи?

Но Джули не хотелось отказываться от улики:

— Тогда мы допросим его еще раз и выясним, какие у него причины подозревать Джессику.

Даймонд что-то невнятно промычал, уткнувшись в пирог.

— Какие еще улики? — спросил он немного погодя.

— Бумажный пакет, если угодно, — ответила она.

— Это не то, что мне угодно, — проворчал он, — а то, с чем нам приходится иметь дело.

Они оба устали за день, и это проскальзывало в разговоре.

Джули продолжала:

— Раз уж мы заговорили о вещдоках, я думаю, что пакет — это ложный след. Вернее, то, что на нем написано. Мы решили, что это доказывает авторство Сида в создании загадок. Очевидно, мы ошиблись.

— Хотите сказать, что третья загадка — не подделка?

— Да.

— Очень может быть. Тот же стиль, та же бумага, тот же способ публикации.

— В таком случае что мы можем извлечь из текста на пакете? Это набор рифм.

— Верно.

— И они связаны с тем, что происходит. Вы сами сказали, что одно слово созвучно с фамилией «Моцион», а другое рифмуется с «конвертом».

— А «минута» — с «каютой».

— Но если Сид не пытался сочинить новую загадку, то зачем он их написал?

— Джули, вы строите предположения, которые нельзя принимать автоматически.

— Почему? — Она нахмурилась, пытаясь понять, что он имеет в виду. Это было не так-то просто после семнадцати часов напряженной работы. — Вы сомневаетесь, что их написал Сид?

Он доел пирог и вытер салфеткой рот.

— Представьте, что пакет — это улика, которую мы предъявляем прокурору. Что он от нас потребует? Сопутствующие доказательства. Вспомните курсы по криминалистике. Начнем с того, откуда взялся этот пакет.

— Из букинистического магазина.

— Совсем не обязательно.

— Они часто их используют.

— И другие магазины тоже.

— Но в нем лежала книга.

— Допустим. А кто ее владелец?

— Сид.

— Да, но где он ее взял? Этого мы не знаем. Может, она совсем не из магазина. Может, она принадлежала другому коллекционеру, кому-нибудь из «Ищеек», который и написал эти рифмы.

— А потом случайно отдал пакет Сиду?

— Или намеренно.

— Ну, это уж слишком изощренно.

— Как и само это дело, Джули. Я не говорю, что все именно так и было. К тому же, взявшись за один конец цепочки, нужно потянуть и за другой. Что произошло с пакетом после того, как с ним расстался Сид?

— Его прижали к лицу мисс Чилмарк.

— Но кто это сделал?

— Джессика Шоу.

— А потом?

— Потом он оказался в ее сумочке. Ох! — Она прижала ладонь ко рту. — Она могла написать эти слова.

Даймонд промолчал, давая укорениться этой мысли. Джули сделала следующий логический ход:

— Но она вернула нам пакет. Если бы она сама написала эти рифмы, то ни за что бы этого не сделала. Джессика не глупа. Она бы уничтожила пакет.

— Если в ее планы не входило, чтобы мы их увидели.

Джули сдвинула брови.

— И подумали, что их написал Сид? Зачем?

— Чтобы вызывать подозрения.

Усталость не помешала ей широко открыть глаза.

— Я об этом не подумала.

— И не забывайте, это только конец цепочки.

— Мы можем сравнить почерки?

— Я уже отправил пакет на экспертизу вместе с почерком Сида, — ответил он, — но особо на это не рассчитываю. Графологи любят слитно написанные слова. У нас другой случай. И потом — предупреждая ваш вопрос — в тексте нет орфографических ошибок. Так что нет смысла проверять «Ищеек» на знание английского.

Джули заметила:

— Это приводит нас к следующей зацепке.

— Какой?

— Надписи на окне галереи: «Сид — ее работа». Кто-то — может быть, Руперт, — считал Джессику убийцей.

— Или хотел, чтобы мы так думали.

Даймонд был уверен в пользе таких разговоров. Он хотел проработать самое слабое звено в этом деле — мотив.

Поэтому решил вкратце изложить Джули все возможности. Самым вероятным вариантом был шантаж. Работая у «Неуязвимых», Сид мог обнаружить компромат на кого-то из «Ищеек». Он имел доступ к конфиденциальной информации и общался с бывшими полицейскими, которые знали о пороках и грешках многих уважаемых граждан Бата. В этом свете крупные суммы, регулярно исчезающие с банковского счета мисс Чилмарк, вызывали закономерные вопросы. Джессика, если у нее был роман с Эй Джейем, тоже могла стать жертвой шантажа. Руперт имел уголовное прошлое, хотя несколько этого не скрывал. Что касается Полли, то она казалась защищенной во всех смыслах, а Ширли-Энн слишком недавно появилась в клубе, чтобы попасть в руки вымогателя.

Но у версии шантажа имелось два серьезных недостатка, и Даймонд честно сказал об этом Джули. Во-первых, не было никаких признаков того, что Сид в последнее время получал крупные суммы. Он по-прежнему жил в своей унылой квартире под железнодорожным мостом и работал ночным сторожем. Какой смысл кого-то шантажировать, если не можешь извлечь из этого выгоды?

Вторая проблема была связана со смертью Сида. Зачем жертве шантажа понадобилось избавляться от вымогателя таким сложным и трудным способом — в запертой лодочной каюте? Поэтому Даймонд обрисовал ей еще одну теорию, которая пришла ему в голову во время разговора с Полли. Убийство Сида не входило в чьи-то планы. Оно стало следствием неожиданного появления марки в книге Майло. Сид — поклонник Диксона Карра — был взволнован и увлечен этой поразительной и загадочной историей, случившейся буквально на его глазах, и решил сам проверить все на месте. Там он встретился с убийцей. Сида убили не из-за того, кем он был, а из-за того, что он обнаружил.

— Но что там делал убийца? — поинтересовалась Джули.

Даймонд ухватился за край стола, внезапно осененный новой догадкой. Его глаза блеснули.

— Господи, Джули, в этом-то все и дело! Блестящая идея! Мы по-прежнему не знаем, кто это сделал, но благодаря вам я раскрыл тайну запертой комнаты!

В начале одиннадцатого Даймонд снова вернулся на Хэй-Хилл, на этот раз один: Джули он отпустил в награду за оказанную помощь. В доме Руперта по-прежнему было темно. Марлоу лаял как бешеный.

Официантка в «Парагоне» сообщила, что, очевидно, на этот раз Руперт решил отправиться в какое-то другое заведение. Она не видела его этим вечером. То же самое ему сказали в другом местном баре, «Лэндсдаун армз».

Взглянув на часы, он решил, что имеет смысл посетить «Голову сарацина», находившуюся всего в пяти минутах ходьбы отсюда, на Брод-стрит. В «Сарацине» в это время было еще полно людей, но берета в толпе он не заметил. Какой-то пьянчуга наорал на него за то, что он попытался пролезть без очереди. Взгляд Даймонда его отрезвил и заодно привлек внимание бармена. Посоветовавшись с коллегами, бармен указал на столик за перегородкой, где Руперт, судя по всему, регулярно устраивал посиделки с завсегдатаями бара, рассказывая им о своих похождениях как в высших, так и низших кругах общества. Здесь же нашлись люди, которые присматривали за Марлоу в тот злосчастный вечер, когда не в меру игривого пса выгнали с собрания «Ищеек».

Оказалось, что Руперт действительно заходил сюда немного раньше, около семи вечера. Заказал пинту пива. Одет был как обычно, в черный берет, кожаную куртку и вельветовые брюки. Правда, Марлоу он с собой не привел, объяснив, что его пригласили в другой паб, где собаки не приветствуются. Через пять минут ушел. Куда отправился и зачем, никто не знал.

В Бате было примерно сто сорок пабов.

Перед уходом Даймонд пропустил рюмку бренди.

Глава 30

Джон Уигфул не спал всю ночь. Около полуночи он припарковал машину возле спа-отеля «Бат» и проследовал через Сидней-Гарденс к музею Холбурна. Менее осторожный полицейский оставил бы машину ближе, например на Сидней-роуд, прямо за углом. Но Уигфул хотел появиться незаметно для всех, включая собственных подчиненных. Когда сержант выглянул в боковую дверь, он прижал палец к губам и молча вошел внутрь.

Музей относился к тем зданиям, которые требуют особенно тщательной охраны. Он представлял собой нечто среднее между английским загородным домом и древнегреческим храмом. Построенный в конце восемнадцатого века в качестве роскошного отеля с классическим фронтоном и четырьмя колоннами поверх опорных арок, позже он претерпел множество переделок и обзавелся парой дополнительных пристроек с балюстрадами.

Здание выходило фасадом на дорогу. На том месте, где когда-то высилась решетка, теперь оставалась только низкая стена, отделявшая его от Грейт-Палтини-стрит. Будки сторожей выполняли скорее декоративную функцию. С задней стороны множество водосточков и дренажных труб, проложенных между гранитных блоков, могли служить удобной лестницей для злоумышленников. К счастью, в музее была современная эффективная охранная система, а пространство вокруг всего здания было ярко освещено.

Шестеро полицейских, размещенные во всех ключевых пунктах, включая крышу, поддерживали связь по рации, и Уигфул не сомневался в их надежности. Он не только регулярно связывался с ними по секретному каналу, но и лично инспектировал охрану каждые полчаса. В эту ночь никто не спал на своем посту.

К половине седьмого утра ничего особенного не произошло. Недовольный тем, что не удалось поймать преступника в ловушку, но не сомневаясь в сохранно-

сти музея, Уигфул стоял на крыше и ел шоколад, глядя, как над Бэтемптон-даун разгораются первые лучи зари. Теперь, размышлял он, можно отправиться домой и отдохнуть несколько часов. Он приказал старшему группы дожидаться смены, которая должна была прибыть ровно в восемь, а сам направился через Сидней-Гарденс к своей машине. На траве поблескивал легкий иней.

Несмотря на утренний мороз, старый сад в этот ранний час выглядел очаровательно. Когда-то он служил настоящей Меккой для всех жителей города. Здесь выступали оркестры и устраивались фейерверки, здесь посетители играли в шары, сидели в гротах и посещали лабиринт. Два императора, Наполеон III и Хайле Селассие, ходили по его дорожкам. А еще Джейн Остин, Эмма Гамильтон, лорд Маколей. В это солнечное утро Джон Уигфул, старший инспектор полиции, благополучно закончивший ночное дежурство, мог наслаждаться им в полном одиночестве.

Не считая пса.

Он заметил его еще издалека — крупного черного пуделя, мчавшегося с характерным для собак деловым видом сквозь арку железнодорожного моста. Вместо того чтобы остаться на дорожке, пес свернул на просторную лужайку и побежал в сторону лавровых зарослей на другом ее конце. Уигфул, тоже настроенный по-деловому, двигался быстрым шагом, думая о своих проблемах. Он знал, что впереди железнодорожный мост. С этой стороны была видна только высокая опорная стена, и он удивился, почему многие скамейки были повернуты к ней, словно посетителям могло нравиться сидеть спиной к деревьям и лужайкам и таращиться на каменную кладку. В 1841 году Брюнелю разрешили провести ветку Большой западной железной дороги по территории сада при условии, что она не испортит его внешний вид, поэтому рельсы проложили далеко внизу и их нельзя было увидеть со скамеек. Брюнель добросовестно выполнил свою работу. Пешеходные мостики, неприметные и эле-

гантные, только украшали местность. Чтобы быстрее добраться до машины, Уигфулу требовалось пересечь железную дорогу и канал. Но не успел он до них добраться, как его внимание снова привлекла собака.

Судя по всему, на время она куда-то исчезла, потому что он долго нигде ее не видел. Это был настоящий королевский пудель, какие редко встречаются в наши дни. Пожалуй, собаку такого размера не стоило выпускать без поводка. Тем более что его хозяин до сих пор не появился. В бытность свою патрульным Уигфул наверняка не оставил бы это без внимания. Но сейчас у него были дела поважнее, чем заниматься ловлей пуделей.

Пудель, видимо, считал иначе. Не добежав до середины лужайки, он резко изменил направление и помчался напрямик к Уигфулу. Только тогда инспектор заметил в нем что-то необычное. Он не слишком хорошо разбирался в собачьих стрижках, но знал, что у пуделя должна быть острая морда, а большая часть его шерсти остается на голове в виде львиной гривы.

Но у этого пса была борода. Или что-то вроде пышных бакенбард, наподобие тех, что носили прусские аристократы в прошлом веке. Странная прихоть, к тому же в стрижке не было симметрии. Правая бакенбарда казалась намного длиннее левой.

Уигфул остановился посмотреть. Он ошибся. Это была не борода, а какой-то предмет, который пес держал в зубах. Такой же черный, как его шерсть.

— Эй, приятель! — Инспектор наклонился и протянул руку.

Пудель подошел поближе, но в последний момент передумал и кинулся прочь. Однако Уигфул успел увидеть, что он держал в зубах: это был черный берет.

— Стой! Назад!

Берет мог принадлежать кому угодно, какому-то случайно потерявшему его прохожему. С другой стороны, в Бате не так уж много людей носили береты. Одного он знал. Надо было проверить.

Догнать пуделя казалось невозможным, но обычно собаки быстро выдыхаются. Отбежав ярдов на тридцать, пес остановился и оглянулся, помахивая хвостом. Уигфул заговорил с ним успокаивающим тоном. Пудель тут же уронил берет и разразился лаем. Ему хотелось поиграть.

— Ну, давай, иди сюда!

Пес не шел. Вместо этого он снова бросился бежать, не забыв прихватить с земли берет.

Уигфул не представлял, стоила ли игра свеч. К тому же он рисковал испортить ботинки. Инспектор оглянулся, надеясь, что на лужайке, наконец, появится хозяин. Никого.

Справа от него в дальнем конце поляны виднелся римский храм, точнее его современная копия — декоративная беседка, укрытие от дождя. Пудель мчался в ту сторону. Если ему удастся загнать его в ловушку...

Уигфул быстро оказался на месте. Пес забежал внутрь и улегся под каменной скамьей, протянувшейся по трем сторонам беседки. Берет все еще торчал у него в зубах.

Инспектор не рискнул подойти ближе. Если пудель почувствует, что его загнали в угол, он может стать агрессивным. Пока пес был настроен скорее игриво, но кто знает, что придет ему в голову. Поэтому Уигфул только заглянул внутрь и попытался дружески поцокать языком. Пудель глухо зарычал.

— Все в порядке, приятель, — успокаивающе произнес Уигфул. — Я твой друг. Хочешь сделать мне маленький подарок? Я не против.

Снова низкое рычание. В полумраке беседки глаза собаки поблескивали красным светом, и Уигфулу это не понравилось.

Потом он вспомнил про шоколадные батончики, которые прихватил с собой на дежурство. У него еще оставалась пара штук. Интересно, пудели едят шоколад?

— А как насчет этого, дружище? — Он протянул ему батончик. — Хочешь попробовать?

Пес явно заинтересовался. Он поднял голову и понюхал воздух, но продолжал лежать на месте.

— Ну давай, возьми его.

«Ага, как же», — всем своим видом говорил пес.

Уигфулу пришло в голову, что его стоящая фигура может выглядеть более опасной, и он присел напротив пуделя, продолжая держать в открытой ладони батончик и бормоча успокаивающие слова.

На сей раз это сработало. Пудель раскрыл пасть и снова принялся. Оставив на полу берет, он встал, приблизился к Уигфулу, ткнулся носом в шоколадку и, видимо, сочтя ее съедобной, ухватился за нее зубами.

Инспектор заметил на нем именной ошейник, но не решился протянуть руку. В кармане он нащупал еще два батончика. Один он скормит собаке, а другой бросит наружу, чтобы пудель выскочил вслед за ним. Тогда он заведет беретом.

Но все вышло иначе. В храме загредел чей-то резкий голос, гулким эхом разлетевшийся под куполом:

— Эй, чем это вы кормите собаку?

Уигфул отдернул руку и виновато посмотрел в проем беседки.

Из-за колонны вышел мужчина с тяжелой лопатой в руке. На нем была потертая кожаная куртка, черные джинсы и резиновые сапоги. Выглядел он угрожающе.

— Это просто шоколад.

— Не ваше дело его кормить, — отрезал мужчина с лопатой. — Кто вы такой?

Уигфул начал объяснять, что он полицейский-детектив, старший инспектор и просто пытается забрать у пуделя берет, потому что тот может оказаться уликой в важном деле, которое он сейчас расследует. Все это звучало настолько неубедительно, что Уигфул сам себе не верил. Как назло, в это утро он не взял свое удостоверение. С вечера переоделся в стеганую куртку и оставил все бумаги в пиджаке.

Пудель зарычал на Уигфула. Мужчина выругался:

— Чушь собачья!

Чтобы хоть чем-то доказать свои слова, Уигфул кивнул на берет, все еще лежавший на полу.

Мужчина покачал головой:

— Старший инспектор, как же! Я сам видел: вы его кормили. Какой там, к черту, берет? Вы его даже не подняли. Вам нужна моя собака. Это королевский пудель, чистокровная порода, и вы это отлично знаете.

— Он ваш?

— А чья же еще псина может в такое время бегать по парку? Я здешний садовник.

Уигфулу стоило большого труда убедить садовника, что он действительно детектив с Манверс-стрит, а не похититель собак. Наконец они разошлись в разные стороны: Уигфул с беретом в руке, а садовник — с пуделем, которого он потащил назад в сторожку.

Недовольный собой, Уигфул зашагал к выходу из парка и пересек канал и железную дорогу, думая о том, как ему следовало говорить с садовником. Он был так занят своими мыслями, что не заметил гораздо более зловещей вещи, чем потерянный берет.

Глава 31

В тот же день один из местных жителей, около семи утра совершавший свою обычную пробежку по набережной канала и оказавшийся в том районе, где его русло проходит под Кливленд-хаус на Сидней-роуд, прежде чем попасть в Сидней-Гарденс, заметил что-то необычное в туннеле первого железнодорожного моста. Он всегда мысленно отмечал это место. Во-первых, здесь заканчивалась вторая треть его дистанции, а во-вторых, ему нравился живописный вид белоснежного моста с высокой аркой над туннелем. Но в это утро что-то было не так.

Во время пробежки никто не останавливается для того, чтобы лучше рассмотреть какую-нибудь вещь. Бегун решил, что под аркой что-то висит, но не мог по-

нять, что именно. Поскольку проход через туннель был закрыт, он поднялся вверх по насыпи, пересек мост, снова вернулся на дорожку и спустился в сад с другой стороны от Сидней-роуд. Оказавшись ближе к туннелю, он увидел, что не ошибся. Там действительно что-то висело: это было человеческое тело.

Наверно, трудно найти более приятный уголок Бата, чем это тихое и укромное местечко с его живописными дорожками, плавно убегаящими за поворот, и множеством ажурных мостиков, арки которых отражаются в воде.

В восемь утра спокойная вода канала отражала надувную лодку, полицейских, сотрудников парка, доктора и двух санитаров. Все территория вокруг была оцеплена. Криминалисты сфотографировали и осмотрели труп, после чего полицейские осторожно обрезали веревку и уложили тело в лодку. Убитый, на вид мужчина лет сорока пяти, худой, жилистый, шести футов роста, был одет в черную кожаную куртку, полосатую рубашку, темно-синие вельветовые брюки и черные ботинки. Очевидно, он сломал себе шею, что свидетельствовало о падении тела с большой высоты. По мнению же хирурга, это указывало на то, что его повесили. Самоубийцы обычно прыгают со стульев или лестницы, поэтому не ломают себе шею и умирают долго и мучительно.

В карманах кожаной куртки нашли пятифунтовую банкноту, немного мелочи, связку ключей и навесной замок. Бдительный констебль заметил, что по внешнему виду замок походил на тот, что проходил по делу о «лодочном убийстве». Об этом тут же сообщили полицейскому диспетчеру.

Питер Даймонд в то утро не успел позавтракать. Он быстро проделал короткий путь от Уэстона до городской больницы и успел застать тело раньше, чем его поместили в морг. Ему позволили расстегнуть мешок и опознать убитого как Руперта Дарби. На шее трупа все еще болталась веревка, которую обрезали немного выше.

Глядя на изможденное лицо Руперта и его мертвые посиневшие губы, открывавшие выщербленный ряд прокуренных зубов, детектив неожиданно испытал чувство потери. В их недавнюю — и единственную — встречу он успел проникнуться симпатией к этому безалаберному, но умному человеку с его грубоватыми шутками и неисчерпаемым запасом жизнелюбия. Теперь перед ним лежали только его жалкие останки.

Даймонд предпочел бы внимательно осмотреть руки и тело на предмет повреждений, но это была обязанность патологоанатома. Преждевременно снимать одежду с жертвы считалось грубым нарушением инструкции.

После морга Даймонд вернулся домой. Стеф предложила ему яйца с беконом, но он согласился только на черный кофе. Оба знали, что ему предстоит еще один трудный день.

Джон Уигфул появился в участке часом позже, с черными кругами под глазами, и был поражен царившей суею. На одно ужасное мгновение ему показалось, что за его недолгое отсутствие вор все-таки обокрал музей.

Даймонд сообщил ему о Руперте Дарби. Уигфул в ответ рассказал историю о найденном берете. Он опустил подробности о погоне за пуделем и просто объяснил, что нашел берет примерно в половине седьмого утра.

— Честно говоря, он сразу меня насторожил.

— Где ты его нашел?

— Э-э, он лежал в римской беседке недалеко от железнодорожного моста. Знаешь это место? — Уигфул вытащил из кармана берет. — Видишь, на нем следы чьих-то зубов. Похожи на собачьи. Думаешь, он принадлежал Руперту?

— Конечно. — Даймонд положил берет на стол. — Смотри, вот тут остались следы краски.

Уигфул ничего не слышал о краске и надписи на витрине. Даймонд ввел его в курс дела. Уигфул осмотрел мелкие белые пятнышки, покрывавшие примерно третью часть берета, и пробормотал, что если бы он знал,

как важна эта улика, то обращался бы с ней поосторожнее.

Даймонд дал понять, что не пытался скрыть от него информацию: он получил ее лишь вчера вечером, и у него не было возможности рассказать обо всем Уигфулу.

Уигфул, который и сам мог слукавить, не пытался возражать и лишь заметил:

— Скорее всего, Руперт снял берет, когда надевал на голову петлю. Потом он оставил его на мосту, где его и нашла собака.

— Наверно, это был его пес, — предположил Даймонд.

— Нет, не думаю. — Уигфул покраснел. — Я видел там огромного пуделя, он носился по саду как раз возле беседки.

— Ладно, пусть будет пудель.

— Это не так уж важно, правда? — Уигфул поспешил перевести разговор на другую тему: — Главное, что мы нашли берет и подтвердили то, что ты слышал о пятнах краски. Чертовски интересно. Похоже, надпись на окне была последней отчаянной попыткой Руперта перевести подозрение на другого человека, как ты думаешь?

— Похоже на то, — ответил Даймонд.

— А когда из этого ничего не вышло и вы явились к нему с расспросами о его собственном прошлом, он понял, что все кончено, и решил повеситься.

Даймонд покачал головой. Он не верил, что их вчерашний визит к Руперту привел к его самоубийству.

— Тут ты ошибаешься, Джон. Еще вчера вечером он не собирался вешаться. Дело совсем в другом.

Уигфул недоуменно поднял брови. Даймонд терпеливо подсказал:

— Вспомни третью загадку: «Когда свалить сей тяжкий груз хотите, От Сида к Сиднею дорогу проложите».

Судя по молчанию Уигфула, ему требовалось разъяснение.

— Стишок предупреждал нас о том, что случится в будущем, — продолжал Даймонд. — «Свалить сей тяжкий

груз». Именно это и произошло сегодня утром. Руперт был повешен на мосту. Обрезав веревку, мы «свалили груз». Это просто игра слов, Джон, распроклятый двойной смысл. Так и было запланировано. Мы «проложили дорогу к Сиднею», но ошиблись с местом и выбрали музей вместо моста. Если бы мы лучше соображали, загадку можно было бы разгадать.

— Сомневаюсь.

В глубине души Даймонд был с ним согласен. Последний стишок звучал так же двусмысленно, как и оба предыдущих. Чтобы понять его истинный смысл, требовалось обладать невероятными способностями тех вымышленных сыщиков, которые так нравились «Ищейкам». Даймонд же всегда трезво оценивал свои возможности.

Уигфул попытался настроиться на позитивный лад.

— По крайней мере, теперь ты нашел убийцу, а я — своего воришку, — заметил он. — Осталось только выяснить, как он все это проделал.

— Думаешь, Руперт Дарби — твой парень?

— А ты так не думаешь? — спросил Уигфул, густо покраснев.

Даймонд ответил:

— По правде говоря, Джон, я в этом сильно сомневаюсь. Мне известно, как он это проделал, но я понятия не имею, кто это был.

— Хочешь сказать — ты раскрыл фокус с замком? — В голосе Уигфула слышалось недоверие.

Но Даймонд действительно его раскрыл. Теперь, как следует все обдумав и много раз прокрутив в голове все собранные сведения, он был в этом уверен. Как он и сказал Джули, откровение посетило его в тот момент, когда она спросила: «А что вообще там делал убийца?»

На столе перед ним, аккуратно упакованные и снабженные ярлыками, лежали вещи, найденные в карманах убитого. Даймонд показал на прозрачный пакетик с навесным замком.

— Посмотри на это. Скажи, он чем-нибудь отличается от того замка, что висел на яхте?

Уигфул повертел его в руках.

— Ясно, что он сделан той же фирмой. Но мы уже обсуждали мою версию о подмене. Ты помнишь. Я думал, что нашел правильный ответ, пока ты не доказал, что никакой подмены не было. А этот замок тут ни при чем. Тот, что принадлежал Майло, висел на двери его каюты, когда мы открыли дверь, и у него был единственный ключ. Ты сам это подтвердил, когда твои водолазы нашли на дне канала второй ключ и он прекрасно подошел к чертовой штуковине. Это ничего не доказывает, если только не допустить, что ключи случайно оказались идентичными, что, по словам производителя, полностью исключено.

— Давай проверим на всякий случай, — предложил Даймонд. Он подошел к столу и достал из ящика замок Майло и его ключи. — Будь так добр, передай мне пакет с ключами Руперта.

— Что ты хочешь с ними сделать? — спросил Уигфул.

— Ключи, пожалуйста.

Уигфул взял пакет и вытряхнул на стол связку ключей. Он не собирался оставлять на них свои отпечатки пальцев.

Все происходило в диспетчерской. Находившиеся в комнате сотрудники — детективы, клерки, компьютерные операторы — собрались вокруг двух старших детективов. Здесь же были и Джули Харгривз, и Кайт Халлиуэлл, всем не терпелось услышать объяснение.

На связке висело четыре ключа: один йельского типа, очевидно, от входной двери, другой с пластиковым набалдашником, возможно, от машины, и еще два маленьких и узких, абсолютно одинаковых на вид. Даймонд взял один из двух последних и попытался открыть ими замок Майло, но у него ничего не получилось. Чтобы не осталось никаких сомнений, он попробовал второй ключ — результат был тот же.

Уигфул мрачно заметил:

— Что и следовало ожидать. Они не подходят. Давай сравним их с ключами Майло. Уверен, они абсолютно не похожи.

Он был прав. Когда ключи положили вместе, они оказались разной формы.

Но Даймонда это не смутило. Наоборот.

— Правильно. Именно так он это сделал. Все настолько просто, что трудно поверить. Это замок Майло, верно? А это его ключ, уникальный и единственной, каким он мог его открыть. Все согласны?

Несколько человек осторожно пробормотали что-то утвердительное. Никому не хотелось попасть впросак.

— Теперь представим, что Майло приходит на яхту. Разумеется, он открывает замок ключом. Что он делает дальше?

Халлиуэлл ответил:

— Вытаскивает ключ и кладет его в карман.

Даймонд поднял палец.

— Верно, ключи он кладет в карман. А замок?

— Ну, в карман он его не положит, — отозвался один из клерков. — Слишком большой.

— Тогда что он с ним делает?

— Оставляет висеть на двери.

— Согласен. Закрытым или открытым?

Наступило молчание. Уигфул подал голос:

— Скорее всего, открытым. Нет смысла его запирать, когда он дома. Если он хочет безопасности, можно просто задвинуть засовы изнутри.

Даймонд кивнул и повернулся к остальным:

— Разумно? Теперь давайте подумаем. Майло на борту, сидит в своей каюте, готовит в камбузе или смотрит телевизор. Замок висит снаружи на дверях с приподнятой скобой — вот так. Каждый может подойти и снять замок. Вы следите за моей мыслью?

Ему ответили утвердительными возгласами и кивками.

— Теперь представьте, что злоумышленник с точно таким же замком — но, разумеется, с другим ключом, — снимает замок Майло и заменяет его своим. Делает это быстро и бесшумно, пока Майло сидит внутри, ни о чем не подозревая. Потом удаляется и ждет удобного случая.

Кто-то понимающе хмыкнул.

— Видите, к чему я веду? — спросил Даймонд. — Майло собирается выйти. Что он делает дальше? Закрывает дверь, берет в руки замок — новый замок, принимая его за свой, — и просовывает его дугу в обе дверные скобы. Затем нажимает на дугу и защелкивает запор. Для этого ему не нужно использовать ключ. Все современные замки закрываются автоматически.

Аудитория уже не просто следила за его мыслью — она ее опережала. В комнате послышался одобрителный ропот.

— Но на самом деле, — заключил Даймонд, — запертый им замок принадлежит преступнику, который теперь может легко его открыть. Ничто не мешает ему прийти в любое время, сделать свое темное дело и уйти. Уходя, он снова вешает на дверь замок Майло и защелкивает дугу. Майло возвращается, отпирает, как всегда, замок, а потом ломает голову, как посторонний человек мог попасть в его каюту.

Джули пробормотала:

— Мы все ломали головы — до сегодняшнего дня.

Халлиуэлл сказал:

— Вы раскрыли эту тайну.

Даже Уигфул одобрително кивнул.

Раздались аплодисменты. Даймонд покраснел от смущения и напомнил, что им еще многое нужно сделать. Его акции в городской полиции никогда еще не котировались так высоко.

Позже, на мосту в Сидней-Гарденс, он обследовал место происшествия. Территория была по-прежнему оцеплена. По площадке туда-сюда сновали оперативники

и криминалисты. С железного парашюта все еще свисал кусок веревки.

— Если хотите свести счеты с жизнью, — обратился он к Джули, — это не самый худший способ. Сядишь на перила, привязываешь один конец веревки к мосту, другой надеваешь в виде петли себе на шею и прыгаешь вниз. Быстрый конец.

— Думаете, так все и произошло? — спросила Джули. Что-то в его тоне заставило ее в этом усомниться.

— По крайней мере, он точно сломал себе шею.

Она кивнула:

— Но вы избегаете произносить слово «самоубийство».

— Потому что я в этом не уверен.

— Убийство через повешение — довольно необычный способ, вам не кажется?

— Очень необычный.

— Вам такие встречались?

— Ни разу. Прежде всего, жертва стала бы сопротивляться, верно? Чтобы справиться с этим парнем, понадобилось бы не меньше двоих людей. Я уже не говорю, что на его руках и ногах нет никаких веревок, как обычно бывает в таких случаях. Только если по каким-то причинам он полностью подчинился преступнику или находился в таком состоянии, что ничего не соображал...

— Что вполне возможно, — вставила Джули.

— Кстати, вчера он ушел из дома раньше обычного, — сказал Даймонд. — Я выяснил, что около семи вечера он наскоро пропустил пинту пива в «Голове сарацина», а потом отправился на встречу.

— С кем?

— Неизвестно. В какой-то другой паб, поэтому не взял с собой собаку. В «Сарацине» Руперт говорил, что не во всех пабах пускают собак.

— Значит, это был вечер с выпивкой, — заметила Джули. — Нам известно, когда он умер?

Детектив пожал плечами

— Криминалисты никогда не указывают точное время. Это произошло между полночью, когда в парк приехал Уигфул, и половиной седьмого утра.

Джули попыталась представить эту сцену.

— Если он сильно напился — настолько, что безропотно дал себя повесить, — им пришлось его сюда тащить. Здесь есть автомобильные подъезды?

Даймонд ответил без запинки: он давно прорабатывал эту версию.

— Да, до моста можно добраться прямо от Сидней-плейс. Проезд свободный.

— Боюсь, это будет трудно доказать, — пробормотала Джули.

— Практически невозможно.

— Я имею в виду — его убийство.

— Кто знает, что может показать вскрытие? — ответил Даймонд. — Я подключу к делу Джека Мерлина.

Мерлин был один из лучших патологоанатомов в Западной Англии. Он жил в семидесяти милях от Бата, в Ридинге. Они с Даймондом давно дружили, но, чтобы пригласить его в Бат, требовалась более веская причина, чем заурядное вскрытие.

— Короче говоря, у вас есть сомнения, — заключила Джули.

Даймонд неопределенно хмыкнул:

— Ничего существенного.

Она добавила, надеясь его разговорить:

— Тем более, что не было никакой записки. Если бы он решил покончить собой из чувства вины, то почти наверняка оставил бы признание.

Но Даймонд только пожал плечами:

— Пока рано говорить о записке. Он мог оставить ее дома или отослать по почте. Меня удивляет другое — замок в его кармане. Если ты собираешься выпить в пабе с другом, зачем тащить с собой амбарный замок? Какой в этом смысл? Ладно, если бы он еще отправился на яхту Майло, чтобы разобраться с тайной запертой комнаты.

Но, опять же, какой в том смысл? Единственная причина, которая приходит мне в голову, — это попытка связать его с убийством Сида Тауэrsa. Возможно, Руперт сам хотел намекнуть нам на свою виновность таким странным способом. Но, как вы правильно заметили, гораздо проще было бы написать признание.

— Раз уж мы заговорили об убийстве, — вставила Джули, — подложить ему замок было намного легче, чем подделать записку, а результат тот же самый.

Даймонд обернулся и взглянул на сине-зеленую полосу воды, тянущуюся в сторону следующего моста.

— Еще одно убийство на канале? Интересно, Джули. Очень интересно.

Войдя в дом на Хэй-Хилл, они первым делом открыли собачьи консервы и налили воду в миску Марлоу. Пес умирал с голоду. Джули взглянула на него с сочувствием.

— Бедняга не ел со вчерашнего вечера. Надо бы его выгулять. Вы не против?

— Только недолго.

Даймонд открыл окно.

Его следующей задачей было найти записку, если она вообще существовала. Даймонд посмотрел во всех местах, куда обычно кладут записки: на каминной полке, на кухонном столе, на тумбочке. Даже заглянул в допотопную пишущую машинку в задней комнате. Ничего.

В потрепанной канцелярской папке он нашел немного денег, просроченный паспорт, письма из местного центра занятости и соцобеспечения, стопку незаполненных налоговых деклараций, пару медицинских рецептов и целую коллекцию картонных подставок для пивных кружек с накарябанными на них фамилиями и адресами, которые ни о чем ему не говорили. Ни дневника, ни записных книжек. Он не узнал о Руперте ничего нового.

Глубоко задумавшись, Даймонд вдруг почувствовал, как что-то мягкое и тяжелое ткнулось ему в ногу.

— О господи!

Марлоу вернулся с прогулки — и снова хотел есть.

Джули появилась вслед за псом.

— Очень милый песик, — заметила она. — Ему не хватает немного дрессировки. Но я уверена, он быстро все усвоит.

— Лучше покормите его, пока он не отхватил мне ногу, — посоветовал Даймонд.

— Что-нибудь нашли? — спросила она.

Он покачал головой.

— Значит, будем ждать вскрытия?

— Я попросил полицейского врача сделать анализ крови. Возможно, скоро мы узнаем, был ли в ней алкоголь. В любом случае, надо возвращаться в участок.

— А что делать с Марлоу?

Мысли Даймонда были заняты другим.

— Мы не можем просто оставить его с здесь, — настаивала Джули. — Что с ним будет?

Даймонд зевнул и рассеянно ответил:

— Наверно, его отправят в приют для бездомных животных в Клавертоне.

Глаза Джули увлажнились:

— Неужели мы просто сдадим его в приют?

— Мой кот, Раффлз, прибыл именно оттуда.

— Но Марлоу уже старый пес. Никто не захочет его взять.

— Других вариантов я не вижу.

— А я вижу. Он может отправиться ко мне домой. Я его возьму.

Даймонд поднял брови:

— Кажется, у вас уже есть две собаки?

— Ну да. Так что мне это не в новинку.

У него невольно вырвалось:

— А что скажет ваш муж?

— Чарли? Я его уговорю.

— Но если вы явитесь домой с собакой...

Она улыбнулась:

— Вот именно. Когда он увидит Марлоу, не сможет устоять.

Даймонд не стал возражать. Домашняя жизнь Джули — ее личное дело. Они отправились обратно на Манверс-стрит вместе с Марлоу, сидевшим на заднем сиденье и тяжело дышавшим ему в спину.

Глава 32

На Манверс-стрит их ожидало сообщение от полицейского врача: в крови Руперта Дарбри нашли большую дозу алкоголя, примерно 100 мг/ 100 мл. Большую, но не экстремальную. Даймонд скомкал листок и бросил его в мусорную корзину.

— Чтобы упиться до смерти, надо принять как минимум вдвое больше.

Джули заметила, что эта цифра превышает допустимую норму для водителей, но Даймонд только отмахнулся, пробормотав, что Руперт погиб не за рулем.

Настаивать было опасно, но Джули не любила отступать.

— Хочу напомнить, что пробу крови взяли только в восемь утра. Мы не знаем, когда он пил в последний раз, но метаболизм алкоголя в организме составляет несколько часов. Если бы мы взяли кровь раньше, результат анализа мог бы быть другим.

Даймонд закатил глаза при слове «метаболизм» и ответил:

— Жалко, что не взяли. Может, вы и правы, Джули. Я не очень силен по научной части. Но, по-моему, вы просто строите догадки.

К его удивлению, она ответила:

— И вы тоже, мистер Даймонд.

— Что?

— Строите догадки.

— Какие?

— О метаболизме.

— А! — Он вяло улыбнулся.

В любом случае, результат анализов его не удовлетворил, и он попросил курьера срочно отвезти образец крови в судебную лабораторию в Чепстоу. Там его проверят на другие примеси: вполне возможно, в один из напитков Руперта добавили что-нибудь покрепче. Но пробы на наркотики займут немало времени. А Даймонд терпеть не мог задержек.

В том же скверном настроении он отправился в диспетчерскую. Казалось, расследование потеряло прежний импульс, и вся его команда работала вполовину. По общему мнению, самоубийство Руперта подтвердило его виновность, хотя никакого признания они так и не обнаружили. Сотрудники отдела считали, что Даймонд просто выпускает лишний пар; они еще больше укрепились в этом мнении, когда он потребовал еще раз пройти по всем подозреваемым и связанным с ним людям, чтобы досконально выяснить, где и как они провели последние сутки. Воздух в комнате был наэлектризован раздражением и недовольством.

Даймонд сказал, что возьмет на себя часть работы, занявшись Джессикой Шоу и ее мужчинами. Халлиуэла и детектива-констебля он отправил в Парагон допрашивать мисс Чилмарк. Джули поехала в офис «Бэдджерлайнс», чтобы навести справки о Ширли-Энн, а затем в фитнес-центр — проверить Берта. Детективам Хьюджесу и Твиггу поручили Клавертон и Полли Уайчирли. А детектив Митчелл — просто для протокола, как объяснил Даймонд, — должен был посетить гавань и поговорить с Майло.

Вместо того, чтобы сразу направиться в галерею «Вальсингам», Даймонд заглянул в промышленную зону Локсбрук, где муж Джессики арендовал офис для своего керамического бизнеса. Пришло время поближе познакомиться с меценатом и любителем искусств мистером Барнаби Шоу.

Даймонда попросили подождать в выставочном зале, где детектив, окруженный всевозможными образцами

миниатюрных зданий — коттеджами, дворцами, замками, церквями, пабами, — чувствовал себя как Гулливер в стране лилипутов. Он боялся лишний раз повернуться, чтобы ненароком не сломать все эти хрупкие и изящные изделия, и неловко застыл на свободном пятачке посреди комнаты, стараясь держаться как можно дальше от полок и витрин. Когда секретарша позвала его в кабинет управляющего, Даймонд вздохнул с облегчением.

Он благополучно выбрался из выставочного зала, прошел по афганскому ковру и пожал руку Барнаби, ухватившись за нее, как за спасательный круг. Китайский фарфор вокруг загремел, но ничего не упало.

— Вечно я во что-то врезаюсь, — признался он. — В детстве у меня все коленки были в ссадинах.

Секретарша проводила его к креслу.

Хозяин кабинета выглядел еще более озадаченным, чем его гость. На нем был серый костюм, темно-бордовая рубашка и галстук в тон, из нагрудного кармашка торчал уголок платка. Барнаби явно не готовился к его визиту. Даймонд обратил внимание, с каким настороженным видом тот сел обратно за свой стол, словно ожидая какого-то подвоха.

Они немного поболтали о том о сем. Барнаби рассказал, что еще тридцать лет назад начал клеить миниатюрные модели из спичек, а потом перешел к керамике. Теперь он иногда выполняет заказы для клиентов, которые хотят украсить свой дом, хотя это обходится недешево. Даймонд честно заявил, что считает это напрасной тратой денег, но из деликатности добавил, что никогда не умел обращаться с безделушками.

На его вопросы Барнаби отвечал легко и без запинки.

— Да, вчера я допоздна засиделся в своем офисе, оформляя новые заказы. Вы не представляете, какая суматоха начинается у нас перед Рождеством.

— Рождество — сейчас? — с насмешливым ужасом спросил Даймонд. — С вами кто-то был?

— Вчера вечером?

— Да.

— После шести — нет. Все сотрудники ушли.

— Когда вы вернулись домой, мистер Шоу?

— Уже после полуночи. Примерно в половине второго. — Он говорил быстро и свободно, видимо, еще не зная о смерти Руперта, с вежливостью делового человека, который хочет быть любезным, несмотря на множество забот. Впрочем, отметил про себя Даймонд, нехватка времени не помешала ему облачиться в дорогую «тройку», хотя она выглядела слишком изысканно для обычного трудового дня.

— Вы с кем-то разговаривали в это время?

— Да, разумеется, по телефону.

— Но лично вас никто не видел?

— Нет.

— Когда вы вернулись, ваша жена уже легла?

— Думаю, да.

— Но вы не уверены?

— У нас разные спальни.

Все сходится, подумал Даймонд. Ему было совершенно непонятно, что Джессика Шоу могла находить в этом скучном и переутомленном человеке, если не считать денег, которые он зарабатывал своими крошечными домиками. С другой стороны, вид у него был щеголеватый. К тому же он, похоже, красил волосы.

— Вы знаете, как миссис Шоу провела последний вечер?

— Спросите лучше у нее. Я не виделся с ней со вчерашнего утра. Когда я уходил на работу, она еще спала. — Он вдруг ахнул, прижав ладонь к губам. — Постойте, с Джесс все в порядке?

— Насколько мне известно, да.

— Тогда с кем проблемы? С Эй Джейем?

— Я как раз хотел о нем спросить, мистер Шоу. Насколько я понимаю, он близкий друг семьи?

— Ну, да. — Барнаби сделал небольшую паузу, словно хотел как следует обдумать свой ответ. — Он очень полезный человек.

— В каком плане?

— В плане галереи.

— Вы имеете в виду устройство выставок и все такое?

— Я имею в виду финансовую помощь. У него большая доля в бизнесе.

Это была новая информация, но Даймонд сделал вид, что она ему уже известна.

— Разумеется, он заинтересован в его процветании: ведь в галерее выставляются его картины.

— Сомневаюсь, что Джесс смогла бы вести дело без него, — спокойно заметил Барнаби. — Сам бы я не смог содержать галерею из своих средств. Конечно, я помогаю, когда могу, но расходы просто чудовищны. Вы не представляете, как трудно вести бизнес в этом городе. Счета на электричество, на отопление. Эй Джей все оплачивает.

Так вот, значит, кто на самом деле покровитель искусств.

— За счет прибыли от своих картин?

— О, нет. Он не так уж много продает. Эй Джей хороший художник, но коммерческим его не назовешь. У него есть личные доходы.

— Это он помог организовать недавнюю выставку или как его там — вернисаж?

— Да, Эй Джей оказал нам большую помощь.

— Я про финансы. Он платил за угощение?

— Нет. Честно говоря, это был мой подарок Джессике. Я помогаю, когда могу. К тому же спонсировать одно событие гораздо проще, чем регулярно платить по счетам, как это великодушно делает Эй Джей.

Даймонда больше удивляло собственное великодушие Барнаби: он не мог уловить в его голосе ничего похожего на ревность. Это надо было прояснить.

— Эй Джей поступает так из дружеских чувств?

— Вне всякого сомнения, — подтвердил Барнаби. — Вкладывая средства в галерею, он, в некотором смысле, рассчитывал на продажи своих картин и при желании

мог бы настоять на том, чтобы ему оказывали исключительное предпочтение. Вместо этого он довольствуется ролью обычного художника, выставляющего свои полотна.

— Поразительный альтруизм. — Даймонд глубоко вздохнул и решил рискнуть. — Не хочу, чтобы это прозвучало грубо, мистер Шоу, но вы никогда не задумывались о его мотивах?

— Я вас не понимаю.

— Ваша жена — привлекательная женщина.

— Ах, вы об этом, — холодно ответил Барнаби. — Думаете, между ними может быть какая-то связь?

— На вашем месте это пришло бы мне в голову.

— Но вы не на моем месте, и вы не знаете Джессики.

— Я с ней знаком.

— Мой дорогой суперинтендант, Джессика — это человек, которому я доверяю целиком и полностью. Разумеется, мне понятны ваши подозрения. Она умная современная женщина, но у нее старомодные представления о верности. Я не стану притворяться, что нас связывает страстная любовь. Просто я уверен, что Джессика никогда мне не изменит.

— Должно быть, это большое утешение.

— При том, что она проводит столько времени в обществе другого мужчины? — спросил Барнаби. — Понимаю, к чему вы клоните. Джессика и Эй Джей, безусловно, очень близки. В интеллектуальном смысле они, возможно, бешено флиртуют. Но в физическом — нет.

— Можно об этом поподробней?

— О чем?

— Об интеллектуальном флирте.

Барнаби Шоу улыбнулся:

— Боюсь, это будет трудно объяснить. Скажем так: взаимное влечение может проявляться разными путями. Сексуальная энергия, если не давать ей выхода, находит иной способ выражения. Например, в музыке. Или в еде.

— Или в послеобеденных прогулках?

Барнаби бросил на него быстрый взгляд.

— Очевидно, я недостаточно ясно выразился. Интеллигентные люди — а они оба, безусловно, относятся к этой категории, — могут находить особый вкус в определенных ритуалах, своего рода играх или развлечениях, которые высвобождают их энергию и приносят им чувство удовлетворения.

— И этого достаточно?

— Джессике — достаточно.

Для Даймонда все это было чересчур сомнительно и сложно. Рассуждения собеседника его не убедили. Возможно, Барнаби просто пытался обмануть самого себя.

— Я хочу спросить про надпись, которая появилась на витрине галереи во время вернисажа, — произнес он.

Барнаби пришел в замешательство — впервые за время разговора.

— Кто вам об этом сказал?

— У нас есть показания свидетелей.

— Та молодая женщина с челкой и в очках? Мисс Миллер?

— Об этом знали многие, мистер Шоу. На выставке было полно людей.

— Да, но они не видели надписи. Никто не сказал о ней ни слова, пока мы ее сами не заметили. В ярко освещенной галерее она была практически невидима. Люди обычно смотрят сквозь окна, а не на них.

— Понимаю. У вашей жены были какие-то предположения, кто мог это сделать?

— Никаких, но она была очень расстроена.

— И поэтому вы решили стереть надпись, никому о ней не сообщив?

— Джессика хотела вызвать полицию.

— Почему она этого не сделала?

— Мы убедили ее, что это просто глупая шутка, о которой не стоит беспокоиться.

— Вы сказали «мы». Кто еще принимал решение?

— Я, Эй Джей и мисс Миллер.

— Значит, Ширли-Энн тоже в этом участвовала?

— Джессика привела ее из зала, чтобы показать надпись. Наверное, она просто первой попалась ей под руку. Там были другие «Ищайки», но...

— Кто?

— Майло Моцион и тот парень в берете. Руперт.

— А остальные?

— Нет. Двух женщин, мисс Чилмарк и миссис Уайчирли, не включили в список гостей.

— Почему?

— Спросите у Джессики.

Даймонд подумал, что так и сделает. Прежде чем уйти, он задал еще один важный вопрос:

— Вы видели надпись на стекле. Вам не приходило в голову, хотя бы мимолетно, что это может быть правдой?

— Что Джессика убила Сида? — спокойно спросил Барнаби. — Да, я об этом думал. Но я не могу себе представить ни одной причины, по которой она могла бы совершить столь опрометчивый поступок. Моя жена — очень умная женщина.

Когда Даймонд сел в машину, ему позвонил Кайт Халлиуэлл, доложивший, что мисс Чилмарк нет дома. Старая дама на верхнем этаже считала, что та куда-то уехала. Накануне вечером она видела, как ее соседка садилась в черное такси и в руках у нее был дорожный саквояж.

— Мисс Чилмарк сбежала? — недоверчиво спросил Даймонд.

— Похоже на то.

Он попросил Халлиуэлла проверить все службы такси и услышал в трубке тихий вздох отчаяния.

Даймонд добрался до Орандж-грув, оставил машину у отеля «Эмпайр» и пешком прошел короткий путь от Хай-стрит до Нортумберленд-плейс. Эй Джей, несколько не смущенный, провел его в галерею и предложил кофе. Он объяснил, что Джессика вот-вот появится. Она наверху, беседует с торговым агентом.

— Если вы можете немного подождать, суперинтендант, она будет вам очень признательна. Ей не так часто выпадает шанс пообщаться с солидными ребятами из Лондона.

— В таком случае, я начну с вас.

— С меня? Вряд ли я вам чем-то помогу.

— Вы можете избавить миссис Шоу от нескольких скучных вопросов о том, что она делала на этой неделе.

— И только? — Эй Джея это, видимо, успокоило. Он снова заулыбался. — Что ж, давайте. Наверно, это связано с тем ужасным событием, которое произошло сегодня утром в Сидней-Гарденс?

— Вы о нем слышали?

— Да, от Ширли-Энн Миллер. Разумеется, полиция нам ничего не сообщала.

— Быстро она все разузнала. — Детектив был немного разочарован.

— Сарафанное радио в Бате работает отлично. Кажется, ее работа связана со службой информации?

— С туризмом.

— В любом случае, информация — это ее конек. Вы действительно не хотите кофе?

— Нет, спасибо.

Эй Джей предложил ему высокий стул в стиле «Ренни Макинтош». Даймонд неуверенно посмотрел на хрупкую конструкцию, прикидывая, выдержит ли она его вес, и осторожно опустился на сиденье, но тут же встал, пробормотав: «Лучше я постою».

— Вы знали Руперта Дарби, сэр?

— Весьма поверхностно, — ответил Эй Джей. — Джессика пригласила его на недавний вернисаж. Скорей для массовости мероприятия, так сказать, хотя позже оказалось, что народу и так пришло полно, да и вообще, вечеринка имела успех.

— А раньше вы с ним не встречались?

— Нет. Видел пару раз на улице. Его легко узнать по описанию Джессики: берет, бархатный голос, собака.

— Собака тоже была на вернисаже?

— Нет, я говорю про уличные встречи. Вы хотите знать о выставке? Когда он пришел, мы перебросились парой фраз. Он не из тех, кто ждет, когда его представят. Человек без предрассудков. Никогда бы не подумал, что он способен на самоубийство.

Даймонд пожал плечами. Сейчас его больше интересовал не Руперт, а Эй Джей. Модная рубашка в тонкую полоску, узкие джинсы, ослепительная улыбка: парень с рекламного плаката в стиле «Добро пожаловать в рай». Барнаби говорил, что у него есть личные доходы: очевидно, часть из них пошла на зубы, белые и ровные, как клавиши. И такой плейбой мог удовлетвориться «интеллектуальным флиртом»? Хм.

— Я слышал, вы много вкладываете в эту галерею, мистер... э?

— Можно просто Эй Джей.

Даймонд покачал головой.

— Боюсь, что нет, сэр. Я беру показания свидетеля. Мне нужно знать полное имя и фамилию.

Эй Джей нахмурился.

— Какая разница? «Эй» значит Амброуз. Меня воротит каждый раз, когда я это говорю.

— А «Джей»?

— Джейсон. Немногим лучше.

— Это ваша фамилия?

— Нет. — Он вздохнул и возвел глаза к потолку. — Моя фамилия Смит. Амброуз Джейсон Смит. Может, поговорим о чем-то более серьезном?

Эй Джея явно задевала эта тема. Даймонду это было только на руку.

— Вы из Бата, мистер... Смит?

Раздраженный взгляд.

— Нет. Я родился в Давоне, но следующие двадцать лет провел в Уинчестере и его окрестностях. Я там учился.

— В закрытой школе?

— Да. Если хотите всю правду, я ее не закончил. Меня отчислили. Потом я поступил в художественный колледж и пару лет бедствовал в Париже.

— А теперь уже не бедствуете?

— Теперь нет.

Даймонд ждал продолжения. Эй Джей объяснил:

— Семья меня простила.

— Давайте вернемся к нашему вопросу. Я сказал, что вы много вложили в галерею. Это так?

— Я помогаю Джессике оплачивать счета. И регулярно выставляю свои картины. Не понимаю, какое отношение все это имеет к полиции.

— Вы близкий друг миссис Шоу?

— Ваша фраза звучит довольно скользко, суперинтендант. Джессика — замужняя женщина. Если я правильно понял ваш намек, вам следует осторожнее выбирать слова.

— Во время выставки кто-то сделал надпись на витрине галереи.

Реакция Эй Джея оказалась менее драматичной, чем у Барнаби. Он сохранил полную невозмутимость. Его карие глаза скользнули по Даймонду, потом обратились к окну.

— Как вы об этом узнали?

— Насколько я понял, там было написано: «Сид — ее работа».

— И что?

— Вы были одним из тех, кто решил стереть надпись, не сообщив в полицию.

— Если уж на то пошло, — заговорил Эй Джей немного громче, — это был просто неуместный розыгрыш. У нас шла вечеринка. Люди выпили, начали дурачиться. Мы решили, что шутка вышла безвкусной, и стерли надпись. Если это преступление, можете нас арестовать.

— Еще один вопрос, — сказал Даймонд. — Где вы были вчера после семи вечера?

Наверху послышались шаги: Джессика спускалась вниз со своим агентом.

— Господи, вы это серьезно? В баре отеля «Королевский полумесяц», а потом в ресторане «Кло дю Руа», где я ужинал в одиночестве. Но если вы поспрашиваете посетителей и официантов, уверен, они это подтвердят.

— А после ужина?

— Поехал домой и весь вечер смотрел телевизор. Вам сказать, что было в программе?

На ступеньках винтовой лестницы появились синие туфли и черные чулки Джессики. Она провожала невысокого седого мужчину в черном пальто и галстук-бабочке. Моментально сообразив, что многообещающая сделка может сорваться из-за присутствия полицейского, Джессика мягко произнесла:

— Мой дорогой мистер Даймонд, как хорошо, что вы заглянули. Как раз вовремя. Только, ради бога, подождите еще одну минутку: мистер Пик приехал из Лондона и должен осмотреть другие галереи. Я только покажу ему, как проехать, а потом вернусь к вам. Хорошо?

Даймонд кивнул. Дождавшись, когда оба выйдут на улицу, он снова обратился к Эй Джею.

— Где вы живете в Бате?

— На Куин-сквер.

— Милое местечко, в самом центре.

— Да.

— И у вас есть...

— Я холостяк.

— Вы выходили из дома вчера вечером?

— Я приехал домой поспать, суперинтендант. Именно этим я и занимался.

Вернулась Джессика:

— Превосходно. Он хочет семь, включая ваше большое полотно, Эй Джей. Мы должны это отпраздновать. У нас осталось шампанское после вечеринки?

— Боюсь, что... — начал Даймонд.

— Присоединяйтесь к нам, — перебила Джессика. — Не каждый день зарабатываешь три штуки на комиссионных.

— Простите, но это вам придется ко мне присоединиться, — ответил Даймонд. — И шампанского я вам не обещаю. В лучшем случае — кофе в пластиковом стаканчике.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Я вас забираю, миссис Шоу. На допрос.

Глава 33

Даймонд не хотел слишком сильно смущать свою пассажирку, поэтому подъехал к участку с задней стороны и вошел в здание через боковой вход. Тем не менее, пока Джессика шествовала по коридору в туфельках на высоких каблуках и бледно-голубом костюме от Армани, надетом ради дилера из Лондона, в их сторону повернулось множество голов.

Телефон на столе Даймонда полыхал красным, как аварийный буй. Питер усадил Джессику на стул и предложил ей отведать кофе с привкусом пластика. Она попросила воды.

Он прочел записки, оставленные на столе. Джули Харгривз поговорила с Ширли-Энн и убедилась, что у нее есть алиби на весь вчерашний вечер. Халлиуэлл проследил путь мисс Чилмарк до Лакнэм-парк, бывшего загородного дома и отеля в Колерне, и теперь направлялся к ней. Счастливчик, ему не придется пить пластиковый кофе. Что касается Джека Мерлина, тот не мог приехать завтра в Бат: это означало, что вскрытие Руперта Дарби придется отложить, если не найдется другой толковый патологоанатом.

Налив себе чаю, Даймонд сел напротив Джессики и смерил ее взглядом, прикидывая свой следующий ход. Она барабанила пальцами по столу. Беседа не обещала быть приятной.

— Миссис Шоу, это вы написали рифмы на пакете?

Аккуратно подкрашенные глаза Джессики немного сузились, но это была единственная реакция на сокрушительный удар, который он надеялся ей нанести. Да, эту даму будет трудно разговорить.

— Я имею в виду бумажный пакет, которым вы вывели мисс Чилмарк от приступа гипервентиляции. Он здесь, у меня. — Даймонд выдвинул ящик и достал пакет, упакованный в пластиковую оболочку. — Как видите, эти слова рифмуются между собой. Мольберт, эксперт, десерт... Похоже на наброски, сделанные каким-нибудь поэтом или, по крайней мере, стихоплетом. Заметьте, к ним подходит слово «конверт». Тут есть вторая колонка, созвучная слову «моцион», и третья, которую можно рифмовать с «каютой». Возможно, я ошибаюсь, но как раз эти слова имеют важное значение в расследуемом деле: конверт с «Черным пенни», Майло Моцион, запертая каюта. Это черновик, не так ли?

Джессика едва заметно повела плечами.

— Вы их сами написали, верно? — добавил он. — Сид Тауэрс тут ни при чем.

На этот раз он не удостоился никакой реакции.

— Он не мог их написать, потому что вчера в прессе появилась новая загадка. Сид мертв. Значит, не он автор этих стихов. — Даймонд не спускал глаз с ее лица, но ничего не увидел. — Будем говорить откровенно, — продолжал он. — Еще сегодня утром у меня были некоторые сомнения. Вы знаете, что произошло этим утром?

Молчание.

— Миссис Шоу?

Тяжелый вздох:

— Да, я знаю, что произошло этим утром.

— Еще одна смерть, — сказал он. — Смерть Руперта Дарби.

Она холодно произнесла:

— Мне это уже известно.

По крайней мере, она начала отвечать: это уже шаг вперед.

— Хорошо, давайте вернемся к загадке. «Когда свалить сей тяжкий груз хотите, От Сида к Сиднею дорогу проложите». По стилю очень похоже на предыдущие два стишка. Они напечатаны на той же бумаге, набраны тем же шрифтом и распространены тем же способом — через местное радио и прессу. Не похоже, чтобы это был какой-то случайный подражатель, ищущий легкой славы, миссис Шоу. «Когда свалить сей тяжкий груз хотите...» Как видите, автор знал, что скоро на мосту в Сидней-Гарденс будет повешен человек. Это абсолютно ясно, правда?

— Если угодно.

— Вы прочли загадку в газете, не так ли?

— Да.

— И вы сами ее написали?

— Нет.

— А другие две?

— Нет.

Даймонд помолчал, чтобы дать ей почувствовать всю серьезность ситуации. Он повертел в руках пакет, словно видел его в первый раз. Потом поднял глаза и добавил более мягко:

— До вчерашнего дня эти рифмы сбивали меня с толку. Я думал, их написал Сид. Мне казалось, что это очевидно.

Темные глаза Джессики спокойно выдержали его взгляд.

— Если их написал Сид, вполне естественно предположить, что он и есть наш поэт, сочинитель загадок и искусный воришка, который украл «Черный пенни» и, словно фокусник, подбросил его в каюту Майло. Я думал, что это черновики, наброски к новой, еще не написанной загадке, которая не появилась на свет, потому что Сид был убит. — Он развел руками. — Но я сел в лужу. Мы все ошибаемся. Вопрос в том, что у меня есть теперь? — Даймонд выдержал долгую паузу, положил руку на затылок, помассировал шею. — У меня есть альтернатива, миссис

Шоу. Эти стишки написали вы. — Еще одна пауза. — Вы следите за моей мыслью? Пакет был у Сида. Он отдал его вам. Вы отдали мне. Так?

Она вздохнула, нехотя признавая его правоту. С фактами не поспоришь.

— Мы называем это цепочкой доказательств, миссис Шоу. И она ясно говорит о том, что раз эти стихи не мог написать Сид, значит, их написали вы. — Он резко встал с места, нависнув над столом и глядя ей в лицо. — Вы мой главный подозреваемый, миссис Шоу. — Явное преувеличение, но надо же как-то пробить ее защиту. — Я хочу дать вам шанс. Это неформальный допрос. Если у вас есть какие-то объяснения, я готов вас выслушать.

Она смотрела на свои ногти, видимо, не слишком впечатленная его маневром.

Даймонд продолжал:

— Пока нет результатов вскрытия Руперта, об этом рано говорить, но я почти уверен, что речь идет о насильственной смерти.

У Джессики перехватило дыхание — первая спонтанная реакция.

— Все говорят, что он повесился.

— Нет, его нашли повешенным.

— Я вас не понимаю.

— Думаю, что понимаете. Мы взяли образец крови. Его так накачали алкоголем, что он не смог бы даже затянуть петлю у себя на шее.

Джессика покачала головой:

— Все это только догадки.

Тоже верно.

Даймонд мысленно оценил свои успехи. Допрос шел совсем не так, как ему хотелось. Это вообще был не допрос. Он выкладывал ей все свои карты, а она просто сидела и отрицала все подряд.

Он взял стаканчик и обжег себе рот. Чай был слишком горячим.

— Можно глотнуть вашей воды? Я налью вам еще.

Она пододвинула ему стакан. Он продолжал:

— Да, конечно, пока это догадки, но очень скоро мы все узнаем. Результаты вскрытия покажут, есть ли на теле следы сопротивления. Когда вешаешь человека, приходится обращаться с ним очень грубо.

Джессика выпрямилась на стуле и презрительно спросила:

— Надеюсь, вы не думаете, что я убила Руперта?

— Вы вряд ли справились бы с этим в одиночку, — признал Даймонд.

— Но зачем мне вообще это делать?

— А вот тут как раз все ясно, — ответил детектив. — Мы нашли берет Руперта, а на нем — следы краски.

Она снова невольно ахнула. Стена начала рушиться. Он добавил:

— Мне известно о надписи на витрине галереи. Скверная история.

Джессика начала:

— Откуда...

— Я говорил с вашим мужем и с вашим приятелем, Эй Джеем.

— Они вам про это рассказали?

Он пропустил ее вопрос мимо ушей.

— На вечеринке Руперт был в берете, заляпанном краской.

Она пробормотала:

— Вы уверены?

— Могу показать вам берет, если хотите. Главное, что это дает вам — а может быть, и кому-нибудь еще, — веский мотив для убийства Руперта. Вы хотели заставить его замолчать. Он мог вас выдать.

— Я не знала, что это Руперт.

Он встал, подошел к окну и молча уставился на улицу. Она повторила более настойчиво:

— Я не знала, что это Руперт!

Даймонд выдержал длинную паузу. Потом спросил, не оборачиваясь от окна:

— Вы по-прежнему отрицаете, что написали эти загадки?

— Разумеется, отрицаю, — ответила она резко. — Я их не писала. И никого не убивала.

— Но вы написали рифмы на пакете.

— Это еще не значит, что я убийца.

Он ухватился за ее ответ:

— Но вы написали эти рифмы. Хотя бы это вы можете признать?

Даймонд был уверен, что она уже готова признаться в более мелком преступлении. Но Джессика показала, что у нее есть характер.

— Простите, можно узнать, сколько еще времени это займет? У меня есть дела. Я ведь могу уйти, когда захочу, не так ли? Я не арестована?

Даймонд искренне ответил:

— Миссис Шоу, я пригласил вас сюда, чтобы поговорить с вами с глазу на глаз, а не в вашей галерее. Я хочу дать вам возможность объяснить свои действия.

— Какие действия? Я не сделала ничего противозаконного.

— По меньшей мере, вы сфабриковали улики.

— Каким образом?

— Если слова на пакете — не черновик для очередной загадки, значит, вы написали их по другой причине. Это было рискованно, но вы пошли — как там говорят в бридже? — пошли со слабой карты. Разыграли партию на одних шестерках. И сделали это, надо признать, блестяще. Вы не стали сами предлагать нам пакет. Нет, вы дождались, пока я о нем спрошу. И потом, отдавая его мне, вы ни слова не сказали про рифмы. Вы ждали, когда я сам их замечу и сделаю вывод, что их написал Сид. Да, вы надули меня и мою команду. Но зачем? Зачем вводить в заблуждение полицию? Ответ ясен — вы хотели что-то скрыть.

Джессика покачала головой:

— Может быть, кого-то защитить?

Ее щеки покраснели.

Даймонд мягко спросил:

— Эй Джея?

Ее голова дернулась так резко, словно ее пронзило током.

Глава 34

Вероятно, Лакнэм-парк — особняк восемнадцатого века в Колерне, что к северу от Бата, а теперь четырехзвездочный отель — был не самым удачным местом для того, чтобы «залечь на дно», но мисс Чилмарк выбрала именно его. Миледи не пристало прятаться по подворотням, с улыбкой подумал Даймонд, убедившись, что после того, как он уже проделал восемь миль, ему придется проехать еще полмили через парк.

В отеле ему выдали ключи от оплаченного номера и передали сообщение. Звонила Джули. Может ли он срочно ей перезвонить? Телефон был незнакомый.

Даймонд позвонил и попал к диспетчеру фитнес-центра, который сообщил, что инспектор Харгривз ждет его звонка.

— Мистер Даймонд? — В голосе Джули прозвучали одновременно облегчение и тревога. — Как хорошо, что я вас застала.

— Какие-то проблемы?

— Да, с Марлоу.

— С кем?

— С Марлоу. Собакой Руперта Дарби. Я взяла ее домой. Помните?

Даймонд озадаченно спросил:

— Вы хотите поговорить о псе? Что он натворил?

— Пока ничего. С ним все в порядке.

— Тогда в чем дело?

— Я приехала в спортивно-оздоровительный центр, чтобы поговорить с Бертом Джонсом, партнером Ширли-Энн.

— Я в курсе, Джули.

— Но перед тем, как поехать, я отправилась выгулять Марлоу, если вы понимаете, о чем я. Мы прошлись вокруг стоянки на Манверс-стрит, но он был не в настроении, поэтому я решила дать ему еще одну возможность здесь.

— В смысле — сделать свои дела? Джули, вы уверены, что мы должны это обсуждать?

— Да, мистер Даймонд, — серьезно ответила Джули, — потому что во время прогулки я хорошо разглядела его шерсть. Как вы знаете, Марлоу темно-бурой масти, но мне показалось, что один бок у него немного побелел.

— Что вас удивляет? Бедняга уже стар.

— Прошу вас, выслушайте меня, мистер Даймонд. Светлый окрас был только с левой стороны. И это не седина. Приглядевшись, я увидела, что шерсть покрыта маленькими белыми точками. Это брызги краски из аэрозольного баллончика.

Даймонд замолчал. Его раздражала вся эта никчемная, как ему казалось, болтовня, и теперь ему было трудно перестроиться.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Я соскребла немного краски ногтем.

— Джули, когда Руперт пришел на вечеринку, с ним не было собаки.

— Об этом я и говорю. Понимаете, что это значит? Очевидно, собаку обрызгали аэрозолем в то же время, что и берет.

Его мысли уже неслись вперед:

— Согласен. А отсюда следует, что мы не знаем, когда краска появилась на берете.

— Именно так. До сих пор мы думали, что она попала на берет вместе с надписью на витрине галереи. Но теперь мы в этом не уверены.

Он помолчал, обдумывая, к чему все это ведет. Важная улика, связывавшая Руперта с надписью, оказалась под сомнением. Краску могли нанести где угодно, и со-

бака тоже получила свою порцию. Может быть, Руперт тренировался дома, пробуя баллончик?

Даймонд заметил:

— У вас было время все это обдумать, Джули. Есть какие-нибудь идеи?

— Даже не представляю... — заговорила она, потом остановилась и начала снова: — Думаю, у нас есть способ выяснить, не было ли краски на берете Руперта еще до того, как он пришел на выставку. Кажется, он появился там с парой знакомых, которых встретил в «Голове сарацина».

— Верно, и они могли заметить... Как там их звали? Ширли-Энн говорила.

— Волк. Они из Брэдфорда-на-Эйвоне.

— Я пошлю к ним человека. Вы уже закончили с Бертом?

— Даже не начинала. Решила сразу позвонить вам.

— И правильно сделали, Джули. — Прежде чем повесить трубку, он добавил: — Простите, если я говорил слишком резко. Я думал, вы хотите посоветоваться насчет этого чертова пса. Кстати, как там Марлоу?

— Он не чертов пес, мистер Даймонд. Он очень хороший. Я надеюсь, что Роджер его примет.

— Ваш муж?

— Нет, Роджер — другой мой пес. Он немного непредсказуем.

— Хм, Марлоу тоже.

Детектив позвонил на Манверс-стрит и распорядился отправить машину в Брэдфорд-на-Эйвоне. Положив трубку, отрешенным взглядом обвел роскошный холл с огромным камином и картинами на стенах: эпизод с краской заставил его так глубоко задуматься, что он не сразу вспомнил, как здесь очутился.

Кайта Халлиуэлла он нашел вместе с мисс Чилмарк в гостевой комнате с видом на лужайку для крокета. Бедная женщина была так смущена и подавлена всем происходящим, что буквально оцепенела в своем кресле; она

даже не подняла голову, когда он вошел. Ее внешность сильно изменилась, хотя Даймонд не сразу смог понять, в чем дело. Наконец он догадался, что на ней просто не было макияжа. Оранжевая помада, крем-пудра и изумрудные тени для глаз делали из нее совсем другую женщину. Как ни странно, из двух ее воплощений ему больше нравилось то, которое он видел теперь: более бледное и уязвимое.

На кофейном столике перед мисс Чилмарк стояла тарелка с канапе и полупустой бокал, вероятно, с виски. Он заметил и второй бокал, блестящий на полу под свисавшей с кресла бахромой. Халлиуэлл объяснил:

— Я заказал спиртное, чтобы ее немного успокоить, сэр. Скотч обычно неплохо помогает.

— Тебе тоже?

Халлиуэлл криво усмехнулся.

Даймонд повернулся к пожилой даме:

— Ваше исчезновение заставило нас здорово поволноваться, мисс Чилмарк.

Она не ответила.

— Давно вы здесь?

Халлиуэлл подсказал:

— Со вчерашнего вечера, сэр.

— Помалкивай, Кайт. Я говорю с мисс Чилмарк. Вы меня помните, мэм? Я навещал вас в Парагоне. Хорошее место, прекрасный дом. Странно, что вы уехали. — Он опустил в кресло напротив. Здешняя мебель отлично подходила для его комплекции. Обычно он чувствовал себя в креслах как ломовая лошадь, зажата между двух оглоблей. — Я за вас беспокоился. Двое «Ищек» уже мертвы. Вы слышали о Руперте Дарби?

Она кивнула, не поднимая глаз.

— На канале «Ти-Ви-уэст», верно? — добавил он, кивнув на стоявший в углу телевизор. — Они сняли, как я стою на мосту через канал, где все это случилось. Сидней-Гарденс. Вы знаете это место? Ну конечно знаете.

Снова кивок.

— Насколько мне известно, вы не питали особой симпатии к Руперту Дарби, — заметил Даймонд. — Он не был в числе ваших друзей, не так ли?

На этот раз она подняла голову, однако ее широкое бесцветное лицо осталось совершенно неподвижным.

— Ну конечно, он не был вашим другом. Поэтому давайте обойдемся без церемоний, мэм. Для вас это скорее избавление, не так ли? Он превращал вашу жизнь в ад.

Наконец она разжала губы:

— Не надо отвечать вместо меня, суперинтендант.

— Поскольку вы сами ничего не отвечаете, мэм, мне приходится говорить за нас обоих. Я сказал, что мистер Дарби превращал вашу жизнь в ад. Вы с этим согласны?

Она настороженно посмотрела на него:

— Что вы имеете в виду?

Он ответил более мягким тоном:

— Я просто пытаюсь завязать разговор. Нам есть о чем поговорить, не так ли?

Мисс Чилмарк слегка шевельнулась в кресле, нервно потерла руки и вздохнула.

Во время допроса Даймонд обычно старался держать нейтралитет. Трудно было ожидать, чтобы эта немолодая дама, склонная к истерическим припадкам, могла пробудить в нем симпатию, но, как ни странно, именно это и произошло. Мисс Чилмарк вела очень скучную жизнь и имела узкий кругозор, где главное место занимали снобизм и статус в обществе. Но теперь все, на чем держалось ее существование, пошло прахом. Она сидела перед ним униженная и пристыженная, полностью во власти полиции. У нее не было никаких шансов вернуть прежнее уважение к себе.

В начале разговора ее глаза оставались полузакрытыми, словно это делало беседу менее болезненной.

— Простите, я очень плохо себя чувствую. Не знаю, что вам сказать об этом человеке — о Руперте Дарби. С тех пор, как я узнала о его смерти, я стараюсь его по-

нять, может быть, даже простить. Все эти скандальные истории во время встреч клуба настроили меня против него. Мне казалось, что он преследует меня специально. Но теперь, когда...

— Когда его не стало?

— Да... я уже не так уверена. Возможно, инцидент с собакой — это следствие небрежности.

— В обращении с собакой, вы имеете в виду?

— Да. Он не мог знать, что она бросится ко мне и прыгнет на колени. Поэтому я стараюсь, я надеюсь... я хочу взглянуть на все эти происшествия более благожелательно. Понимаете?

Для мисс Чилмарк подобный переворот был равносильен попытке превратить графа Дракулу в зубную фею. Но что его вызвало — смерть Руперта? Или это стало следствием более глубокого кризиса, который заставил ее переоценить многие свои поступки?

Она пробормотала:

— Никогда бы не подумала, что он способен на самоубийство.

Даймонд вздохнул.

— На вашем месте я бы заботился не о Руперте. — Он немного изменил позу. До сих пор он сидел, подавшись вперед и демонстрируя свое сочувствие, а теперь свободно откинулся в кресле. — Ваше бегство не имело никакого отношения к Руперту, не так ли, мэм?

По ее телу прошла дрожь.

— Нет.

Снова молчание.

— Я понимаю, вам тяжело об этом говорить, — произнес он соболезнующим тоном, — но, поверьте, если вы это сделаете, вам станет легче. Замкнуться в себе — не самый лучший выход.

Она бросила на него испытующий взгляд:

— Вы уже все знаете, верно?

— Я знаю достаточно, мэм, чтобы понять, какой тяжестью это легло на ваши плечи. Больше так не может

продолжаться, ведь правда? Вам слишком дорого обходится...

— Но как вы узнали?

Он быстро сменил тактику. Ему не хотелось, чтобы она была в курсе его махинаций с ее банком.

— Я хотел сказать: вам слишком дорого обходится то нервное напряжение, в котором вы теперь находитесь.

Его уловка была слишком откровенной. Дверь снова захлопнулась.

— В любом случае, не вижу, какое отношение мои личные дела могут иметь к полиции, — надменно произнесла мисс Чилмарк.

Значит, придется вытаскивать из нее эту историю. Он пожалел, что рядом с ним не Джули, а Халлиуэлл, сидевший, как архангел у врат чистилища.

— Кайт, мне могут позвонить на гостиничный номер. Если ты не против...

Халлиуэлл быстро кивнул и вышел.

Даймонд слегка улыбнулся, стараясь внушить ей ощущение безопасности.

— Взгляните на это с моей точки зрения, мисс Чилмарк. Ночью погиб Руперт. Вы пропали. Меня это встревожило. Возможно, между этими событиями нет никакой связи, но я хотел бы услышать ваши объяснения. Мне кажется, кто-то пытается вас использовать. Возможно, даже угрожает. Я прав?

Мисс Чилмарк сделала конвульсивное движение и издала громкий всхлип, похожий на икоту. Вынув из рукава платочек, она промокнула глаза, но тут же разрыдалась снова.

Даймонд терпеливо ждал.

Наконец мисс Чилмарк подняла глаза и взглянула на него сквозь пелену слез.

— Если я вам расскажу, вы обещаете, что не станете его преследовать?

Не зная, о чем она собиралась рассказать, Даймонд вряд ли мог ей что-то обещать. Тем не менее он пробормотал:

— Если это не касается преступлений, которые я расследую, я не стану вмешиваться.

Фраза, достойная Макиавелли, но мисс Чилмарк была слишком подавлена, чтобы заметить такие тонкости.

Дрожащим голосом, готовым вот-вот сорваться на плач, она принялась рассказывать свою историю.

— Все началось, когда мои родители погибли в автокатастрофе, это случилось во Франции, в 1961-м. Они столкнулись с грузовиком неподалеку от Руана. Страшная трагедия. Обоим было едва за пятьдесят. Мне исполнилось двадцать шесть, я была их единственная дочь, очень наивная. Всю жизнь меня растили, как в теплице. Можете себе представить мое отчаяние, мой шок, весь груз проблем, которые на меня свалились! Я была абсолютно растеряна, просто не знала, что мне делать.

— Любой на вашем месте... — поддакнул Даймонд.

Она продолжала:

— Сразу начались сложности с расследованием аварии и необходимостью перевезти тела домой. Я знала, что папа и мама хотели, чтобы их похоронили дома. Как это часто бывает в трудные минуты, мне на помощь пришел один человек, адвокат, который раньше работал с папой. Я вам говорила, что папа был старшим партнером в «Чилмарк, Портленд и Смэйлз»? Этот молодой человек — не стану называть его имя — все взял на себя. Формально душеприказчицей была я, но он сделал абсолютно все. Съездил во Францию и привез их домой. Организовал похороны, оформил передачу собственности, заплатил налоги. Рекомендовал, куда вложить мое наследство, весьма солидное. Без него я бы не справилась. Раньше я его практически не знала. Не помню, чтобы папа вообще о нем упоминал, но он редко говорил о своей работе. Все это время его поведение в отношении меня — наивной и беспомощной — было безупречно. Он вел себя как настоящий джентльмен. — Она потянулась к бокалу с виски. — Вы не против? Мне надо промочить горло. Я охрипла.

— Конечно.

Даймонд подозревал, что дело было не в охрипшем горле, а в джентльмене, о котором она упомянула.

Мисс Чилмарк продолжала тихим и доверительным тоном:

— Дальше случилась одна вещь, которая показалась мне очень таинственной, хотя и довольно приятной. Я получила валентинку — единственную настоящую валентинку за всю мою жизнь. Разумеется, в школе мне писали всякие глупости, но это послание было красивым и изящным, как викторианская открытка, с шелковой лентой и шнуровкой по краям. Внутри я нашла милый стишок, но никакой подписи не было. Аноним. Разумеется, меня это заинтриговало. Я всю ночь лежала без сна, думая, кто это может быть, и в глубине души надеясь, что это тот самый молодой человек, который спас меня от стольких проблем. Прошло еще шесть недель, и он позвонил мне с хорошей новостью: завещание было официально утверждено. Теперь я могла наконец тратить свои деньги, подписывать счета и все такое. Не могу сказать, что у меня были какие-то особенные планы, но это стало чем-то вроде рубежа. Мне хотелось думать, что трагичное прошлое осталось позади. Отныне я смотрела в будущее и собиралась строить собственную жизнь.

— Вы где-нибудь работали? — спросил Даймонд.

— Вы имеете в виду — за деньги? Нет. Папа не хотел, чтобы я работала. Он придерживался старомодных взглядов, что женщина из хорошей семьи не должна трудиться. Я много чем занималась по дому и в саду, но только для себя. Как я уже сказала, завещание было утверждено. Мой добрый помощник предложил мне отметить это событие праздничным ужином. Я не знала, что ответить. Конечно, мой отец никогда бы не стал предлагать клиентке такие вещи, но он был из другого поколения. Мне хотелось согласиться. Все это время он был так добр и великодушен, и вот теперь, когда все проблемы решились... Короче, в тот же вечер я отправилась с ним на ужин в рес-

торан «Дыра в стене» — в то время он считался лучшим в Бате. Мой советник оказался замечательным компаньоном. Не могу сказать, что он выглядел сногшибательно, но у него был удивительно приятный голос, словно у актера. Он заказал шампанское и в конце ужина признался, что валентинка была от него. Вы понимаете, что меня переполняло море чувств. До сих пор у меня не было опыта с мужчинами. Наверно, шампанское ударило мне в голову. После ужина он проводил меня обратно в Паррагон. Шел дождь, он раскрыл зонтик и попросил взять его за руку, пока мы шли под куполом. Я была безумно счастлива. Когда мы подошли к дому, он сказал, что не хочет портить удовольствия делами, но у него есть пара бумаг, которые мне надо подписать. В глубине души я понимала, что это только предлог, чтобы войти в дом, но мне самой хотелось, чтобы он его нашел. Я не пытаюсь себя оправдать.

— Все это уже в прошлом, — промолвил Даймонд.

Она опустила глаза.

— Вы догадываетесь, что произошло дальше. Я была страстной, но неопытной, он — тактичным и внимательным. Очень мягким, чутким, понимающим. В наши дни отношение к таким вещам сильно изменилось, но по понятиям того времени мы предавались пороку. Правда, в тот вечер меня это не волновало. Он ушел примерно через час. По правде говоря, я была даже рада, что он не остался на ночь. Не знаю, смогла ли бы я спать с женщиной — спать в буквальном смысле. Он ушел около полуночи, а я упала в постель и проспала до позднего утра. Проснувшись, я почувствовала себя падшей женщиной. В те времена невинной девушке, чтобы ощутить вину, достаточно было съесть лишнюю плитку шоколада.

Даймонд ободряюще улыбнулся, не отважившись ответить шуткой — тема была слишком деликатной.

— Этот вечер был не единственным, — продолжала мисс Чилмарк. — Он приходил еще много раз. Всегда под каким-нибудь предлогом. Письмо из банка или что-то

в этом роде. И я каждый раз приглашала его к себе. Мы шли в мою спальню и... потом он уходил. Мы нигде не бывали вместе. Со временем у меня возникли подозрения, почему он не хочет появляться со мной на публике, но я не признавалась в них самой себе. Я хотела его удержать. Дальше случилось неизбежное. Я поняла, что забеременела.

Ее воспоминания были так живы, что вместо зрелой дамы перед Даймондом на мгновение появился образ хрупкой наивной девушки, какой она тогда была. Он хорошо помнил тогдашнее общество, его моральный климат и все беды и горести молодой любви.

— Разумеется, для меня это стало ужасным шоком, но в то же время я почти обрадовалась. Он всегда очень туманно говорил о нашем будущем. Я надеялась, что это заставит его принять решение и теперь мы сможем если не повенчаться, то хотя бы зарегистрировать брак. — Она покачала головой и глубоко вздохнула. — Когда я ему все рассказала, его поведение сразу изменилось. Он ответил, что я должна от этого избавиться. Я цитирую его слова. Он сказал «от этого», словно речь шла о каком-нибудь предмете. Меня это повергло в ужас. Я пролепетала что-то насчет брака, но он грубо ответил — как будто это было чем-то само собой разумеющимся, — что давно женат и у него двое детей. Я уже сказала, что догадывалась о чем-то подобном, но гнала от себя эти мысли. Я была его любовницей. Мою беременность он воспринял как мою ошибку и как угрозу своему благополучию. Мы не принимали никаких предосторожностей. Не знаю, можете ли вы это понять, но если бы я стала как-нибудь предохраняться или принимать противозачаточные средства, то чувствовала бы себя проституткой.

— И вы родили ребенка?

Она кивнула:

— В одиночку. Он отказался принимать в этом участие. Сказал, что если я не хочу сделать аборт, то это мои проблемы. Мне пришлось устраивать все самой. Я обра-

тилась к своей кузине, которая жила в Эксмуте и работала в частном пансионе. Мы иногда проводили у нее каникулы, и я хорошо ее знала. Она была единственным человеком, кому я могла довериться. Я объяснила, что хочу родить ребенка, но не смогу оставить его у себя. Оказаться матерью без мужа — это был немыслимый позор. Кузина Эмма сказала, что знает одну женщину, которая очень хочет усыновить ребенка, но по каким-то неясным причинам не может обратиться в опекуновское учреждение. Если я действительно согласна отдать младенца сразу после родов, она может это устроить. Так все и случилось. Когда срок беременности подходил к концу — и когда это стало заметно, — я переехала в Эксмут. У меня родился сын. Я кормила его неделю или две, потом отдала Эмме. Его зарегистрировали под другим именем. Разумеется, все это было совершенно незаконно, но мы добились того, чего хотели. Одно из условий заключалось в том, что я не должна пытаться выяснить, кто его усыновил и где он живет. Я вернулась в Бат и зажила прежней жизнью. Больше у меня не было никаких романов.

— Вы дали ему имя?

— Нет. Я решила, что будет лучше, если его назовет приемная мать.

— И больше никогда его не видели?

— Таково было условие.

— Трудное решение.

— Да, но оно имело смысл. В первое время я много плакала и думала о том, где теперь мой сын и что с ним, но не пыталась его найти. Я выполнила свою часть сделки. К тому же это было невозможно, потому что я не знала, как его зовут. — Мисс Чилмарк замолчала, судорожно сжимая в руке платок. Потом подняла руку и промокнула уголок глаза.

Даймонд решил, что пора подать реплику:

— Вы сказали, что выполнили свою часть сделки. Значит, кто-то не выполнил свою. Ваш любовник — его отец — знал об этом соглашении?

— Нет. С тех пор мы никогда не виделись.

— Значит, это был кто-то другой?

Она кивнула.

— Года два назад я получила письмо от человека, который был хорошо осведомлен обо всем, что произошло. Он назвал дату и время рождения ребенка и имя моей кузины Эммы, скончавшейся в 1990-м. В конце он попросил встретиться с ним в условленное время у западной двери аббатства. Его письмо совсем не звучало угрожающе, но в нем было много фактов, о которых знала только я. Поэтому я решила пойти.

— Шантаж?

— Нет.

— Но вы платили деньги. Постоянно брали суммы в банке. — Откровенность в ответ на откровенность.

— Он не шантажист. Это мой сын.

— Ваш сын?

— Я не могла его отвергнуть, понимаете?

— Вы уверены?

— Абсолютно.

— Как вы узнали?

— Материнский инстинкт. Можете думать, что хотите, — я знаю, что он мной пользуется, — но та первая встреча у аббатства была настоящим откровением. Он хотел знать, кто его мать, а я хотела увидеть своего сына. Все это было искренне, клянусь вам. Мы зашли в кафе и долгое время просто смотрели друг на друга. Я даже не думала, что такое возможно. Настоящее чудо. И мы не нарушили никаких обязательств, потому что он уже давно ушел из приемной семьи.

— Как его зовут?

Она покачала головой. Ее лицо стало замкнутым.

— Я не хочу вам говорить, и вы не можете меня заставить. То, что происходит между нами, — наше личное дело. Мы не нарушаем никаких законов. Господи, неужели кто-то может мне запретить помогать собственному сыну?

Даймонд тяжело вздохнул:

— Когда он сказал вам, что ему нужны деньги? На первой встрече?

— Это и так было очевидно. Ему тридцать два года. Он мог бы занять достойное место в обществе, но сейчас очень трудные времена для молодежи. Приемные родители устроили его в хорошую школу. Возможно, учеба пошла бы ему на пользу, но он не способен к кропотливой работе. Денег у меня было более чем достаточно, поэтому я стала ему помогать. Он жил в Рэдстоке, без малейших перспектив куда-нибудь устроиться, и я уговорила его переехать сюда, в Бат. Здесь больше возможностей.

— Чем он занимается?

Мисс Чилмарк нахмурила брови.

— Этого я вам тоже не скажу. Неужели вам недостаточно того, что вы слышали?

Даймонд попробовал ее переубедить:

— Подумайте сами. За два года вы потратили на этого человека почти все состояние. Продали родительский дом. Наверно, вам стало не хватать денег — то есть, стало не хватать ему. Вы уехали из города, потому что боитесь признаться ему в том, что его легкая жизнь закончилась. Вы просто сбежали. У вас хоть есть чем заплатить за номер?

Она закрыла глаза рукой.

Даймонд спросил:

— Вы знаете, на что ушли все эти деньги?

Снова молчание.

Детектив пообещал:

— Поверьте, если в этом нет ничего противозаконного, мы его не тронем. — Он добавил более мягким тоном: — Я попрошу инспектора Халлиуэлла отвезти вас домой. Вы не можете сбежать от собственного сына. У вас нет денег. Вам придется сказать ему, что вы остались без гроша. Или я сделаю это сам. Я хочу с ним поговорить. Мне кажется, я знаю, кто он. — Даймонд сделал паузу. — Его зовут Амброуз Джейсон Смит?

Мисс Чилмарк тихо вскрикнула и спрятала лицо в ладонях. Она не могла остановиться и рыдала уже в голос: о своем сыне, об ошибках молодости и о жестокости судьбы.

Глава 35

Кайт Халлиуэлл спал в своей машине. Услышав тяжелые шаги по гравию, он мгновенно встрепенулся, как пес, ожидающий прогулки.

— Какие успехи, мистер Даймонд?

— Пока не ясно, — пробормотал суперинтендант. — В любом случае, она собирает вещи. Возвращается домой. Я предложил тебя в качестве шофера.

— Хорошо, сэр. Пришло сообщение от сержанта Филкинса. Насчет Брэдфорда-на-Эйвоне. Он поговорил с той парочкой, как их...

— Волк?

— Да. Нет сомнений, что краска на берете Руперта Дарби появилась еще до визита в галерею. Он сам жаловался на это, когда они встретились в «Голове сарацина».

Даймонд заинтересовался.

— Руперт сам об этом рассказал?

— Судя по всему, все в произошло в «Лэндсдаун армз», местном пабе. Вечером он, как всегда, пришел туда с собакой пропустить пинту-другую. Когда он выходил, какой-то папуас, игравший с аэрозольным баллончиком, брызнул в его сторону.

— Папуас?

— Выражение Руперта, сэр.

Даймонд сочувственно хмыкнул:

— Представляю, как смачно это звучало.

— Что-то попало на берет. Потом он понял, что это краска.

Суперинтендант издал легкий звук, похожий на урчание.

— Черт, знать бы об этом раньше. Как насчет того парня с баллончиком? Есть его описание?

Халлиуэлл покачал головой:

— Руперт ничего о нем не говорил.

— Стало быть, он его не знал.

— Это важно?

— Если мы расследуем убийство — да.

— Вы думаете, что Руперта убили, сэр?

— Не исключено.

— Притащили на мост и повесили? — Халлиуэлл скептически поджал губы. — Работенка не из легких. Надо было иметь недюжинную силу, чтобы повесить ему на шею петлю и перекинуть через перила.

— Двое вполне могли справиться.

— Само собой... только где найти этих двоих?

Даймонд обернулся и посмотрел на окно номера, откуда он только что ушел.

— Постарайся быть полюбезней со старушкой, Кайт. У нее сегодня трудный день.

— Я доставлю ее, как родную маму, сэр.

— Не переборщи.

— Что у вас на этот вечер, мистер Даймонд?

— Культурная программа. — Он сел в свою машину и завел мотор.

Наткнувшись на огромную пробку на Лондон-роуд, Даймонд впервые не выругался себе под нос. Ему все равно требовалось время поразмыслить. Напряженное расследование подходило к концу. Тайны, казавшиеся необъяснимыми, были разгаданы. Благодаря чему — блестящим умозаключениям? Или кропотливому труду? Какая разница. Главное, что теперь он распутал головомные проблемы с запертой каютой, стишками-загадками, рифмами на пакете и таинственными платежами мисс Чилмарк. Осталось только сорвать маску с убийцы. Или с убийц.

В таких случаях люди вроде Джона Уигфула загружают всю имеющуюся информацию в компьютеры и бешено стучат по клавишам, надеясь, что умная машина, пере-

варив тонны мегабайт, выдаст им точный портрет злоумышленника. «Наш парень умеет писать стихи, у него есть стремянка и ведро для чистки окон, он водит машину, имеет доступ к компьютеру и принтеру, обладает извращенным чувством юмора, отлично разбирается в филателии, детективах, навесных замках и местной топографии. Арестуйте убудка, лодыри!»

Но Даймонд давно уже понял, что раскрыть это дело компьютер не поможет. Тут требовалась более тонкая работа, глубокое понимание того, как причудлива порой человеческая психология и зачем была нужна вся эта длинная цепочка странных преступлений и убийств. Судя по всему, начало этой истории положила экстравагантная затея какого-то умника, которому хотелось позабавиться за чужой счет. Не важно, что именно его к этому подвигло: скука, злость или просто желание кого-то поразить. Ясно, что «Ищеек» он использовал как марионеток. Но потом все пошло не так. Спланировал ли он свое первое убийство или оно произошло случайно, как следствие сделанных ранее шагов? И зачем ему было нужно новое убийство (если это было убийство)? Чтобы избавиться от улики — если Руперт что-то знал — или просто из циничного расчета, чтобы сбить с толку следователей? Даймонд склонялся к последней версии. Очевидно, преступник инсценировал самоубийство Руперта, которого замучила совесть. Иными словами, чтобы подвести черту под следствием. Но это не сработало.

Десять минут спустя Даймонд вошел в галерею «Вальсингам», где незнакомая блондинка с короткой стрижкой сообщила, что у Джессики сегодня свободный день. С едва заметной улыбкой женщина добавила, что Эй Джея тоже ждать не стоит.

— Не знаете, где их можно найти? Это очень важно. — Он показал свое удостоверение.

— Попробуйте позвонить им домой. Можно с нашего телефона.

Номер Джессики, как и следовало ожидать, стоял на автоответчике. Даймонд повернулся к блондинке.

— У вас есть телефон Эй Джея?

Она покачала головой:

— Наверно, они ушли на прогулку. Они часто гуляют вдоль канала.

— Канал чертовски длинный.

Суперинтендант связался по рабочему номеру с Барнаби Шоу, но тот мало чем ему помог. Барнаби сказал, что Джессика собиралась в багетную мастерскую. Один художник прислал картину в расщепленной раме, и она хотела ее заменить.

— Что за мастерская?

— Галерея Мелтона, на Паулет-роуд.

— Можете дать мне номер?

Однако и эта попытка оказалась неудачной. Мел — или Мелтон — не видел их весь день.

Как ни странно, на след его вывел Кайт Халлиуэлл. Когда Даймонд с убитым видом вошел в участок, Кайт отчитался о том, как доставил мисс Чилмарк в Парагон.

— Дама немного всплакнула, но я успокоил ее как мог. Зато дома она буквально расцвела. Кто-то оставил ей под дверь милую записку, что не застал ее дома, но зайдет попозже. Я даже сбегал по ее просьбе за пирожными.

— Господи Иисусе!

Халлиуэлл побледнел:

— Я что-то сделал не так?

— В записке говорилось, когда он придет?

— Не помню. Кажется, после обеда. Поэтому она и попросила меня купить пирожные.

Было уже десять минут четвертого. Даймонд бегом бросился к своей машине. Он пролетел весь путь до Парагона на предельной скорости, судорожно вцепившись в руль и чудом проскочив два перекрестка. Бросив машину чуть ли не посреди улицы — верный способ создать пробку, — детектив одним махом перескочил через тротуар и бросился в подвал.

Эй Джей пока не появился. Мисс Чилмарк, открывшая ему дверь, выглядела разочарованной. Она уже переделалась в одно из своих восточных платьев с высоким горлом и нанесла обильный макияж. Было очевидно, что она готова находиться в рабстве у своего мучителя столько времени, сколько тот захочет.

Даймонд объяснил, что должен остаться в доме. Она запротестовала:

— Но я жду посетителя!

— Как раз он мне и нужен. — Он увел ее в дальнюю часть дома и велел оставаться на кухне.

Следующие десять минут суперинтендант провел в прихожей, стараясь, чтобы его не было видно снаружи сквозь стеклянную дверь, и осторожно выглядывая из-за веток большого фикуса.

Примерно без двадцати четыре кто-то деловым шагом спустился по подвальной лестнице. Раздался звонок. Даймонд шагнул вперед и рывком открыл дверь. Стоявший в проеме констебль начал: «Сэр, это ваша машина стоит на...» — но, узнав суперинтенданта, разинул рот.

Мисс Чилмарк выскочила из кухни и, увидев полисмена, истерично взвизгнула:

— Господи, что случилось?

— Ничего, ничего, просто этот констебль заглянул к нам на чай, — пробормотал Даймонд сквозь стиснутые зубы и, втолкнув полицейского внутрь, захлопнул дверь. — Отведите его на кухню и угостите пирожными.

Почти следом появился посетитель, которого ждала мисс Чилмарк. Увидев Даймонда, Эй Джей шагнул назад, развернулся и бросился вверх по лестнице, но мощная рука детектива схватила его за ногу и дернула назад. Эй Джей полетел вниз и расшиб руку о ребро ступеньки.

— Ты арестован, приятель.

Суматоха на этом не закончилась. Прежде чем положить конец транспортному хаосу на улице, Даймонд позвонил в участок и распорядился передать всем патру-

лям сообщение по рации. Необходимо срочно задержать Джессику Шоу. Возможно, она попытается выехать из города на новом белом «Пежо-306». Он продиктовал номер ее машины.

Когда он вернулся на Манверс-стрит, Эй Джей уже сидел в комнате для допросов, трогая свежую повязку на руке. Он успел прийти в себя и с вызовом посмотрел на Даймонда.

— Не понимаю, какого дьявола вы творите. Вам придется за это ответить.

— Поберегите нервы. — Не обращая на него внимания, Даймонд начал возиться с каким-то предметом на своем столе. Собственная криворукость всегда приводила его в отчаяние. — Придется кого-то позвать, чтобы запустить эту чертову штуковину.

Прошло добрых двадцать минут, прежде чем он вернулся с сержантом, который помог ему наладить магнитофон.

— Придется подождать, приятель, — обратился суперинтендант к Эй Джею. — К нам везут Джессику. Как я и думал, она пыталась уехать из города на машине. — Он усмехнулся. — К счастью, на Лондон-роуд жуткие заторы.

Даймонд спустился в столовую и заказал сосиски с яичницей и жареным картофелем. Он не ел уже сто лет. Оглядевшись в поисках свободного столика, он заметил чьи-то длинные усы, торчавшие под парой красных воспаленных глаз. Глаза пристально смотрели на него. В следующий момент Джон Уигфул помахал ему рукой, приглашая к своему столику. Отказаться было невозможно. Даймонд мысленно поклялся, что не задержится ни одной лишней минуты, и двинулся к нему с подносом.

Уигфул сразу оживился и подвинул ему стул.

— Я слышал, ты раскрыл дело. Взял миссис Шоу и ее дружка.

— Черт, умираю с голоду, — пробурчал Даймонд. — С утра ничего не ел, только маленький тост с джемом.

— Зато теперь они хорошо переварились, верно? Хочешь соус? — Уигфул оглянулся в поисках бутылочки, но Даймонд не собирался ждать и уже начал есть. — Честно говоря, мне и раньше приходило в голову, что эта парочка как-то тут замешана. — Уигфул явно ждал от него отчета. — А когда на мосту повесили Руперта Дарби, стало ясно, что работали двое.

— Задним числом все кажется просто, правда, Джон?

— Нет-нет. Я согласен, что раньше ничего не понимал. Но история с Рупертом все мне объяснила. Повесить человека одному не так-то просто. Тут нужна или огромная сила, или бессильная жертва. И вообще, такие сложные дела не проворачивают в одиночку. Кстати, они очень необычная парочка. Просто мозговой трест. Ловко обчистили старушку, правда?

Даймонд кивнул:

— Я думаю, деньги пошли на галерею.

— И на ее новенький «Пежо», да?

— Не исключено.

— Все-таки удивительно, что ее муж не возражал.

— Против щедрого спонсора? А с чего ему быть против? — Даймонд поневоле втянулся в разговор. — Для Барнаби Эй Джей — всего лишь третьесортный художник с толстым кошельком. Если ему хочется спускать деньги на Джессику, почему бы и нет?

— Я имел в виду их отношения, — объяснил Уигфул. — Неужели его устраивало, что Эй Джей спал с его женой?

— Да, потому что на самом деле он с ней не спал. В том-то все и дело. Они не любовники. Барнаби мне все объяснил. Он называет это «интеллектуальным флиртом».

— Да ладно, — усмехнулся Уигфул.

— Серьезно. В их отношениях нет места сексу. Удовольствие они получают от других вещей. Понимаешь, для них постель — это слишком пресно. Им больше нравится играть в разные игры. Вот что их заводит. Это как взрослая версия игры в «правду или действие», но с кри-

минальным душком. Эй Джей всегда старался произвести впечатление на Джессику. Он и так потратил на нее почти все деньги, выуженные у мисс Чилмарк, но ему хотелось большего. И тогда он придумал гениальный трюк.

— Украв «Черный пенни» и подбросив его «Ищейкам»? Да, эффектная затея. Этим он сразу показал, что все они ему в подметки не годятся. Стишки-загадки. Фокусы с замком. Чертовски остроумно.

— Но потом все пошло наперекосяк, — продолжал Даймонд. — В дело вмешался Сид. Это был фанат Диксона Карра, любитель сюжетов с запертыми комнатами: неудивительно, что его поразила вся эта история. Он отправился на лодку, чтобы посмотреть, что там и как, и явился как раз в тот момент, когда Эй Джей прилаживал старый замок. Очевидно, Эй Джей услышал его шаги и спрятался в каюте, прихватив в качестве оружия гаечный ключ. До этой минуты все шло как по маслу. Громкое ограбление — и никаких следов. Прodelка почти сошла ему с рук. Он был разозлен и испуган, у него сдали нервы. Эй Джей ударил Сиды по голове, возможно, чтобы просто оглушить, но бедняга умер. Никогда не знаешь, насколько крепкий у человека череп, пока не шарахнешь по нему чем-нибудь тяжелым. — Даймонд поддел на вилку картофельную дольку. — Все остальное он сделал, чтобы замести следы.

Уигфул столько раз мысленно прокручивал в голове эту сцену, что теперь она предстала перед ним во всех деталях.

— А Джессика? Когда она стала соучастницей?

— После убийства Сиды. Джессика догадывалась, что Эй Джей в этом замешан, и не хотела, чтобы мы его поймали. Тем более, что у него были все шансы выкрутиться. В тот момент было вполне логично предположить, что именно Сид украл марку и придумал головоломку с закрытой дверью.

— Что мы и сделали, — вставил Уигфул.

— Да, поскольку опирались на факты. В конце концов, именно Сид был экспертом по Диксону Карру, и ему наверняка хотелось что-то доказать тем людям, которые считали его тупицей, потому что он слишком мало говорил. Эта версия стала идеальным прикрытием для Эй Джея. Получалось, что в тот вечер на канале мог оказаться кто угодно — какой-нибудь случайный бродяга, — и наброситься на Сида. Лучше не придумашь. Эй Джей вне подозрений. А рифмы на бумажном пакете подтверждали, что загадки сочинил Сид.

— На самом деле их написала Джессика?

— Да. Она сама в этом призналась. Сказала, что хотела защитить Эй Джея. Честно говоря, я не думаю, что он рассказал ей об убийстве Сида. Но Джессика совсем не глупа. Она быстро поняла, кто это сделал. А потом круг подозреваемых стал сужаться. И тогда появился план «Б» — инсценировка самоубийства Руперта.

— По-твоему, они вдвоем это устроили?

— На этот раз — да. Убийство было не случайным. Они тщательно его спланировали. Придумали инцидент с надписью на окне и заранее облили краской Руперта. Разыграли с ним сценку при выходе из бара. Скорее всего, это была работа Эй Джея: Руперт не был с ним знаком.

— Все сходится, — кивнул Уигфул. — Но эта надпись: «Сид — ее работа»... Зачем привлекать к себе внимание, если ты действительно виновен?

— Прежде всего, это была неправда. Сид — не ее работа. И потом, если бы что-то пошло не так, кто бы мог заподозрить, что они сами себя оговорили?

— А следующим вечером они накачали Руперта алкоголем и повесили его на мосту?

— Да, предварительно написав — якобы от его имени — новую загадку, где говорилось о его самоубийстве. Дело закрыто. Конец истории.

— Так они считали, — Уигфул вздохнул. — Ты и правда молодец, Питер. Должен признать, ты лучше меня.

— Ага, — рассеянно ответил Питер, взглянув на часы. Пора было заканчивать с едой. Еще порция пудинга, и все. Скоро он начнет первый допрос. Даймонд надеялся, что Уигфул поймет намек и удалится. Пара минут в одиночестве — это как раз то, что ему сейчас нужно. Если повезет, Джули уже успеет вернуться из фитнес-центра. Она тоже должна присутствовать на допросе.

Но Уигфула беспокоил еще один вопрос:

— А как насчет того парня, Эй Джея? Он действительно потерянный сын мисс Чилмарк?

— Так она думает, — ответил Даймонд, давая понять, что сейчас его мысли заняты другим.

— Но если это неправда и он ее обманывал, надо привлечь его не только за убийство, но и за мошенничество.

— Возможно.

— Ну и?

Даймонд раздраженно буркнул:

— Что «и»?

— Он мог обмануть мисс Чилмарк?

— Запросто. По условиям сделки, она не должна была знать приемных родителей ребенка. Любой парень примерно того же возраста мог постучать к ней в дверь и заявить, что он ее сын. При условии — и это очень важное условие, — что ему было известно обо всем.

— А почему он называл себя Эй Джей?

— Ему не нравилось его имя. Амброуз Джейсон Смит. Не сразу выговоришь. В свое время... — Он оборвал фразу. Ему больше не хотелось говорить.

— Да? — не отступал Уигфул. — В свое время?..

— У меня была одна мысль насчет Эй Джея.

— Рассказывай, раз уж начал, — попросил Уигфул. — Это не займет много времени, правда?

Даймонд вздохнул и полез в пиджак. В кармане у него лежало несколько бумажек. Он начал их перебирать, бормоча себе под нос:

— Я попросил Полли Уайчирли записать фамилии всех бывших членов клуба «Ищеек», на тот случай, если у кого-то из них могли быть счета с Сидом. Ага, нашел.

— Готов поспорить, там нет Амброуза Джейсона Смита, — вставил Уигфул.

— Правильно, зато есть... да, вот он... Алан Джеллико. Меня зацепило это имя.

— Те же инициалы?

— Да, — кивнул Даймонд. — Вероятно, совпадение.

Но Уигфул так не думал:

— На твоём месте я бы проверил. Легко навести справки, разве нет? Кто знает, может, он назвался Амброузом Джейсоном Смитом, чтобы обмануть мисс Чилмарк.

Но Даймонду не хотелось продолжать эту тему. Конечно, Уигфул был прав. Факты надо проверять, но если в этом действительно что-то есть, правда сама выйдет наружу. А у него впереди еще полдня работы. Как ни называй этого парня, Смит или Джеллико, сейчас он сидит в кабинете наверху и ждет допроса.

— Пока Эй Джей здесь, — продолжал Уигфул, — я бы попросил миссис Уайчирли приехать и провести опознание. Она виделась с ним в последнее время?

— Нет, Джессика не пригласила ее на вернисаж. Они не очень ладят.

— Тем более надо проверить.

Даймонд зевнул.

— Ну и настырный ты сукин сын, Джон. Хорошо, я это устрою. Алан Джеллико. Странноватое имя. — Он еще раз пробежал взглядом по списку. Что-то вертелось у него в голове. Том Пэрри-Морган, Майло Моцион, Полли Уайчирли, Энни Аллен, Гилберт Джонс, Мэрилин Слэйд-Бейкер... — А вот еще одно совпадение.

— Знакомое имя?

— Можно и так сказать, — кивнул Даймонд. — Я знаю Берта Джонса. — Он протянул листок Уигфулу.

— Тут написано Гилберт. Думаешь, Гилберта можно сократить до Берта?

— Некоторые так поступают. Это парень Ширли-Энн Миллер. — Он взглянул на часы. — Джули поехала к нему в фитнес-центр два часа назад. И от нее до сих пор ни слуху ни духу. — Он резко встал и зашагал к выходу из столовой, прежде чем Уигфул успел сказать хоть слово.

Глава 36

Спортивно-оздоровительный центр, построенный из стекла и бетона в 1972 году, — не слишком красивая, но функциональная конструкция в стиле «упаковочного ящика». Днем он выглядит серым и неприметным, пристроившись в уголке зеленой зоны вдали от исторического центра. Зато по вечерам здание превращается в огромный желтый куб, ослепительно сияющий в темном парке.

В семнадцать двадцать пять машину Джули нашли в дальнем конце большой автостоянки. Сидевший на заднем сиденье Марлоу беспрестанно лаял и скулил, чем сильно облегчил поиски.

Сразу после этого была объявлена чрезвычайная ситуация. К центру стянули всех свободных сотрудников полиции. В семнадцать сорок пять на ярко освещенной площадке перед Норс-Пэрейд собралось сорок с лишним человек.

Даймонд обратился к ним через мегафон, бесстрастно сообщив, что пропали два человека. Детектив Харгривз, женщина-офицер, многим хорошо известна. Рост пять футов восемь дюймов, светлые короткие волосы, одета в светло-коричневую кожаную куртку, черный свитер и черные легинсы. Есть подозрение, что она взята в заложники Гилбертом (больше известным как Берт) Джонсом, мужчиной около тридцати лет, рост пять футов девять дюймов, крепкого телосложения, темные волосы, глаза карие. Джонс является сотрудником фитнес-центра, может быть одет в черный тренировочный костюм. По данным полиции, он не вооружен, но подозревается

в серьезных преступлениях, поэтому с ним следует обращаться крайне осторожно.

Даймонд объяснил, что через несколько минут заработает сигнализация и здание будет эвакуировано. Посетителей направят к главному входу для опознания подозреваемого. Если его не обнаружат, весь корпус подвергнут тщательному обыску, начиная с первого этажа. Руководство центра поставлено в известность и окажет необходимую помощь. Особое внимание следует обратить на закрытые помещения, раздевалки, сауны, подсобки и шкафы.

Рядом с Даймондом материализовался помощник начальника полиции Масгрейв. Он спросил:

— Надеюсь, вы все хорошо продумали, Питер? Иначе у нас могут быть серьезные проблемы.

Детектив отключил мегафон и сухо ответил:

— Детектив Харгривз не выходит на связь. Ее машина все еще на стоянке. Что, по-вашему, я должен делать, сэр?

— Но вы хоть уверены, что это наш парень?

Разговор заглушил рев сирены. Даймонд перебрался ближе к подъезду, чтобы наблюдать за выходящими из него людьми. Задача была не из легких: из всех полицейских только он знал Джонса. Кроме него Берта могли опознать лишь трое сотрудников, выделенных руководством центра.

Реакция на сигнал тревоги последовала очень быстро. По вечерам фитнес-центр всегда был переполнен. Вестибюль стремительно наполнился толпой, вытянувшейся к открытой двери в форме бутылочного горлышка. Даймонд, по понятным причинам, хотел лично видеть всех, кто выходил из здания. Полицейские в вестибюле делали все возможное, чтобы сохранить порядок и успокоить людей, но во взбудораженной толпе уже слышались панические голоса. Ситуация в любой момент могла выйти из-под контроля.

Снаружи обстановка также складывалась не лучшим образом. На просторном дворе перед подъездом скапли-

валось все больше людей, одетых лишь в легкие спортивные костюмы. На улице стоял октябрь, и немолодые женщины в трико стали быстро замерзать на пронизывающем ветру. Рядом с ними дрожали дети, только что выбравшиеся из бассейна и не успевшие даже высушить волосы. Сотрудников центра срочно послали за сухими полотенцами.

Поток людей не иссякал в течение нескольких минут, пока в вестибюле не осталась только горстка посетителей. Сирена умолкла, и полиция приступила к прочесыванию корпуса. Около десятка сотрудников остались присматривать за толпой. Кайт Халлиуэлл предложил выпустить эвакуированных в здание, но Даймонд, глубоко обеспокоенный, думал только о Джули и о том, что с ней случилось.

Халлиуэлл настаивал:

— Надо вернуть их обратно в вестибюль, мистер Даймонд. Честное слово, так будет лучше.

Даймонд кивнул и снова взял в руки мегафон.

— Хорошо, выпускайте.

Сам он продолжал вести поиски, вооружившись персональной рацией. Из здания пришлось выкурить пару запоздавших посетителей, решивших, что тревога была ложной, и еще несколько человек, застрявших в раздевалке. Особенно энергично протестовали молодые полуодетые женщины: необходимость срочно очистить помещение их не убеждала.

Поиски на первом этаже заняли всего несколько минут. Практически все пространство здесь занимал огромный зал размером с авиационный ангар, разделенный сетками на дюжину секций, где можно было одновременно играть в волейбол и бадминтон и заниматься аэробикой. Почти так же быстро прочесали площадку для боулинга и крытый бассейн.

Полицейские двинулись выше, в запутанную сеть коридоров, офисов и небольших комнат для настольного тенниса и силовых тренировок. На второй этаж ушло

больше времени. В ресторане под названием «Уиннинг пост» обнаружили группу засевших в баре «мятежников», которые вступили в стычку с полицией и упорно отказывались покидать здание. Даймонду пришлось наорать на них по рации. У него были дела поважнее, чем воевать с взбунтовавшимися пьянчугами.

В половине седьмого пришло сообщение, что все здание осмотрено.

— Она должна быть где-то здесь, — упрямо твердил Даймонд Масгрейву. — Ее машина на стоянке. Она знает, что там собака. Джули не могла оставить ее надолго. Она ранена или ее удерживают против воли.

— Вы проверили всю парковку? — спросил Масгрейв. — Насколько я помню, она занимает весь подвал под зданием.

— Конечно.

— А машина Джонса? Она тоже здесь? Вы знаете, какая у него модель?

Это была здравая мысль, и Даймонд немедленно начал действовать. Кто-то из работников центра сообщил, что Джонс ездил на старой белой «Кортине». Поиск по компьютерной базе данных подтвердил его слова и выдал номер машины. Начались поиски.

Даймонд скрепя сердце согласился с ПНП, что фитнес-центр надо снова открыть для посетителей.

— Если машина исчезла, — предположил мистер Масгрейв, — значит, Джонс почти наверняка похитил Джули и увез в другое место. Тогда мы объявим полномасштабную операцию.

— Разве она уже не началась? — буркнул Даймонд, шагая к парковке.

Через несколько минут белую «Кортину» Джонса нашли на стоянке в секции для персонала. Даймонд обошел вокруг автомобиля, заглядывая через стекло. Потом резко открыл багажник — сердце у него екнуло, — но там не оказалось ничего, кроме спортивной одежды. Двери машины были заблокированы.

— Есть только одно место, где мог спрятаться этот ублюдок, — пробормотал Даймонд. — Мне срочно нужны лестницы и фонари. А также двадцать полицейских и трое снайперов. Кайт, включите прожектора на поле для регби.

Спортивный центр имел плоскую многоуровневую крышу. Поиск решили начать со стороны дороги. Лестницы не понадобились, поскольку наверх можно было попасть с террасы ресторана. Два десятка полицейских начали медленно прочесывать верхнюю часть здания под личным контролем Даймонда, поручившего снайперам взять на прицел любого, кто попытается прорваться сквозь кордон. Он надеялся, что пространство на крыше будет открытым, но здесь торчало много вентиляционных шахт, за которыми легко мог спрятаться преступник.

В каждом расследовании наступает момент, когда хочется опустить руки. Даймонд всегда был склонен к приступам уныния, но теперь все выглядело намного хуже. Это была не просто безысходность — это был суший ад. Он презирал самого себя. Попытайся кто-то убедить его спрыгнуть с этой крыши, он бы так и сделал. Он совершил чудовищную ошибку, не понял, какой опасности подвергал Джули, отправив ее на встречу с Джонсом. Железные улики против Эй Джея и Джессики Шоу заставили его забыть про остальных. Но теперь здесь, на этой проклятой крыше, Питер Даймонд получит по заслугам. Его всегда считали человеком, умеющим принимать решения. Но если все закончилось катастрофой... если Джули, как он почти не сомневался, погибла по его вине... тогда у него остается только один выход.

Даймонд вспомнил свой последний разговор с Джули по телефону, когда та пыталась привлечь его внимание к краске на берете Руперта, а он решил, что она просто хочет поговорить о своей собаке. Такое случилось и раньше, но сейчас это воспоминание наполнило его острым стыдом. Он никогда не отдавал Джули должное.

А ведь она была асом в своем деле, человеком с ясным и острым умом. Почему он хотя бы не попытался ее выслушать?

Неровная линия полицейских медленно двигалась к краю крыши, выходящему к зоне отдыха. В ушах надрывно свистел ветер, заглушая шаги и голоса. Даймонд пытался руководить операцией с помощью фонарика, делая круговые движения, чтобы направить людей вперед, или держа его над головой, когда хотел их остановить. Казалось, все четко выполняли его команды.

Внезапно территорию залил яркий свет. Кайт Халлиуэлл выполнил его указание и включил прожектора на поле для регби. Фитнес-центр находился совсем рядом, и лампы на столбах светили на него почти так же ярко, как на само поле.

В следующее мгновение Даймонду показалось, что он услышал женский крик. Он неуверенно застыл на месте. В команде поисковиков были женщины: одна из них могла вскрикнуть от ударившего в глаза света прожекторов. Детектив поднял фонарь над головой и взмахом руки приказал всем остановиться и замолчать. На крыше громко гудел ветер.

Больше Даймонд ничего не услышал. Он снова накрыл фонариком, и живая линия двинулась вперед.

Почти сразу послышался новый крик. Голос явно принадлежал женщине. Кажется, она пыталась сказать: «Сюда!» Но там, откуда доносился звук, было совершенно пусто. Они миновали последний ряд вентиляционных шахт.

Даймонд вновь приказал всем остановиться и спросил у стоявшего рядом полицейского, слышал ли он голос. Тот ответил, что вроде слышал, но не смог понять, откуда он шел. Суперинтендант решил, что пора отдать команду «кругом»: впереди никого не было, а услышанный им звук мог быть следствием какого-то акустического эффекта.

Но тут голос раздался снова. Это был глухой зов о помощи. Даймонд сделал несколько быстрых шагов

вперед и все понял. Крыша спортивного центра обрывалась вниз, но ниже имелся еще один уровень, образованный новой трибуной стадиона для регби — так называемой Учительской, которую построили пару лет назад. Она высилась на семнадцати белых опорах, четко вырисовываясь на фоне ослепительных софитов, точно гигантский балдахин над полем для рыцарских турниров.

— Она там! — крикнул он. — Господи, конечно, она там.

Снайперы поспешно выдвинулись вперед и заняли позиции на краю крыши. Даймонд свистящим шепотом приказал им спрятать головы.

От спортивного центра на крышу трибуны был перекинут мостик. Для человека с комплекцией Даймонда это был трудный путь, но он находился к нему ближе других. За ним последовали еще трое.

Он махнул остальным, чтобы они не двигались с места. Потом окликнул Джули. Тишина.

— Джули, это я, Даймонд!

В ответ вдруг раздался звонкий отчетливый голос:

— Сюда!

Она жива! Он по-прежнему никого не видел, но это точно была Джули. Очевидно, она находилась за одной из опор. Привинченное к крыше техническое оборудование заслоняло ему обзор.

Даймонд поспешно обошел опору справа и заглянул за столб. На полу перед ним распластались две фигуры, наполовину скрытые спутниковой тарелкой. Даймонд подумал, что если Джонс с его стальными мышцами держит ее за горло, то он может запросто его сломать. Надо действовать осторожно. Снайперы тут не помогут. Он почти ползком подобрался ближе, обернулся и кивнул, подзывая остальных.

Джули заговорила снова:

— Мистер Даймонд, ради бога, давайте скорее. Я его задержала. Просто заберите его.

Суперинтендант растерянно поднялся. Он опять недооценил Джули. Она завалила Берта Джонса и придавила его к полу, сделав мастерский захват ногой.

Два констебля надели на Джонса наручники и поставили его на ноги. Даймонд протянул Джули руку, чтобы помочь подняться, но она покачала головой. Он спросил, все ли с ней в порядке, и она ответила, что повредила ногу. Вот почему она предпочла не рисковать и не пыталась доставить Джонса в одиночку. Они пролежали здесь уже целый час.

— Не представляю, как вам это удалось, — покачал головой Даймонд, не подумав, что его удивление может показаться обидным. — Он эксперт по фитнесу.

— Ну, я тоже не зря хожу на тренировки, — возразила Джули. — Нас всех учат, как задерживать преступников.

— Даже бодибилдеров?

— Как говорит мой инструктор, главное — завалить его раньше, чем он завалит тебя.

— Умный парень!

— Нет, умная женщина.

— Ладно, Джули, — пробормотал он, обескураженно качая головой. — Ладно.

Детектив Харгривз рассказала, что произошло после того, как она явилась в кабинет Берта Джонса.

— Мой визит его не смутил, по крайней мере поначалу. Я спросила, где он был вчера вечером, и Джонс ответил, что допоздна просидел на своем рабочем месте, занимаясь отчетами и заказывая оборудование для центра. Это звучало вполне правдоподобно. Тогда я спросила, может ли кто-нибудь подтвердить, в какое время он ушел с работы, и он сказал, что это было после полуночи и в здании уже никого не оставалось. Джонс объяснил, что часто задерживается допоздна. У него есть договоренность со службой охраны, поэтому он может уходить в любое время. Я спросила, использовал ли он компьютер для заказа оборудования, и тут же заметила, что ему не понравился мой вопрос. Его компьютер стоял рядом на

столе. Джонс сразу стал вести себя агрессивно и спросил, какая мне, к черту, разница, сидит ли он за компьютером или просто торчит в кресле, задрав ноги на стол? Я объяснила, почему это важно.

— Наверно, мне тоже надо объяснить, — буркнул Даймонд.

— Обычно компьютеры отмечают время своей работы и прописывают его в журнале. Вы можете открыть соответствующий файл и увидеть, например, что компьютер был выключен ровно в полночь. Это является веским доказательством, таким же, как показания свидетелей. Джонс ответил, что у его компьютера нет такой функции. Он явно пытался что-то скрыть, и я стала копать глубже. Я попросила показать мне дубликаты бланков, на которых он делал заказ. Он начал юлить. Я настаивала. Джонс явно был встревожен, но я не понимала почему.

— Вы прижали его, — кивнул Даймонд. — Наверняка эти загадки были распечатаны на его принтере. Потом мы сможем сравнить образцы.

— Так или иначе, он разнервничался, — продолжала Джули. — Вскочил с места и направился к двери, сказав, что бланки лежат в другой комнате. Мне это показалось подозрительным, и я ответила, что пойду с ним. Когда мы вышли в коридор, он вдруг бросился бежать. Кинулся вверх по пожарной лестнице, а я за ним. Гонка, доложу вам, была та еще. Пришлось попотеть, но все благополучно закончилось на крыше...

— ... самым впечатляющим захватом в этом сезоне, — закончил Даймонд.

— Возможно. — Джули улыбнулась. — Но я вывихнула ногу и...

— С тренировками придется подождать.

— Как скажете, мистер Даймонд.

После схватки на крыше Джули имела полное право отдохнуть, но настояла на том, чтобы присутствовать на допросе Берта Джонса. Ей еще многое хотелось выяснить.

Джонс сидел в кабинете, скрестив руки на груди и скорчив презрительную гримасу. На его лице было написано: «В гробу я вас всех видал». Даймонд невозмутимо провел подготовительный этап допроса. Он раскалывал и более крепкие орешки.

— Начнем с вашего имени. Большинство знают вас как Берта, но вы Гилберт Джонс, верно?

Кивок.

— И в клуб «Ищейки Бата» — если не ошибаюсь, это было четыре года назад, — вы вступили именно как Гилберт.

Снова кивок.

— Почему?

Джонс нахмурился:

— Что почему?

— Почему Гилберт? А не Берт?

Молчание.

— Это не такой уж странный вопрос, — заметил Даймонд. — Я пытаюсь понять ваши мотивы. Вы умный человек. Вы хорошо понимали, что на людей вроде миссис Уайчирли или Майло Моциона имя Гилберт произведет гораздо большее впечатление, чем Берт. Я прав?

— Если хотите.

— Нет, я спрашиваю вас.

Джонс немного подумал:

— Сажем так: где-то меня знают как Берта, а в других местах — как Гилберта. Это ведь не преступление?

— Разумеется. Вы работаете — как это называется? — спортивным администратором. Некоторые считают, что если человек весь день ходит в тренировочном костюме и кроссовках, у него пустая голова. Он просто качок. Просто Берт. Но стоит вам надеть костюм, повязать галстук и назваться Гилбертом, как отношение к вам сразу меняется. Истина заключается в том, что вы интеллектурал. Вы много читаете. В основном про Джеймса Бонда, верно?

Джонс вдруг вспыхнул и ткнул в Даймонда пальцем.

— Не смейте меня унижать!

— Об этом я и говорю, — весело подхватил Даймонд. — Вам требуется уважение. Надеюсь, вы достаточно квалифицированы для своей работы?

— У меня диплом и три года тренерства.

— Где учились?

— В Лафборо.

— Я вижу, вы здорово потрудились.

Джонс смерил его взглядом, не очень понимая, смеются над ним или нет.

Даймонд спокойно смотрел ему в лицо. Он не сомневался, что этим человеком двигали большое самолюбие и глубокая убежденность в том, что его не ценят по заслугам.

— Я имел в виду умственный труд, — продолжал он. — Понятное дело, физические тренировки тоже важны, но вы так упорно учились, так много работали над книгами, а теперь на это всем наплевать, верно?

Джонс молча скривил губы, что можно было счесть за знак согласия.

— Вы эксперт по книгам Яна Флеминга. Настоящий авторитет. — В голосе Даймонда не было и намек на насмешку. — Вы вступили в клуб «Ищеек», чтобы говорить о Флеминге, но что-то сразу пошло не так, потому что вы пробыли там всего пару недель. И я догадываюсь почему. Эти люди с их огромным самомнением — я их видел. Могу поспорить, что они сказали вам какую-то колкость: о вашем прошлом или о книгах, которые вы читали, — что-то такое, что вас уязвило и оставило чувство обиды. Не важно, что именно.

У Джонса вырвалось:

— Для меня как раз важно.

— Да? И что это было?

Джонс поморщился. Его рана еще не зажила.

— Они сказали, что Флеминг — это мелодраматическая чепуха. Тупые убудки. Начали трещать, что я только зря отнимаю у них время и что они не собираются обсуждать всякую ерунду. Да что они понимают?

Флеминга уважали люди почище их: президент Кеннеди, Кингсли Эмис. Меня до сих пор передергивает, как вспомню об этом. Его книги навсегда изменили жанр шпионского романа. Блестящий стиль. Море эрудиции. Внимание к деталям. Если книга пользуется большим успехом, это еще не значит, что речь идет о макулатуре. Агату Кристи тоже продают миллионными тиражами, но «Ищейки» обсуждают ее за милую душу.

— Хотите сказать, что вступились за репутацию Флеминга? — спросил Даймонд. — Или все-таки они задели лично вас?

На шее Джонса задергался мускул.

— Они обо мне ничего не знали. Я не сказал им, где работал.

— Тем более это должно было вас обидеть. Значит, критиковали вас самих — ваш голос, ваши манеры...

— Никто меня не критиковал. Они просто стали меня игнорировать, потому что я восхищался только Флемингом и больше никем.

— Поэтому вы и ушли через три недели?

— Жаль, что не ушел сразу.

— А потом обо всем забыли, пока вам не представилась возможность отомстить?

Джонс покачал головой:

— Нет. Я ничего не забыл.

Разумеется, он не забыл. Эта рана жгла его много лет.

— Через какое-то время вы встретили Ширли-Энн, и она переехала к вам. Как и вы, она любила читать детективы.

— Она читала все подряд.

— По крайней мере, вы сошлись на Флеминге. И она вступила в клуб «Ищейек».

— По собственной воле, — уточнил Джонс. — Я ее не заставлял.

— Нет?

Даймонд с Джули переглянулись: оба знали, что это ложь. По словам Ширли-Энн, Берт сам принес ей ре-

кламную брошюру из фитнес-центра и показал заметку об «Ищейках», зная, что она помешана на детективах. Но это была второстепенная деталь, и Даймонд не стал заострять на ней внимание. Даже если Берт использовал Ширли-Энн, она не была соучастницей в этом деле.

— Ширли-Энн ничего не знала. Она понятия не имела, что я был членом клуба.

Даймонд кивнул.

— Допустим. Потом вы просто сидели и ждали, когда она начнет рассказывать вам про этих снобов, не сумевших оценить ваш ум. Вы выбирали подходящий момент. Хотели позабавиться за их счет.

— Позабавиться? — переспросил Джонс, словно услышав иностранное слово.

— Утереть им нос.

— Верно.

Такой вариант устроил его гораздо больше. В его намерениях не было ни капли юмора. Он был дьявольски серьезен.

Даймонд добавил:

— Вы хотели выставить их дураками.

Судя по всему, он нашел правильное выражение. Джонс удовлетворенно улыбнулся:

— Да, и я не упустил свой шанс. Особенно когда узнал, что там сидит все та же банда. Этот гомик с дурацкой бородой и та старая ведьма, Полли. Ширли-Энн любит мне все рассказывать. Она говорит, что может заболтать всю Англию. Я не против. У меня был хороший информатор. Она посвятила меня во все подробности своей первой встречи в клубе.

— Когда «Ищейки» обсуждали тайну запертой комнаты?

— Да.

— И вы решили нанести удар — подкинуть им настоящую загадку и доказать, что поклоннику Джеймса Бонда ничего не стоит обставить этих умников на их собственном поле?

— Что-то вроде этого, — согласился Джонс, не уловив иронии в его словах.

В его глазах это меньше всего было интеллектуальным упражнением. Это была месть оскорбленного человека.

— Вы придумали, как можно украсть «Черный пенни» под видом мойщика окон. Ширли-Энн не могла вас заподозрить, потому что вы и так бегали по утрам. Только на этот раз прихватили стремянку и ведро. Видимо, незадолго до этого вы посетили музей и поняли, как можно обмануть охрану. Вы залезли через окно, взломали шкафчик и забрали марку. Так все было?

Джонс пожал плечами.

— Я сделал это не из личной выгоды.

— Никто в этом не сомневается, — дружелюбно согласился Даймонд. — Вы действовали из принципа, а не ради корысти. К тому времени у вас уже была готова первая загадка. Вы распечатали ее на своем рабочем компьютере, когда никого не было рядом. Правильно?

Джонс кивнул. Он охотно признавал все факты и детали, связанные с хитроумной кражей марки. Но готов ли он так же легко признаться и в убийстве?

— Интересно, почему вы выбрали именно Майло Мотиона? Ведь это он должен был найти украденную марку, верно? Должно быть, он чем-то сильно вас задел, когда вы ходили на собрания «Ищеек».

— Он сказал, что такие книги читают только люди с больной психикой.

— Ну, надо же такое сморозить, — покачал головой Даймонд, хотя определение Майло показалось ему довольно верным. — По-моему, Флеминга читают все подряд. Я тоже его читал. Что он имел в виду?

— Склонность к насилию, — пробормотала Джули.

Даймонд возразил:

— По нынешним стандартам его книги выглядят довольно невинно, разве нет?

— Сомневаюсь, что Майло читал что-нибудь написанное за последние тридцать лет, — ответил Джонс.

— И вы решили ему отомстить?

— Да, и вы наверняка не поняли, как я это сделал.

— Кто, я? — переспросил Даймонд, сам почувствовав себя задетым. — Я не понял?

— Хорошо, давайте послушаем, — усмехнулся Джонс.

Даймонд разложил ему все по полочкам. Второй замок от «Фокстон». Визит на речную яхту, пока Майло был дома. Подмена замка, дававшая ему возможность открыть его позже.

Джонс выглядел разочарованным.

— Ладно, вы меня раскусили, — признал он наконец. — Но остальные — нет.

— Тут вы правы. Ваш план был безупречен. Вы практически совершили идеальное преступление. Но любопытство Сида все испортило: он явился на лодку как раз в тот момент, когда вы меняли замок.

Джонс не стал это отрицать и объяснил:

— Я не собирался его убивать. Просто оглушил сзади, чтобы выбраться наружу. Он меня не видел. Даже если бы он выжил, все равно ничего не смог бы рассказать.

— А Руперт? — подтолкнул его Даймонд. — Зачем было убивать его? Он вас ничем не оскорбил. Когда вы ходили к «Ищейкам», он даже не был членом клуба.

Это был ключевой момент. Убийство Сида могло быть случайным, но Руперт — другое дело. Нельзя нечаянно взять и повесить человека на мосту.

Джонс долго молчал. Потом вздохнул и покачал головой:

— Поставьте себя на мое место. Вы шли по следу. Меня это беспокоило. Я знал, что рано или поздно вы до меня доберетесь, если я не придумаю какой-нибудь эффективный ход, чтобы сбить вас с толку. Что-нибудь очень серьезное. Лучше всего убийство. Кто-то должен был отвести от меня удар. Сначала я подумал о Джессике Шоу. Она действительно умна. Достаточно умна, чтобы написать эти загадки. К тому же у нее была вечеринка в галерее. Я решил сделать надпись на витрине, чтобы бросить

на нее подозрение. Даже если бы это не сработало, я смог бы отвлечь ваше внимание.

— И выиграть время?

— Да. Но мне требовался человек, на которого можно было свалить вину за эту надпись. Руперт Дарби.

— Почему Руперт? Вы с ним никак не пересекались.

— Именно поэтому, — ответил Джонс с безжалостной логикой, которая обрекла Руперта на смерть. — Мы с ним были незнакомы.

— Вы обрызгали его краской, — напомнил Даймонд. — Раньше вы никогда не виделись, но его легко можно было узнать по берету.

— Как раз в это время мне пришло в голову, что Дарби подходит лучше Джессики. Если бы он покончил с собой, или если бы все так подумали...

— После того, как вы его убьете?

Джонса не смутил его вопрос. Для него это имело второстепенное значение. Великолепное преступление, связанное с маркой и каютой, доказывало его превосходство над «Ищейками», полицией, коллегами и всеми остальными. Оно должно было остаться нераскрытым, невзирая на последствия. Убийство двух человек стало всего лишь досадным недоразумением. Главное было — закончить дело. Убийцы такого типа встречаются нечасто, но они существуют: самое страшное для них — проиграть, и на этом пути их уже ничто не остановит.

— Все должно было выглядеть так, словно он убил Сида Тауэrsa, а потом свел счеты с жизнью. И тут не помешала бы третья загадка.

— Которую вы и написали. Знаете, а у вас просто талант, — заметил Даймонд. — Жаль, что вы не ограничились стихами.

Джонс пожал плечами. Даймонд добавил:

— Но вы убили совершенно незнакомого вам человека.

— Я был уверен, что стишок сработает. — Джонс обвел взглядом комнату, и в его голосе в первый раз прозвучала неуверенность. — Странно, что он не сработал.

Даймонд решил, что тоже может кое в чем признаться:

— Когда я увидел тело на мосту, мне сразу пришло в голову, что здесь работали два человека. Я не учел вашу физическую силу. Но, все равно, думаю, вам было нелегко.

— Руперт не сопротивлялся.

— Вы его напоили?

— Я подлил кое-что в его седьмую рюмку.

— В каком пабе?

— Не важно. Та еще получилась вечеринка, — заметил Джонс. — Руперт сам мне сказал, что никогда так здорово не напивался.

— А что потом? Вы отвезли его в Сидни-Гарденс и...

— К тому времени он уже не мог стоять на ногах. Я положил ему в карман замок.

— Тот самый, который использовали на лодке?

— Да. У него в куртке были ключи от машины и от квартиры, и я добавил к ним ключ от замка. Он не понимал, что происходит. Потом я вытащил его из машины, привязал к перилам веревку, надел петлю ему на шею и сбросил с моста.

Джонс явно был доволен собой и всеми своими действиями.

— Значит, ваше идеальное преступление в конце концов свелось к грубой силе, — подытожил Даймонд.

— Я бы не стал это так интерпретировать, — возразил Джонс.

— А по-моему, тут все ясно. — Даймонд протянул ему листок. — Надеюсь, сейчас ваши мускулы в порядке? Сможете подписать признание?

Он не видел смысла объяснять, что плохого в безжалостном убийстве двух человек, причем вполне симпатичных. Гилберт Джонс был безнадежен.

Позже, сидя дома перед телевизором и вытянув ноги к Раффлу, который тихо жевал его шнурки, он спросил у Стефани, что она читает.

— Книгу, которую ты недавно принес, — ответила она. — «Человек-призрак».

— Да, я тоже хотел ее прочесть, — заметил он. — Но ограничился одной главой в конце.

— И больше к ней не вернешься?

— Вряд ли. Детективы меня не вдохновляют. Сразу начинаю зевать. Ничего общего с реальной жизнью.

— С убийством в банке, например?

Он бросил на нее недовольный взгляд:

— Это совсем другое дело.

Содержание

Первая загадка. ВЫЗОВ	5
Вторая загадка. ЗАПЕРТАЯ КОМНАТА	68
Третья загадка. ГРУЗ	232

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Лавси Питер

ИЩЕЙКИ

Роман

Ответственный редактор *И. Горяева*
Технический редактор *Н. Духанина*
Компьютерная верстка *Г. Клочковой*
Корректор *Г. Кузьмина*

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru
ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 39 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 20.09.2017. Формат 84×108^{1/32}.
Гарнитура «Charter». Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-17-982459-6

9 785179 824596 >

